

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Philosophical Society of Uzbekistan
Faculty of Business Administration, University of Economics in Prague
Academia Rerum Civilium – Higher School of Political and Social Sciences

**MODERN PHILOSOPHIC PARADIGMS:
INTERRELATION OF TRADITIONS
AND INNOVATIVE APPROACHES**

Materials of the II international scientific conference
on March 3–4, 2015

Prague
2015

Modern philosophic paradigms: interrelation of traditions and innovative approaches : materials of the II international scientific conference on March 3–4, 2015. – Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ». – 192 p. – ISBN 978-80-7526-003-1

EXECUTIVE EDITOR:

Umidjon R. Kushaev, Ph.D., senior research associate at Tashkent Islamic University (Tashkent, Uzbekistan).

ORGANISING COMMITTEE:

Ilna G. Doroshina, candidate of psychological sciences, assistant professor, the chief manager of the Science Publishing Center «Sociosphere-CZ» (Prague, Czech Republic).

Eva Kashparova, Ph.D., research associate at University of Economics in Prague (Prague, Czech Republic).

Said Sh. Shermukhamedov, academician, Doctor of Philosophy, Professor, President of the Philosophical Society of Uzbekistan (Tashkent, Uzbekistan).

INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD:

Vadim N. Goncharov, doctor of philosophy, professor of philosophy chair at Humanities Institute of the North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia).

Larisa D. Kozyreva, doctor of philosophy, professor of Northwestern's Institute for Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Moscow, Russia).

Mamatxon Sharipov, candidate of philosophical science, assistant professor, of the chair of the history of philosophy and logic at National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek.

Sapik Miroslav, Ph.D., assistant professor, prorector of Academia Rerum Civilium – Higher School of Political and Social Sciences (Kolin, Czech Republic).

Tomas Sigmund, Ph.D., academic staff of University of Economics in Prague (Prague, Czech Republic).

Maksuda S. Hajjeva, doctor of philosophical science, assistant professor, head of the chair «Theory of building a democratic society in Uzbekistan and Philosophy» at Urgench State University named after Al-Khwarizmi (Urgench, Uzbekistan).

Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures, quotations, statistics, proper names and other information.

These Conference Proceedings combines materials of the conference – research papers and thesis reports of scientific workers and professors. It examines the problematic of modern philosophic paradigms. Some articles deal with questions of eastern and western philosophy today. A number of articles are covered problems of methodological, gnoseological and logical fundamentals of science. Some articles are devoted to modern national culture and language.

UDC 37

ISBN 978-80-7526-003-1

The edition is included into Russian Science Citation Index.

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», 2015.

© Group of authors, 2015.

CONTENTS

1. EASTERN AND WESTERN PHILOSOPHY TODAY: COMMON PRINCIPLES AND DIFFERENCES

Мирхаликова Ч.

Взгляды Джалалиддина Давани о нравственном воспитании
духовно-развитого человека..... 7

Шабалина Е. П., Виницкая Н. В.

Проблема античного наследия в современном воспитании..... 11

2. METHODOLOGICAL, GNOSEOLOGICAL AND LOGICAL FUNDAMENTALS OF SCIENCE

Асеева И. А., Маякова А. В.

Парадигма сложности в проекции на современную философию..... 16

Борисов С. В.

Научное мышление как конструктивистская деятельность..... 19

Рахматуллин Р. Ю.

Философия как философии..... 21

Sapík M.

Současná filosofická paradigmatá a jejich význam ve společnosti
a politice 23

Шарипов М.

Абстрагирование как способ образования и интерпретации
категорий 28

Шокирова Н.

Роль нового методологического подхода в изучении идей
национальной независимости в процессе воспитания..... 32

3. EPISTEMOLOGICAL AND ONTOLOGICAL PLURALISM

Золотухина-Аболина Е. В., Золотухин В. Е.

«Материализм» и «идеализм» - вечные философские парадигмы..... 36

Ложкина А. Н.

Парадигмы алапциогенеза (эволюционный аспект) 41

Фаритов В. Т. Трансгрессия и игра как фундаментальные концепты современной онтологии	45
---	----

4. VALUES IN THE STRUCTURE OF GLOBAL INFORMATION SPACE

Ивашкин И. Ф. К вопросу о различении понятий «потребность» и «ценность» в свете современной методологии	48
Кандов Б. М., Алимухамедова Н. Я. Влияние процессов глобализации на сферы социальной жизни	50
Монина Н. П. Ценность соборного единства в русской культуре: истоки формирования.....	60
Пашков В. В. Размышления о статусе академического последипломного педагогического образования (социально-философский подход)	63
Якимова Е. Г., Мартьянов Е. Ю. Новаторство В. П. Тугаринова в рассмотрении проблемы ценностей в советской этике	67
Соколова А. С. Противоречивые свойства информации в современном российском обществе	71

5. DIALECTICS OF CIVILIZATION, CULTURE AND RELIGION

Goncharov V. N. Religious aspect of spiritual culture of society	74
Kolosova O. Yu. World religions in the context of cultural development of society	78
Фатеева Ю. Г., Чепурина Н. А. Диалог культур в контексте процесса обучения иностранных граждан.....	82

6. PHILOSOPHY OF ECONOMICS: CONTENT AND RESEARCH METHODS

Фролова С. В., Терехова А. Ю. Философские аспекты рекламной политики фирм	87
---	----

Хадарцева Л. С., Дзахоева С. Л. Роль рекламы в конкурентоспособной деятельности	89
---	----

7. PHILOSOPHICAL PROBLEMS OF THE DEVELOPMENT OF MODERN NATIONAL CULTURE AND LANGUAGE

Алексеева Н. Н. Этнопоэтическая содержательность образов пути, дороги, тропинки в эвенкийской поэзии	94
Епифанова А. Г. Значение дизайна рекламы для многонационального современного общества	96
Карпенко Л. И., Нечаева-Зубец К. В. Фольклор о времени	99
Мальцева Л. В. Сущность культуры кубанских казаков	104
Рахматуллин Р. Ю. Метафизические основания общечеловеческого в культуре	106
Осмонова Н. И. Архетипическое в традиционной культуре кыргызов (на примере феномена сказительного творчества манасчи)	108
Юнусова Г. С., Ибрагимова С. У. Этнокультурная идентичность творческого стиля М. Кажлаева.....	118
Черенкова Л. Ю. Музыкальный код обрядовых песен славян	121

8. AESTHETIC CONSCIOUSNESS: ARCHETYPIC FUNDAMENTALS AND INNOVATIVE TENDENCIES OF ART

Плетухина Е. Г. Архетип героя в творчестве А. Н. Скрябина	124
Sapík M. Archetypální v kultuře a symbolické v sociálních vztazích	126
Сёмина Г. В. Архетипы и этнические символы в национальной культуре	131
Чупахина Т. И. Философские концепции в музыкальном искусстве Серебряного века	136

9. PHILOSOPHIC ISSUES OF SECURITY IN SOCIETY: POLITIC-IDEOLOGIC AND LEGAL FUNDAMENTALS.

Qandov B. M.

The role of the national legal system in assurance of human rights and liberties..... 140

Смирнова А. В.

Модернизация как один из факторов конфликтогенных процессов в регионах России (на примере Северного Кавказа) 147

10. TOLERANCE OF SPIRITUAL AND MORAL PROBLEMS OF SOCIETY

Дорошина И. Г.

Культура толерантности как основа семейных взаимоотношений 151

Камилов К. С.

Толерантность как фактор социальной стабильности и прогресса 157

Костылев С. В.

Арт-менеджмент как механизм трансляции этических ценностей в образовательной среде 160

Кушаев У. Р.

Принципы теории толерантности 164

Рузматова Д. С.

Мыслители о нравственной свободе..... 171

План международных конференций, проводимых вузами России, Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Ирана, Казахстана, Узбекистана и Чехии на базе НИЦ «Социосфера» в 2015 году174

Plan of the international conferences organized by Universities of Russia, Armenia, Azerbaijan, Belarus, Bulgaria, Iran, Kazakhstan, Uzbekistan and Czech Republic on the basis of the SPC «Sociosphere» in 2015.....178

Информация о журналах «Социосфера» и «Paradigmata poznání» 183

Information about the journals «Sociosphere» and «Paradigmata poznání».... 185

Издательские услуги НИЦ «Социосфера» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»..... 190

Publishing service of the science publishing center «Sociosphere» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»..... 191

I. EASTERN AND WESTERN PHILOSOPHY TODAY: COMMON PRINCIPLES AND DIFFERENCES

ВЗГЛЯДЫ ДЖАЛАЛИДДИНА ДАВАНИ О НРАВСТВЕННОМ ВОСПИТАНИИ ДУХОВНО-РАЗВИТОГО ЧЕЛОВЕКА

Ч. Мирхаликова

*Преподаватель,
Ташкентский исламский университет
при Кабинете Министров
Республики Узбекистан,
г. Ташкент, Узбекистан*

Summary. The article deals with the ethical and moral views of the scholar Djaloliddin Davani in the book «Ahloki Jaloli», who worked in the XV century. And the role of these views in governing and importance of bringing up a mature person is shown in appropriate styles.

Keywords: Djaloliddin Davani; «Ahloki Jaloli»; justice; equality; freedom; education.

Есть все основания говорить, что годы независимости были эпохой создания весомых трудов по изучению исторического и духовно-нравственного наследия. Специально принятая и действующая Национальная Программа в нашей стране и коренные демократические изменения во всех отраслях социальной сферы государства, а так же положительные добрые дела по обеспечению интересов граждан привели к сознательному расширению их мышления. Из истории известно, что человек и его воспитание во все времена считались актуальными. Этот вопрос занимал важное место особенно во взглядах мыслителей Центральной Азии.

Как подчеркнул президент Узбекистана И. А. Каримов: «... сегодня в связи с процессом возрождения, у народа отношение к судьбе Родины, к событиям, происходящим вокруг, меняется коренным образом. В стране укрепляются достоинства высокой духовности и демократические ценности, и что самое важное, наш народ чувствует свою причастность к этим возрождениям широкого масштаба и верит в будущее нашей страны» [3, с. 100]. В данное время это сложный процесс, потому что «мышление общества не так легко полностью изменить за пару лет, это длительный и непрерывный процесс» [3, с. 100–101]. Поэтому исследования, изучающие социально-философские и духовно-нравственные взгляды и произведения мыслителей Востока, особенно Центральной Азии, посвященные справедливому управлению городом и воспитанию гармонично развитого человека, считаются практическим руководством для воспитания подрастающего

молодого поколения. Одним из таких представителей среди центрально-азиатских мыслителей XV века является Джалалиддин Давани.

В трактатах Джалалиддина Давани воспитание человека и его развитая нравственность занимали важное место. По утверждению Давани, человек станет гармонично развитым, если включит в себя 4 компонента, то есть мудрость, справедливость, смелость и целомудрие. Ученый, комментируя эти компоненты, говорит, что мудрость – это результат практического разума. Практический разум – это подтверждение теоритических знаний на практике, существующие знания человека на практике превращаются в учение. Давани такие знания называл мудростью. Отсюда вывод: центрально-азиатские мыслители считали, что знания без практики, как дерево без плода.

Трактат Давани «Этика Джалали» состоит из трёх частей: первая часть посвящена нравственности, вторая часть – внутреннему миру человека, семейной жизни. Здесь описываются семейные отношения, воспитание ребенка, отношения родителей к своим детям. Третья часть называется «Управление городом (государством) и политика правителей», в ней рассматриваются важные социально-политические вопросы. Также отражены вопросы возникновения общества, проблемы государства и его управления, благополучие народа, роль, статус и обязанности правителей городов.

Давани, наряду с другими мыслителями Востока, такими как аль-Фараби, аль-Беруни, Ибн Сина, считал, что гармоничное развитие человека зависит от его отношения с другими людьми. Например, Абу Наср аль-Фараби выдвигает идею, что человек по своей природе нуждается в обществе людей. Давани утверждает, что человек, сформировавшийся в отношениях с другими и воспитанный в обществе, в определенной среде, может достичь счастья, если в этом обществе будет торжествовать справедливость.

В своем трактате «Этика Джалали» ученый в основном ведет речь о практической философии. Он считает, что практическая философия делится на три предмета: первый – предмет о нравственности, который касается всех. Второй – предмет о семье и его законах и называется семьяведение. Третий – управление государством и городами или предмет о политике. Значит, практическая философия занимается нравственностью, воспитанием и проблемами управления государством. Давани при разделении философии на теоретические и практические части использовал правила разделения на группировки предметы, приведенные в трактате «Этика Насра» [1]. Автор в своем трактате, говоря о воспитании молодого поколения и обладании им хорошим ремеслом и навыками, разъясняет, что в первую очередь для достижения гармоничного развития человек должен строить добронравные отношения с окружающими. Индийский ученый А. М. Шастери в своем произведении «Отрывки из истории культуры ислама» особо подчеркивает социально-политические взгляды Давани.

Давани, подобно мыслителям прошлого, делит город на добродетельный и невежественный. Добродетельный город он описывает таким образом: «Добродетельный город – это объединение людей, складывающееся на основе их взаимопомощи ради достижения ими счастья и служения каждого во благо всех и ликвидирующие все неблагоприятные события» [2, с. 152]. Добродетельным городом должен управлять умный, мудрый, справедливый человек. Жители этого города, независимо от своего сословия, должны подчиняться установленным правилам города. Жители невежественного города, наоборот, следуют по пути несчастья и невежества, правитель города, так же является невеждой и заботится только о своих благах, не думая о печали народа и не заботясь об их нуждах. Давани считает, что жители невежественного города самые опасные, так как они живут и развиваются в невежественном городе, где существуют только несчастья, несправедливость и беднота, где не подчиняются законам общества, сбивают людей с правильного пути.

По словам ученого, в добродетельном городе постоянно царствует равноправие, спокойствие, потому что там правит справедливость. Справедливость – это весы истины, обеспечивающие равноправие между отношениями людей в обществе. Если мы рассмотрим справедливость как важный компонент нравственности и необходимым качеством достоинства гармонично развитого человека, то увидим, что она не только обеспечивает равноправие, но и является составляющим фактором духовной и материальной стабильности.

Давани считает, что справедливость служит социальному равноправию людей и процветанию общества, а справедливый правитель – это представитель бога на земле, и приводит ряд ценных указаний по поводу управления городом. Как он пишет, правитель города должен быть непременно умным и обязательно справедливым, который может обуздать свои страсти, не увлекается богатством, полностью придерживается законов. И сравнивает правителя Кашифи с целителем, который, если не будет прислушиваться к жалобам больного и не будет внимателен к нему, то не сможет вылечить его. Правитель так же должен уделять внимание своему народу, знать об его проблемах, заботиться о них. Давани говорит: «Если ведение города в руках справедливого правителя, то все стараются подражать ему и быть достойными, в противном случае, народ прибегнет к корыстолюбию, алчности, пристрасти и прочим непристойностям» [2, с. 160].

Одним из достойных внимания социально-политических взглядов Давани является то, что он считает неременным условием мирного существования и стабильного процветания города – одинаково равное отношение между правителями и со всеми жителями города, когда никто ни над кем не властвует.

Мы видим в большинстве взглядов Давани логическое продолжение мыслей Абу Наср аль-Фараби. Для сравнения, аль-Фараби выдвигает идею,

что каждый человек по своей природе нуждается в обществе людей, а Давани считает, что человек воспитанный в определенной среде и сформированный на отношениях с другими в справедливом обществе может достичь счастливого благосостояния, поэтому он в своем трактате «Этика Джалали» справедливо делит общество на добродетельный и невежественный города.

Давани утверждает, что правитель добродетельного города должен воплощать в себе десять самых лучших достоинств:

первое – всегда ценить и уважать людей;

второе – справедливо выполнять государственные обязанности;

третье – не поддаваться алчности и пристрастности;

четвертое – в правлении не допускать торопливости и гнева, а наоборот, проявлять снисхождение и милосердие;

пятое – считаться с нуждами народа;

шестое – заботиться о неимущих;

седьмое – принимать справедливые решения;

восьмое – каждое дело выполнять сообща и согласуя;

девятое – назначать на должность исходя из способности, неспособных не выдвигать;

десятое – издавать справедливые указы, не нарушать законы.

Давани особое внимание уделял вопросам возникновения общества, городу и его управлению, справедливым и несправедливым правителям, роли развития науки в обществе, разумному и нравственному воспитанию. В его взглядах человек воспринимался как социальное существо и Давани выдвигал идею о формировании его как личности только в обществе, среди людей. Давани считал людей, приносящих обществу пользу, настоящими смелыми людьми, такие достоинства как настойчивость и стойкость относил к компонентам смелости. Подтверждая мнения Ибн Сина о смелости, он излагает свои комментарии о нем: не каждый поступок можно считать смелым, а только тот, который приносит пользу для общества и отражает интересы государства.

Одним из важных сторон заслуг Давани можно считать тот факт, что он рассмотрел и развил двенадцать требований аль-Фараби к правителям города. Давани утверждает, что если правитель несправедлив, то подчиненные будут вести себя непристойно и будут подражать ему и в их поступках будет виноват сам правитель. А если правитель справедливый, то и подчиненные тоже будут стараться быть такими.

Мыслители Востока уделяли особое внимание понятию справедливость и считали его качеством, ведущим к гармоничному развитию. Давани сравнивает справедливого правителя с искусным целителем. Справедливый правитель должен заботиться о своих подданных, исправлять их ошибки и направлять их по правильному пути, подобно мудрому целите-

лью, который постоянно следит за здоровьем своих больных, чтобы вовремя улучшить их состояние и вылечить от болезни.

Достойны внимания комментарии ученого к понятию «свобода»: «Свобода это – накопление богатства с помощью ремесла и трата их на благие дела. Только честным трудом заработанные блага можно считать свободой».

Давани также обращал внимание на роль и место ученых в обществе, считая, что настоящий ученый должен активно принимать участие в государственных делах, решать проблемы, приносящие пользу государству. Изучить секреты природы, заниматься воспитанием, распространять среди людей правила справедливости, внедрять нормы нравственности и быть на шаг вперед впереди всех.

В заключении можно сказать, что взгляды Давани о просвещении, воспитании и нравственности на сегодняшний день очень важны для развития правовой культуры и правового мышления, играют огромную роль в духовно-нравственном воспитании гармонично развитого подрастающего поколения. Поскольку Давани воспекает высоконравственные качества характера человека, его советы для достижения счастливой жизни не потеряли свою актуальность до сих пор.

Библиографический список

1. Аликулов Х. Философское наследие и развитие духовно-нравственного мышления. Институт философии и права. – Ташкент, 2009. – С. 108.
2. Давоний. Ахлоки Жалолий. ЎЗФА, Шарқшунослик институти кўзлэмалар фонди, инв. 7703.
3. Каримов И. А. Высокая духовность – непоколебимая сила. – Ташкент : Маънавият, 2008.

ПРОБЛЕМА АНТИЧНОГО НАСЛЕДИЯ В СОВРЕМЕННОМ ВОСПИТАНИИ

Е. П. Шабалина
Н. В. Виницкая

*Кандидат педагогических наук, доцент,
Кандидат искусствоведения, доцент,
Алтайская государственная
академия образования
имени В.М. Шукшина, г. Бийск,
Алтайский край, Россия*

Summary. The authors consider the problem of ancient heritage with the theoretical and practical aspects, describe the line continuity of traditions in contemporary education.

Keywords: education; heritage; history of pedagogy relationship with modernity; philosophy; forms of understanding of reality.

В России отмечается повышенный интерес к историческому наследию. Одним из условий познания является неразрывная связь истории педагогики с современностью. Развитие педагогической науки и воспитательной практики немыслимо без творческого освоения наследия, созданного предыдущими поколениями, без выделения в наследии того, что принадлежит будущему.

Период античности – это один из самых интересных периодов в истории человечества. Великие мыслители того времени, ознакомившись с идеями которых мы можем с помощью дошедших до нас трудов, заложили основу многих наук. В число древнейших наук входит и педагогика, потому что одной из главных задач философов была передача накопленных знаний.

Античное общество возникло и развивалось как подведение итогов многотысячелетней истории народов средиземноморского региона, где разделение умственного или духовного и физического или материального труда оказалось наиболее успешным, положило начало активной профессионализации духовного труда и накопления опыта профессиональной духовной деятельности отдельных членов общества.

Развитие мировоззренческих начал в восприятии природы и общества специалистами духовного труда разных направлений неизбежно вело духовное производство античного мира, особенно науки, искусства и философию, к их глубокому взаимовлиянию и обогащению, к обретению своей особой специфики и функциональной общественной роли. Поэтому современные исследователи Древнегреческой философии подтверждают выводы о том, что разнообразие в Древней Греции типов или школ философских учений сделало Древнегреческую философию VI в. до н.э. своеобразной всемирно-исторической школой философского мышления для всех последующих времен [4, с. 10]. Однако стихийный материализм и первые трактовки диалектических представлений в мировоззрении древних греков, глубоко интересовавшихся деятелей духовной культуры Античного мира, не были единственным направлением мировоззренческого восприятия действительности и в эту далекую от нас историческую эпоху социокультурного развития человечества. Столь же интенсивно, а к концу истории Античной культуры, может быть, даже более ускоренными темпами в противовес стихийному материализму начало утверждаться идеалистическое и дуалистическое мировоззрение древних греков.

Именно древнегреческая философия с первых же шагов своего формирования начала обосновывать методы духовного освоения мира, всегда окружающего человека и предстоящего ему, человеку, его разуму и всему

его сознанию в формах: возбуждения, психических и эмоциональных переживаний; эстетически-образных и морально-этических оценок.

Она учила размышляющих о мире и формирующих духовные представления о нем в виде предвидения получения желаемого результата духовных действий, правильной постановке вопросов для размышлений, умению пользоваться уже сформированными представлениями как не требующими доказательств аксиомами, владению логическими формами мышления.

Объективный идеализм сознательно и непримиримо противопоставлял себя предшествовавшему и современному ему материалистическому направлению древнегреческой философии. Объективный идеализм на протяжении всей последующей, более чем двух тысячелетней истории, всегда оставался непримиримо враждебным к материализму направлением мировой философской мысли.

Логические работы Аристотеля, сведенные впоследствии в собрание, получившее название «Органон» («Орудие»), стали базисом логических исследований и логического обучения в течение двух последующих тысячелетий, как в странах Европы, так и в странах Ближнего и Среднего Востока. В то время как в Академии платоновской культивировались занятия математикой и были в этой области получены ценные результаты, в Ликее Аристотеля процветали занятия специальными естественными и гуманитарными науками. И, продолжая традицию Демокрита, Аристотель и его ученики разрабатывали проблемы космологии, физики, создали новые отрасли естественнонаучных исследований: зоологию и сравнительную анатомию животных (Аристотель), ботанику (Теофраст). В области гуманитарных наук в Ликее изучались вопросы государственного строя, были описаны конституции большого числа греческих полисов, в том числе конституции Афин, исследовались вопросы риторики, эстетики и поэтики

Сочинения Аристотеля и учеников его школы – Ликеея целиком нельзя относить только к материалистическому или только к идеалистическому направлению древнегреческой философии [1, с. 65]. В истолковании главного или «основного вопроса философии» об отношении идеального Бытия к материальному Бытию Аристотель и его ученики занимали позицию платоновского объективного идеализма. Однако в своих научных изысканиях сущности объектов и процессов естественной и социальной действительности твердо стояли на позициях стихийного материализма, материалистической диалектики и отражательной природы человеческого сознания, что позволило Аристотелю оказаться «впереди веков» и даже тысячелетий в создании и развитии многих наук. Такое направление в философии Древней Греции позднее было названо дуализмом [1, с. 52].

Вместе с представлениями о соотношении материального и идеального, единичного и общего, движения и покоя, единства мира и его развития, древнегреческая философия большей частью стихийно заложила ос-

новы представлений о социальной роли философии в качестве методологии духовного освоения мира.

В основании духовной жизни общества как социального процесса лежит общественное сознание с его многочисленными модификациями или формами, которые возникают как отражение столь же многообразных форм материального Бытия общества.

Первичные образы имеют черты сходства с формой объектов восприятий и глубоко личностные особенности реагирования на них субъектов социального отражения. Из таких образов складывается эмпирический опыт жизни как духовного взаимодействия социальных индивидов со средой обитания.

В такой социальной роли первичные образы имеют особое значение в становлении и развитии всей духовной жизни общества, в ее обогащении новой информацией об объектах, событиях, процессах, их объективных качествах и свойствах, состоянии и поведении. Но особую функциональную роль первичные образы играют в существовании оценочных форм социального отражения, раскрывающих значимость явлений объективной действительности для жизнедеятельности людей. Это основной способ сохранения жизни и выживания особей живой природы, превратившийся в инстинкт и унаследованный человечеством как выделившейся из природы ее части, сохранившей важнейшие черты бытия живой природы в своей жизнедеятельности. Именно оценочное отражение сущего достигло высших уровней проявления в эстетических образах человеческого бессмертия как идеала развития человеческой жизнедеятельности. В психике человека данный этап является процессом работы чувств и эмоциональной памяти. Поэтому его можно трактовать как мироощущение. Именно с мироощущений и начинается вся духовная жизнь людей, все духовное освоение мира. Не менее важны для содержания первичных образов мироощущения и индивидуально-неповторимые особенности субъекта восприятия действительности. Субъектам восприятия явлений объективной действительности только кажется, что их зрительные, слуховые, зрительно-слуховые и другие образы находятся в исключительной власти тех внешних форм, которыми обладают воспринимаемые явления.

К формам освоения действительности относят: предметно-практическое, теоретическое (духовное) и духовно-практическое. Формы одновременно выступают основными формами проявления творчески-преобразовательной жизнедеятельности людей. Материальная или предметно-практическая деятельность обеспечивает регуляцию творческого начала жизни людей продуктивно, как практическую переработку того, что дает природа, в соответствии с социальными индивидуальными и общественными потребностями [3, с. 55]. Духовная или теоретическая деятельность осуществляет функцию регуляции преобразовательного отношения человека к окружающей действительности теоретически, как процесс производства

миропонимания и знаний с помощью выявления объективных закономерностей всего объективного мира и отдельных его проявлений, отдельных предметов и процессов, моделируя теоретически эти закономерности.

Теоретические закономерности восприятия и способа отражения окружающего мира, различных возможностей его толкования и объяснения лежат не только в основе философии Древней Греции, повлиявшей во многом на современную философию, педагогику, культуру.

Древняя Греция, ее культура занимают особое место в мировой истории. В высокой оценке античной цивилизации сходятся мыслители разных эпох и направлений. Античность открыла человека как прекрасное и совершенное творение природы, как меру всех вещей. Философов Древней Греции Гераклит высказал ряд основательных педагогических идей об обучении и воспитании, освоении нравственности как свойстве человека «всем людям дано познавать самих себя и быть целомудренными» [2, с. 18]. Демокрит придавал огромное значение воспитанию, так как «воспитание перестраивает человека и создает природу» [2, с. 15]. Аристотель заложил предпосылки теоретического осмысления философской и педагогической мысли античности, вопросов бытия и процесса воспитания. Таким является мировоззренческое осознание освоения действительности, лежащие в основе жизни общества.

Изучение и анализ античного наследия позволили выявить понимание гармоничности и меры, соразмерности и просветленности, героического начала и стремления к идеалу. Следует отметить, что античное воспитание остается незаменимым в процессе воспитания современного молодого поколения в идеалах гуманизма.

Библиографический список

1. Введение в философию: учеб. пособие для вузов / авт. колл.: И. Т. Фролов и др. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Республика, 2003.
2. Джурицкий А. Н. История педагогики. – М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2006.
3. История философии. – СПб. : Питер, 2003
4. Мамардашвили М.К. Лекции по античной философии. – М., 1992.

II. METHODOLOGICAL, GNOSEOLOGICAL AND LOGICAL FUNDAMENTALS OF SCIENCE

ПАРАДИГМА СЛОЖНОСТИ В ПРОЕКЦИИ НА СОВРЕМЕННУЮ ФИЛОСОФИЮ

И. А. Асеева
А. В. Маякова

*Доктор философских наук, доцент,
аспирант,
Юго-Западный государственный
университет, г. Курск, Россия*

Summary. The author reconsiders the view that questions the nature of science do not need a philosophical interpretation. In particular, the complexity theory is a vast philosophical and theoretical field, in terms of which it is possible to study such philosophical problems (boundaries and limits, differentiation, ethics), which are necessary for applications that will lead to new perspectives in the nature of the «exact» science knowledge. Many aspects of complexity theory can benefit from the use of philosophical analysis. In turn, philosophy rethink their eternal questions (relativism, ethics, the role of the subject) under the influence of complexity theory.

Keywords: complexity theory; philosophy; boundaries; limits; differentiation; ethics.

На протяжении веков научное мировоззрение основывалось на ньютоновской теории [1]. Соответствующую философию называют по-разному: редукционизм, механицизм или модернизм. Онтология ньютоновской теории: явление движения мельчайших независимых материальных частиц, регулируемое детерминированными законами. Гносеология теории заключается в наличии полного, объективного и достоверного знания прошлого и будущего. Тем не менее, игнорируется или даже отвергается любая идея ценности, этики, или творческих процессов, описывающих Вселенную как сложный механизм.

За последнее столетие различные научные разработки были оспорены, и возникла новая картина, в центре которой расположена сложность. Во-первых, принцип неопределенности Гейзенберга в квантовой механике с последующим понятием хаоса в нелинейной динамике показал, что мир по своей природе непредсказуем. Затем теория систем дала научное обоснование идеям холизма и эмерджентизма. Кибернетика, параллельно с постмодернистской социальной наукой, показала, что знание, по сути, субъективно. Теория самоорганизации и биологической эволюции доказали, что последовательность и организация возникает динамически из клубка противоречивых сил и случайных колебаний, т. е. «порядок из хаоса».

В настоящее время различные подходы начинают интегрироваться в науку сложности. Ее центральная парадигма – многоагентная система: совокупность автономных компонентов и локальных взаимодействий, которые приводят к глобальному порядку. Агенты, по сути, субъективны и неопределенны, но им удается самоорганизовываться на стадии становления в адаптивную систему. Таким образом, неопределенность и субъективность больше не рассматривается негативно, как потеря абсолютного порядка механицизма, а как факторы творчества, адаптации и эволюции.

Хотя идеи теории сложности оказали существенное влияние на различные дисциплины за пределами «точных» наук, откуда они произошли, в частности, на социологию и организационные науки. Влияние на основы философии не было столь значительным, как ожидалось. Поэтому неудивительно, что соответствующие домены когнитивной науки и эволюционной теории вдохновили множество философских исследований.

Одной из причин может быть то, что англо-саксонская традиция «аналитической» философии, и ее акцент на анализ проблем и их логических компонентов враждебна к холизму, неопределенности и субъективности сложности. Другой причиной может быть то, что значительная часть теории сложности является результатом разработок в области математики и теории вычислений. Это не типично для большинства философов направления исследований, поэтому теорию сложности в основном обсуждали в рамках философии науки, математики и вычислений, а не в философии культуры и социальной философии. Современное понимание теории сложности базируется на идеях теории хаоса.

Акцент на идеях теории хаоса негативно повлиял на понимание структуры сложных систем. У большинства природных систем структура хорошо определена и, как правило, достаточно прочна. Несмотря на нелинейный характер, системы не балансируют на острие ножа. Теории, основанные на постструктурном понимании языка, например, деконструкция, могут осветить эту дискуссию, однако для этого сначала нужно признать, что деконструкция не означает, что значение является относительным [2].

Рассматривая проблему границ и ограничений в аспекте теории сложности, необходимо отметить, что взаимоотношения сложной системы и среды или ее содержания сами по себе являются сложной проблемой. При работе с социальными системами, часто неясно, где граница системы. На помощь приходит теоретический выбор. Кроме того, понятие «ограничение» часто путают с понятием «граница», особенно в случае использования теории автопоэзиса [3]. Проблемы «обрамления» и способ, при котором содержание и система представляют друг друга, могут быть разработаны в рамках постмодернистских взглядов.

Для модернистов дифференциация и разнообразие всегда являлось нерешенной проблемой. Для постмодернистов разнообразие не проблема, а наиболее важный ресурс сложной системы. Рассуждения о разнообразии

и дифференциации, в том числе вопросы мультикультурализма, глобализации, биоразнообразия, устойчивости и характера общественной системы в целом, наблюдаются в работах таких философов, как Соссюр, Деррида, Делез [4].

Теория сложности утверждает, поскольку невозможно дать полное описание сложной системы, также невозможно разработать постоянный и последовательный набор правил контроля над поведением этой системы. Теория сложности (и постмодернизм), конечно, не может разработать этическую систему, или, по крайней мере, систему, которая позволит решить данную проблему. Однако когда мы имеем дело со сложностью, и в социальной и гуманитарной области, мы никогда не свободны от соображений правового характера. Некоторые формы этики чрезвычайно важны для понимания теории сложности. Это следует и из эволюционно-кибернетических рассуждений и из классики многоагентного моделирования, что резонирует с постструктурной этикой и этикой Деррида [5].

Философия всегда занималась сложными вопросами, не используя при этом язык современной теории сложности. Так язык сложности может обогатить традиционные философские дискуссии, в свою очередь, идеи философии языка, культуры и общества – дискуссии о сложности, как таковой. В определенной степени такое взаимодействие происходит в философии «постмодерна». Заметим, что данный термин следует использовать с осторожностью. Постмодерном охарактеризовать широчайший перечень категорий, иногда уничижительно, а иногда и просто как вербализм. В данном контексте, постмодернистская философия определяется, как твердая философская позиция критической основополагающей формы модернизма.

Хотя многие философы (в основном постмодернисты) выразили аналогичные настроения, парадигма сложности все еще нуждается в философской ассимиляции. Это может помочь не только философии решить некоторые из своих вечных проблем, но и помочь научным деятелям теории сложности разобраться в основах и последствиях своих инновационных моделей.

Библиографический список

1. Heylighen F., Cilliers P., Gershenson C. Complexity and Philosophy // Complexity, Science and Society (Radcliffe, Oxford), – 2007, – pp. 41–71.
2. Prigogine I. and Stengers I. The end of certainty: time, chaos and the new laws of nature. – New York : Free Press. 1997.
3. Gershenson C., Heylighen F. How can we think the complex? in: Richardson, Kurt (ed.) Managing the Complex Vol. 1: Philosophy // Theory and Application. (Institute for the Study of Coherence and Emergence/Information Age Publishing), – 2005, pp.47–62.
4. Turchin V. Cybernetics and Philosophy, in: The Cybernetics of Complex Systems, F. Geyer (ed.), (Intersystems, Salinas, California). – 1990. – pp. 61–74.
5. Waldrop, M. M. Complexity: The Emerging Science at the Edge of Order and Chaos. – London: Viking. 1992.

НАУЧНОЕ МЫШЛЕНИЕ КАК КОНСТРУКТИВИСТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

С. В. Борисов

*Доктор философских наук, доцент,
Челябинский государственный
педагогический университет,
г. Челябинск, Россия*

Summary. This article proves that a scientific knowledge is the design of thinking which directing and transforming empirical data. Designing of a picture of the world happens on the basis of methodological schemes which are understood as a set of methods of activity and logical operations of knowledge.

Keywords: thinking; knowledge; science; constructivism.

Мыслящий не столько постигает природу, сколько структурирует ее в соответствии с законами мышления. Разум видит только то, что сам создает по собственному плану. Более того, разум всегда «опережает» природу, заставляет ее отвечать на его вопросы, а не тащится у нее на поводу. Для разума наблюдение, произведенное случайно, без заранее составленного плана, не имеет никакого смысла и значения, так как «оно не будет связано с другими наблюдениями необходимым законом, между тем как разум ищет такой закон» [3, с. 87]. Наше мышление, согласно Канту, пребывает одновременно в двух реальностях – трансцендентальной, где с помощью разума, точнее, в сфере разума, а priori создаются научные знания, и эмпирической, где на основе созерцания имеет место опыт. По сути, именно трансцендентальная реальность – основа всему.

Рефлексия же порождает «двойников» в едином, цельном и неделимом бытии-мире. Мыслящий, зачастую, путает «продукты» трансцендентальной реальности с «продуктами» реальности эмпирической. Данная путаница порождает игру в «кошки-мышки» под названием «субъектно-объектная оппозиция». Противоположность субъекта и объекта мнимая. Задача разума – снять эту изначально полагаемую противоположность «зеркально-рефлексивного» сознания человека по отношению к внешнему миру и установить их содержательное единство.

На ступени чувственного сознания мы имеем только смутные образы предметов. На ступени воспринимающего сознания мы подвергаем их расчленению, в ходе чего опытным путем выявляем их различные элементы и свойства. Следующая ступень познания заключается в том, чтобы свести все обнаруженные внутренние и внешние различия предметов к их единству и доказать необходимость этого единства. Любая совокупность явлений, будь то единичный предмет в его внутреннем убранстве либо внешняя система, состоящая из множества предметов, постигается сознанием только таким двойным способом [2].

То есть сначала мы выявляем их различия: стороны, свойства, части, элементы, связи, отношения и т.д., а затем сводим этот проанализированный нами материал к единству. При этом неважно, будем ли мы рассматривать предмет как сам по себе взятый (рефлексия вовнутрь) или как принадлежащий системе более высокого порядка (рефлексия вовне) – и в том, и в другом случае от нашего рассудка требуется привести к необходимому единству все многообразие эмпирически выявленных в нем различий: сторон, свойств, частей и т. д. Найти такое единство значит установить закон.

Теперь если синтезировать взгляды Канта и Гегеля по поводу методологических основ мышления и деятельности субъекта, можно прийти к выводу, что, например, наука может вообще обходиться без каких-либо эмпирических подтверждений знаний, поскольку изначально ставит во главу угла закономерности мышления и логику. Несмотря на различие научных дисциплин, все науки объединяет тождественная логическая структура [4]. Мышление в таком случае следует рассматривать как активную конструктивную деятельность по созданию научной картины мира, которая является первоисточником априорных определений бытия.

По сути, истинность научных знаний всегда определялась с помощью тех или иных «заданных» логических установок, методов, деятельности в сферах научного познания. Верификация научных теорий – большая натяжка. Именно мышление выступает как порождающий акт. Поэтому научное знание никогда не базировалось на внешних предпосылках, не зависело от онтологии. Познание – это понятийное конструирование предмета, которое создается на основе переплетения логических отношений.

Это особенно характерно для современных научных исследований. Зачастую создаются мнимые (фиктивные) объекты, которые не имеют онтологического основания, так как не могут быть сопоставлены с реальным предметом. Теоретические идеализации используются исключительно как методический прием, вводятся для удобства. Но, несмотря на онтологическую иллюзорность фиктивных сущностей, успешное применение методического приема легализует их статус. Разработанная теория включает их в число своих объектов. Бывшие фикции начинают рассматриваться как реально существующие [1, с. 231].

Даже чувственный опыт – это тоже, по сути, форма мышления, поскольку он базируется на представлении о причинной связи, то есть на категории рассудка. При этом категории рассудка, в отличие от категорий Канта, можно и не «притягивать» к миру опыта, так как они являются лишь функциями. Чистое созерцание является результатом процесса мышления, поскольку не воспринимает предмет как заранее заданный, а порождает, конструирует его в познавательном процессе. Например, пространство и время – что это, как не система идеальных отношений.

Таким образом, чистая мысль с ее априорными принципами может быть единственным источником познания, которая не вбирает ничего в се-

бя извне. Человек конструирует научное знание о мире посредством мышления, которое само создает свой материал, а не обрабатывает эмпирический материал, полученный извне с помощью органов чувств. Конструирование картины мира происходит на основе методологических схем, под которыми понимается совокупность приемов деятельности и логических операций познания. Реальность в обыденном понимании в науке заменяется логическим содержанием этой данности, которая придает неопределенным ощущениям структуру, освобожденную от психологизма. Любая данность является продуктом мыслительной познавательной деятельности, поэтому истинная реальность – это не что иное, как реальность метода.

Статья подготовлена в рамках задания № 2014/396 Министерства образования и науки Российской Федерации на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности.

Библиографический список

1. Борисов С.В. Наука глазами философов: Что было? Что есть? Что будет?: учебное пособие. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2015. – 368 с.
2. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. – СПб.: Наука, 1992. – Предисловие.
3. Кант И. Критика чистого разума // И. Кант. Сочинения: в 6 т. – М.: Мысль, 1964. – Т. 3.
4. Коген Г. Теория опыта Канта. Гл. 16. Система критического идеализма // Вопросы философии. – 2006. – № 4. – С. 151–173.

ФИЛОСОФИЯ КАК ФИЛОСОФИИ

Р. Ю. Рахматуллин

*Доктор философских наук, профессор,
Башкирский государственный аграрный
университет, г. Уфа,
Республика Башкортостан, Россия*

Summary. Philosophy is defined as a set of doctrines of universal values. Different living conditions are the cause of the formation of different value orientations. Therefore, the same for all people of philosophy can not be: philosophy exists only as a set of philosophies.

Keywords: philosophy; the subject of philosophy; universal values; living conditions.

Одним из сложных философских вопросов является проблема самоопределения философии. Причиной этому является наличие множества парадигм, принимаемых автором того или иного учения в качестве главного в философии. К примеру, основным вопросом философии философы-марксисты считают вопрос о соотношении материи и духа, позитивисты – проблему объективности знания, экзистенциалисты – вопрос о смысле человеческого существования, а постмодернисты – соотношение текста и ре-

альности. Мы придерживаемся ценностного определения философии, восходящего к Плотину. Эта традиция нашла продолжение в работах В. Виндельбанда, назвавшего философию «наукой об общеобязательных ценностях» [1, с. 23]. Аксиологической мы считаем и характеристику философии, данной Н. В. Мотрошиловой, которая пишет, что «важнейшей функцией философии ... является рождение и обогащение поистине бессмертной сокровищницы всеобщезначимых идей» [2, с. 6]. В этом случае, казалось бы, существует способ единственно правильного определения философии: нужно договориться, какие ценности считать «общеобязательными», они и будут определять границы философского пространства. Но вся проблема в том, что договориться по поводу «общеобязательности» тех или других ценностей не получается. Например, отношение к Богу как к ценности, между религиозными философами и материалистами противоположное. Такое же отношение возникает при оценке метафизического знания между позитивистами и марксистами. Нет единства среди философов и по поводу оценки философского знания как научного. Из приведенного выше определения Виндельбанда следует, что философия является наукой. Но известный науковед А. Л. Никифоров в статье, опубликованной в еще в 1989 году, привел доводы, позволяющие сомневаться в научности философского знания [3]. Такое же сомнение было выражено нами в ряде работ [4; 5; 6; 7]. Дело в том, что если считать философию наукой, то религиозную философию, экзистенциализм, философию жизни, постмодернизм философией считать нельзя: эти учения не соответствуют идеалам научности. Можно ли, например, считать метафизические взгляды В. С. Соловьева философскими, если они основаны на мистическом опыте? Или взгляды известного философа-экзистенциалиста А. Камю, изложенные исключительно в виде художественных текстов?

Выход из этой ситуации мы видим в том, что нужно признать множественность философий: философии как единой *системы* знаний, структурированных каким-то одним принципом, исследовательской парадигмой (материализма, причинности, единства мира и т.п.), не существует. Поэтому еще в 1990-х годах мы предложили определять философию как *совокупность* (не систему!) «разных учений об общезначимых, универсальных ценностях человеческого существования» [4, с. 8]. При этом эти учения могут быть аналогичными, во многом не совпадать, но могут быть и противоположными. Такая ситуация характеризует и религию: религий мы называем совокупность религий, в которых понимание Бога (богов), образа жизни человека, дозволенного и запретного неодинаково.

Люди веками ищут идеологию, которая могла бы их объединить, но ничего не получается. Почему? Дело в том, что убеждения людей, из которых складывается их мировоззрение, являются производными от их образа жизни. Мы отличаемся друг от друга не только цветом глаз, весом и ростом, но и условиями своего бытия: доходом семьи, состоянием здоровья,

образованием, жилищными условиями, возрастом, кругом друзей, особенностями профессии и т. п. Насколько эти факторы у людей неодинаковы, настолько неодинаковы являются и их философские взгляды. Для того, чтобы формировать одинаковые убеждения у всех, нужно сделать тождественными образы жизни всех людей. Но это невозможно: для этого нужно, чтобы все были одинакового возраста и пола, с одинаковыми доходами, должностью, образованием, состоянием здоровья и т. д.

Вывод: одной, удовлетворяющей всех людей философии, быть не может. Философия существует лишь как множество философий.

Библиографический список

1. Виндельбанд В. Прелюдии. Философские статьи и речи. – СПб. : Изд. Д. Е. Жуковского, 1904.
2. Мотрошилова Н. В. Рождение и развитие философских идей. – М. : Изд-во политической литературы, 1991.
3. Никифоров А. Л. Является ли философия наукой? // Философские науки. – 1989. – № 6.
4. Рахматуллин Р. Ю. Философия: курс лекций. – М. : УЮИ МВД РФ, 1998.
5. Рахматуллин Р. Ю. Философия как учебная дисциплина // Вестник ВЭГУ. – 2013. – № 6.
6. Рахматуллин Р. Ю. Является ли философия наукой? // Молодой ученый. – 2014. – № 3 (62).
7. Рахматуллин Р. Ю., Исаев А. А., Янбухтин Р. М., Сухоплюев П. А. Основы философии: учебное пособие. – Уфа : ФГКОУ ВПО «Уфимский юридический институт», 2012.

SOUČASNÁ FILOSOFICKÁ PARADIGMATA A JEJICH VÝZNAM VE SPOLEČNOSTI A POLITICE

M. Sapík

*Doc. PhDr,
Academia Rerum Civilium –
Vysoká škola politických a
společenských věd Kolín,
Česká republika*

Summary. The article deals with contemporary philosophical problems that are causing and stimulus of paradigms and thus of fundamental changes in the possibilities of human thought. Paradigms have an impact on society, politics, culture, and also to humans. The area of interest is very broad. Knowledge is influenced by various factors. Rationalism and empiricism are important directions in the theory of knowledge.

Keywords: Philosophy; knowledge; paradigms; epistemology; science; society.

Současné filosofické myšlení se zásadním způsobem odlišuje od svého předchozího vývoje i jeho dějin, kdy byly řešeny zásadní problémy, které vždy

souvisely a navazovaly na tradici myslitelů. Dnešní orientace filosofického myšlení je ovlivněna mnoha faktory a různými snahami o vytvoření pokud možno nové a originální filosofické koncepce. Bohužel, všechny tyto nové snahy narážejí na jeden zásadní problém. Nevycházejí jen z čisté filosofické tradice, ale snaží se o vytvoření moderního pojetí stávajícího filosofického tématu s použitím jiných vědních disciplín a tím i zcela nových pojmů a terminologie. Odcházíme už i od té tradice, kterou ve starověku popisuje a zakládá Platón. To, o čem psali v první polovině 20. století autoři jako např. Jan Patočka, Edmund Husserl aj. se stává pravdou a není zatím nic, co by napovídalo velké změně v kontextu filosofického myšlení na počátku 21. století. Jejich stěžejním problémem bylo konstatování, že nastává krize vědy, doba nepřináší v zásadě nic nového v oblasti vědeckého poznání. Filosofie je v tomto ohledu zrcadlem doby, které dává nahlédnout na aktuální řešené problémy a fakta. Vědecké poznání přešlapuje na místě a snaží se o první nový krok do následujících období. Bohužel, situace se radikálně nezměnila. Změnila se společnost, která je ochotna naslouchat a rádoby vytvářet nové objevy, jakýmkoli způsobem přetváří zažitou a osvědčenou pravdu, která by neměla být z důvodu neznalosti měněna a užívána. Důležitou součástí filosofického myšlení současnosti je jeho interdisciplinární charakter a tím i specifický způsob filosofování.

Zásadní problém je možné vidět i v tom, že tradiční disciplíny filosofie, které byly po celá dlouhá období vývoje lidstva interpretované jako výchozí eliminace filosofického tázání, jsou v současném filosofickém rituálu zatlačeny do pozadí, ve kterém hrají až druhotnou roli. Primární postavení mají mezioborové vztahy, které ubírají na vážnosti a důležitosti filosofického tématu. Stěžejním tématem se stávají tzv. okrajové záležitosti, které nabírají na důležitosti na úkor podstat filosofického tázání. Pokud to můžeme porovnat z pohledu paradigmat, musíme konstatovat, že změny, ke kterým dochází ze strany současného bádání, není přínosem pro samotnou vědu, ale pro metateorie, jenž se dostávají na výsluní vědeckého zájmu a stávají se rovněž předmětem dalšího teoretického zájmu. Pokud by se mohly porovnávat výsledky filosofického myšlení z pohledu dějin filosofie, docházíme k závěru, že dnes už neplatí a ani nemůže platit fakt, že každá doba se specificky zabývá určitým problémem, který má své opodstatnění ve vztahu k předcházející tradici. Tím se myslí skutečnost, že antická filosofická tradice předává vlastní získanou skutečnost a zkušenost do období středověku. Novověk navazuje tradičním filosofickým potenciálem na dobu renesance a humanismu. Otázka se stává problematickou v případě, když se dostáváme do současnosti. Na co vlastně navazuje současná filosofická tradice, když se jí zcela originálním způsobem podařilo zbavit důvodu pro kladení základních filosofických otázek a hledání odpovědí na ně? Podstatná část stěžejních filosofických problémů je řešena na základě komparace s jinými (byť) blízkými obory, které ovšem nepodávají adekvátní a komplexní vysvětlení vzniklých tázání. Jestliže vezmeme v úvahu,

že paradigma je překonání stávající úrovně poznání na vyšší stupeň, pak je důležité poznamenat, že dochází ke změně struktury a kompozice celku. V tomto případě není možné se vracet k překonaným výsledkům vědeckého poznání, neboť standardem se stává výsledek prostřednictvím paradigmatického procesu a jeho přeměny.

Období druhé poloviny 20. století bylo silně ovlivněno existenciálními postoji z celého intelektuálního prostředí. Zároveň filosofie existence byla převládající měrou dominantní filosofickou orientací, které se věnovala celá řada myslitelů. Zásadní změna nastává v situacích, kdy autoři se zcela odklánějí od gnoseologické či ontologické ba antropologické úrovně a snaží se o zachycení určitého aspektu, který je ovšem vytržením z kontextu a tím i odklon od (čistě) filosofického řešení původního problému. Vezmeme-li v úvahu, že existencialismus je možné charakterizovat i jako určitý životní styl a standard ve společnosti, který se odráží v dílech mnohých autorů, pak je nutné se ptát, co je základní a tím i stěžejní problém. Tímto problémem může být lidská existence, svoboda člověka, starost, vůle, smrt, radost, láska a lidské neštěstí a celá řada dalších každodenních projevů a situací v naší společnosti. Na druhou stranu mají uvedené problémy možnost více pohledů a aspektů řešení pro různé obory a tím vzniká tento paradigmatický přechod, který spočívá i v tom, že se mění i původní význam zkoumaných existenciálních fenoménů. Je velmi zajímavé, že častým prvkem, který byl zkoumán v různých aspektech, můžeme uvést fenomén existence. Filosofické práce, které zůstávají na téže úrovni a snaží se o antropologický, ontologický či gnoseologický aspekt, zůstávají ve stínu nových textů a odborných komentářů.

Whitehead píše: «Jiná odlišnost, kterou se věda vyčleňuje mezi evropskými hnutími 16. a 17. století, je její univerzalita. Novověká věda se zrodila v Evropě, ale jejím domovem je celý svět. Během posledních dvou století západní způsoby myšlení ustavičně, ale zmateně působili na asijskou civilizaci. Učení lidé Východu uvažovali a uvažují o tom, co by mohlo být tím tajemstvím, které reguluje život, a dalo by se přenést ze Západu na Východ beztoho, aniž by svévolně narušilo jejich vlastní tradice, které si právem tak vysoce cení» [1, s. 55]. U Whiteheada je zcela typické vymezení počátku novověké vědy. Ne náhodou zasazuje počátek nové vědy do 16. a 17. století. Kolébkou vědy je všeobecně uznávána tradice pocházející z prostředí starověkého Řecka. Na tuto tradici Whitehead několikrát ještě upozorňuje a dává do přímé souvislosti s teoretickými proměnami v dějinném kontextu vývoje lidstva. «V 17. Století zrození moderní vědy vyžadovalo novou matematiku, lépe vyzbrojenou na analýzu vlastností skutečnosti, jejíž podstatou je kmitání. A dnes, ve 20. století vidíme, že se fyzici do hloubky zabývají analýzou periodicity atomů. Když Pythagoras kladl základy evropské filosofie a matematiky, dal jim do věna opravdu nejšťastnější ze šťastných tušení – anebo to byl záblesk božského génia, pronikající do nejhlubší podstaty věcí» [1, s. 95]? U Whiteheada nelze opomenout jedinečný význam matematiky, jehož kouzlu

podlehl už během studií. Matematika se stala zrcadlem vědeckého dění, které velmi pečlivě popisuje vzniklou situaci na počátku formování novověké vědy. I u Whiteheada existuje vize toho, že matematika je vzorem vědeckého zkoumání a její dosažená úroveň je vzorem (ideálem) pro všechny ostatní vědní obory. «Je pravda, že věda začala svoji moderní dráhu tím, že převzala ideje odvozené z nejslabší stránky poaristotelovské filosofie. V určitém smyslu to byla šťastná volba. Pokud jde o oblast fyziky a chemie, umožnila, aby poznání 17. století bylo zformulované v úplnosti, která přetrvala až do současnosti. Ale rozvoj biologie a psychologie byl pravděpodobně přibrzděn nekritickým přebíráním polopravd. Když se věda nemá zvrhnout na směs hypotéz ad hoc, musí se stát filosofickou a musí se podrobit důkladné kritice vlastních výkladů» [1, s. 71]. Počátky vědeckého poznání jsou bezesporu spojené s Aristotelem, který vytvořil důležitou klasifikaci všech v té době existujících věd a poznání. Obecně řečeno, v tehdejší době neexistovalo nic, co by bylo dokonalejšího a s pojmem vědy související. Jednotlivé vědní obory se postupně rozvíjely do vlastní úplnosti a na druhé straně často z nedostatku informací vycházely tyto obory z dílčího poznání a částečných pravd, které musely projít vědeckou kritikou vlastního hodnocení. To, když Whitehead říká, že věda se stává vědou na základě vlastního kritického přístupu, znamená to, že vytváří dokonalý systém, který dává vzniknout filosofické interpretaci vědeckých problémů na základě systematické a soustavné kritiky obecných a dílčích závěrů a výkladů. To se zároveň promítá i do vzniku nových teorií a potvrzuje se původní hypotéza, že paradigmatata jsou překonáním a vyšším stupněm vědeckého bádání v určitém vědním oboru s užitečným přínosem pro praxi.

«Pro Kierkegaarda a pro jeho filosofii, kterou na rozdíl od filosofie spekulativní nazývá filosofii existenciální – tj. filosofii, která člověku přináší ne «pochopení», nýbrž život («spravedlivý z víry bude živ») –, nejsou Jobovy nářky pouhými nářky, tedy nesmyslnými, k ničemu neužitečnými a všechny otravujícími výkřiky, pro něho se v těchto nářcích odkrývá nový rozměr pravdy, on v nich cítí účinnou sílu, jež dokáže, stejně jako síla trubačů z Jericha, rozbořit zdi pevnosti. To je základní motiv existenciální filosofie. Kierkegaard ví neméně než ostatní, že pro spekulativní filosofii je existenciální filosofie obrovská absurdita» [2, s. 18–19]. To vnímá Kierkegaard jako výzvu a rovněž povzbuzení. Kierkegaardova filosofie je specifická v několika ohledech. Význam této filosofie je smysluplný v kontextu konce 19. století a na základě specifického poznání a nahlížení na skutečnost z křesťanské pozice víry. Kierkegaard je skutečným duchovním otcem existenciálního myšlení. V této souvislosti je možné konstatovat, že v jeho filosofickém systému se poprvé objevuje pojem existence. Tento pojem se snaží vysvětlit ve vztahu k jedinci – člověku. Vychází i z toho, že existence se vždy vztahuje ke konkrétnímu výskytu v jeho celistvosti. Kierkegaardova existence je spojena s člověkem a možností svobody. To, co podmiňuje tyto skutečnosti, je život. Život je dar.

«Marx byl racionalistou. Tak jako Sókratés a Kant věřil, že lidský rozum je základem jednoty lidstva. Avšak jeho učení, že naše názory determinuje třídní zájem, urychlilo pád této víry. Podobně jako Hegelovo učení, že naše ideje jsou determinovány národními zájmy a tradicemi, Marxovo učení mělo tendenci podkopat racionalistickou víru v rozum. Ohrožován zleva i zprava, tak racionalistický postoj ke společenským a ekonomickým otázkám mohl těžko odolávat, když na něj podnikly frontální útok historicistické proroctví a věštecký iracionalismus. Proto se stal konflikt mezi racionalismem a iracionalismem nejdůležitějším intelektuálním a dokonce snad i morálním tématem současnosti» [3, s. 191]. Konec 19. století se často označuje jako vzpoura proti lidskému rozumu a snaha o dosažení ideální racionality. Důraz na význam lidského rozumu je typický nejen pro racionalisty a rovněž i pro další badatele. Autory spojovala i myšlenka o tom, že určitý směr dokáže spojit více jedinců a tím pomoci se vznikem determinující ideologie a posílení mocenských pozic ve společnosti. Do popředí společenského a politického zájmu se postupně dostává princip morálky. Od této doby se výchozí filosofické orientace staly diskutovaným tématem v intelektuálním prostředí až dodnes. Na jedné straně jsou racionalistické tendence a na druhé straně iracionalistické vize společenského zkoumání. «Dva velké myšlenkové směry devatenáctého století jsou romantika a positivism. První směr vychází s forem a ideálů myšlení, druhý z toho, co je fakticky dáno; pozitivní znamená především skutečné, určité dané. Třebaže jsou oba tyto směry různé, ba protichůdné, přece znamenají, každý po svém, reakcí proti století osvícenskému, kritickému, revolučnímu. Oba tyto směry se úsilně snaží, aby pronikly k velkým skutečnostem přírodním a dějinným. Positivism nevznikl jako reakce proti romantice, třebaže pronikl teprve tehdy, když bylo panství romantiky zlomeno. Dějinně lze kořeny obou směrů sledovati až k počátkům devatenáctého století» [4, s. 226]. Autoři zdůrazňují význam dvou stěžejních a kontrárních směrů, které se zformovaly v průběhu století. První směr má svůj původ v literatuře z doby osvícenství a velkých ideálů, které pohltily celou tehdejší společnost. Druhý směr je statickým konstatováním existence faktů a vyjadřování vztahů mezi nimi ve vědeckém obrazu inteligibilního světa. To, co můžou mít oba směry společné je jejich přesah do oblastí přírodních a dějinných událostí. Nelze opomenout politický aspekt, který je velmi výstižně vyjádřen u Poppera: «Nejzávažnějším důsledkem je, že veškerá politika, všechny právní a politické instituce, jakož i všechny politické boje nemohou mít nikdy primární důležitost. Politika je bezmocná. Nemůže nikdy změnit rozhodujícím způsobem ekonomickou realitu. Nejdůležitější, pokud ne jedinou úlohou kterékoli osvícené politické aktivity je sledovat, zda změny v právně politické slupce drží krok se změnami v sociální realitě, tj. ve výrobních prostředcích a ve vztazích mezi třídami; jedině tímto způsobem se lze vyhnout obtížím, které musí nastat, jestliže politika za vývojem v těchto oblastech pokulhává. Jinými slovy, buď je politický rozvoj povrchní a není nijak podmíněn hlubší realitou společenského systému, což politiku

odsuzuje k tomu, že není důležitá a utlačovaným a vykořisťovaným nemůže nikdy skutečně pomoci, nebo politika dá výraz změnám v ekonomickém pozadí a třídní situaci, a tím nabyde charakteru vulkanických erupcí – naprostých revolucí, které lze snad předvídat, neboť vyrůstají ze společenského systému» [3, s. 105]. Popper řeší zásadní problém doby. Jeho podstata spočívá v tom, že politika nemůže ovlivnit realitu společenského systému. Bezmocnost politiky vyplývá z toho, že nikdy nemění ekonomickou realitu společenského rozvoje. Významným atributem je schopnost politického jednání ve společenském prostoru. Tím se vytváří normy a opatření, které jsou důležité pro právní a společenský systém.

Závěr. Současný vědecký obraz světa je možné složit na základě paradigmatů u Platóna, Whiteheada nebo Wittgensteina. U těchto autorů se jedná o zásadní proměny úrovně vědeckého poznání, konkrétně v rámci filosofie a filosofie vědy. Platónova koncepce idejí, které jsou dány na základě smyslově vnímatelného a ideálního světa idejí, je nedílnou součástí současného filosofického myšlení. Whiteheadova vize vzniku vědeckých teorií a zformování vědy jako celku je zasazeno do kontextu novověkého myšlení. Wittgensteinův jazyk a filosofie jazyka jsou přelomem v možnostech lidského myšlení a schopnostech lidské řeči.

Bibliografie

1. Whitehead A. N.: Veda a moderný svet. – Bratislava : Pravda, 1989.
2. Šestov L.: Kierkegaard a existenciální filosofie. – Praha : Oikoymenh, 1997.
3. Popper K. R.: Otevřená společnost a její nepřítelé II. – Praha : Oikoymenh, 1994
4. Höffding H., Král J.: Přehledné dějiny filosofie. – Praha : Unie, 1947.

АБСТРАГИРОВАНИЕ КАК СПОСОБ ОБРАЗОВАНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ КАТЕГОРИЙ

М. Шарипов

*Кандидат философских наук, доцент,
Национальный университет
Узбекистана имени Мирзо Улугбека,
г. Ташкент, Узбекистан*

Summary. The article is to abstraction categories. It light up in analysis important arguments. Particularly, it was analyzed relation on sensual experience of categories and mechanism of synthesis of categories. Also, it was analyzed the interpretation of the meaning of categories.

Keywords: abstraction; category; categorical thinking; scheme; conceptual thinking.

Важным инструментом познания является мышление, которое протекает в понятиях, категориях. Поэтому часто употребляются словосочетания «понятийное мышление», «категориальное мышление». С помощью

понятий, категорий формулируются законы, идеи, теории, посредством которых осуществляются объяснение, понимание и предсказание явлений.

Все формы, способы объяснения (причинное, номологическое и др.), понимания (герменевтика, теоретическое понимание и др.) и предсказания (ближайшего будущего, отдаленного будущего) предполагают более или менее точное определение используемых понятий, категорий, «онтологизации» их, т.е. установить те предметные формы, логическим выражением которых и являются эти понятия, категории. Иначе говоря, следует определить, интерпретировать содержание понятий, категорий, степень их соответствия предмету.

Это делает необходимым обращение к механизмам образования категориального знания, особенно к процедуре абстрагирования, которое осуществляется в рамках взаимодействия разума с чувственным опытом. Результатом абстрагирования является знание, которое носит категориальный характер. Субъект познания получит его посредством категориального синтеза, т.е. подведением чувственного материала под категории с целью выделения нового содержания, заключенного в нем. При этом участвующие в категориальном синтезе понятия по отношению к данному конкретному чувственному опыту являются априорными, т. е. они имеются в сознании до данного опыта и привлечены к объяснению, истолкованию материалов чувственности в готовом виде. В этом смысле априорность категорий, о которой говорил Кант, имеет место в познавательном акте.

Следует заметить, что категориальный синтез сопровождается созданием абстрактной формы (структуры) предмета на основе выделенных в ходе абстрагирования признаков, разработкой идеальной модели, в которой осуществляется «сращение» предмета и его образа. Следовательно, при интерпретации знания не следует соотносить его прямо с предметом, их связь опосредовано схемой, т. е. чувственно-идеальной моделью (или теоретической моделью), создаваемую усилиями субъекта, его активностью, проявляющуюся в процессе абстрагирования. Кант предвосхитил этот процесс создания абстрактных схем – когнитивных конструкторов и показал это на примере понятия пространства. Он писал: «Мы не можем мыслить линию, не *проводя* её мысленно, не можем мыслить окружность, не *описывая* её, не можем представить себе три измерения пространства, не *проводя* из одной точки трех перпендикулярных друг другу линий ... Даже само понятие последовательности порождается прежде всего движением как действием субъекта ...» [2, с. 112]. И добавляет: «Но движение как *описывание* пространства есть чистый акт последовательного синтеза многообразного во внешнем созерцании вообще при помощи продуктивной способности воображения и подлежит рассмотрению не только в геометрии, но даже в трансцендентальной философии» [2, с. 112].

Такие схемы, да и другие конструкторы-фреймы, формы используются как при образовании понятий, так и при истолковании с их помощью изу-

чаемого явления. Любое обобщение в понятии, всякое «концептуальное знание связано, таким образом, с познавательными схемами, которые могут пониматься как более или менее абстрактные конструкты...» [1, с. 50].

Абстрагирование и связанное с ним разработка схем есть универсальный инструмент познания. Как показали исследования Ж.Пиаже, А. Н. Леонтьева и др., не только в науке и философии, но и в обыденной жизни, начиная с перцептивного уровня, люди пользуются механизмом мысленного отвлечения. В его основе лежит чувственно-практическая деятельность человека (обыденный опыт, эксперимент, социальная практика людей и др.).

Не отрицая значение опыта в качестве основы категориального знания, вместе с тем следует подчеркнуть, что категории непосредственно невыводимы из данных опыта. На эту сторону образования категориального знания обращали свое внимание некоторые мыслители, ученые. Так, критикуя эмпирические представления об абстракции, согласно которым понятия науки возникают в результате некоторой мысленной трансформации соответствующих наглядных образов. А. Эйнштейн подчеркивал, что нет прямого логического перехода от ощущений к понятиям. Научные понятия, категории, вовсе не являются простым индуктивным обобщением того, что нам дано в вооприятии.

В этой связи заметим, что ошибка традиционного понимания абстракции как средства образования категориального знания заключается в том, что принимается неявное допущение, согласно которому чувственный образ вещи по своему гносеологическому содержанию отождествляется с самой вещью. Процесс абстрагирования поэтому выглядит как процесс мысленного (и произвольного) отбрасывания ненужных с точки зрения решаемой познавательной задачи признаков (несущественных для данного случая) и удержания необходимых признаков. Процесс мысленного оперирования с самой вещью (отбрасывание одних свойств и выделение других) и процесс оперирования с понятием не различаются как в психологическом, так и в гносеологическом планах.

Классическая физика, казалось, в какой-то степени подтверждала правильность такого понимания природы абстракции, поскольку основные понятия легко находили интерпретацию на языке наглядных моделей и аналогий обыденного опыта. «Понятие массы, инерции, силы и связанные с ними законы, – писал Эйнштейн, – казались взятыми непосредственно из опыта» [3, с. 183]. Поэтому большинство ученых классического естествознания «были проникнуты идеей, что фундаментальные понятия и основные законы физики не были в логическом смысле свободными изобретениями человеческого разума и что они могли быть выведены из эксперимента посредством абстракции, т. е. логическими средствами» [3, с. 183]. Только создание теории относительности и квантовой механики рассеяло все иллюзии на этот счет. Оно наводило на мысль, что абстрагирование не

есть субъективная игра мысленного отбраивания одних данных в нашем восприятии свойств объекта и мысленное выхватывание других свойств. Напротив, она, как выяснилось, охватывает акт постижения объекта, когда он в результате взаимодействия с ним поворачивается к нам новой, невыразимой в чувственной форме стороной.

Абстракция есть переход к новому измерению объекта. С этого момента теоретическая мысль движется в иной плоскости, чем та, в которой происходит обыденное познание. Преодолевая ту «сращенность» предмета и его образа, которую мы встречаем в чувственном опыте и, осуществляя переход от предметно-чувственной формы отражения к абстрактно-теоретической, человеческая мысль приводит к радикальной реконструкции объекта в познании. Существо дела, однако, заключается в том, что преобразуется вовсе не объект сам по себе, преобразуется наш познавательный опыт вместе с порождаемыми им онтологическими моделями объекта. Что касается объекта самого по себе, то он лишь обнаруживает новую реалию своего существования. Именно её и призвана отобразить понятия, категории.

Вследствие этого никакой логический путь прямо не ведет от наблюдений к теоретическим понятиям [3, с. 41]. Данное обстоятельство служит фундаментальным фактом для понимания природы категориального знания и механизма их формирования. И очевидно, что он не может не учитываться при исследовании абстрагирования как средства образования категориального знания. Но если абстракции логически невыводимы из наблюдений и если она при этом обладают своим собственным содержанием, то из этого следует, что любое теоретическое понятие всегда возникает как порождение новой семантики. Данный вывод также имеет принципиальное значение о гносеологической точке зрения. Ибо неправильное понимание субъективного момента в абстрагировании, преувеличение его роли в образовании категориального знания может служить толчком к допущению свободной от всех обстоятельств и условий функционирования мыслительной деятельности, что, разумеется, является ошибочным. Об этом свидетельствует история познания.

Библиографический список

1. Ганс Ленк. К методологической интеграции наук с интерпретационистской точки зрения // «Вопросы философии». – 2004. – № 3.
2. Кант И. Критика чистого разума. – М., 1994.
3. Эйнштейн А. Собр.научн. трудов. В 4-х т.Т. 4. – М., 1967.

РОЛЬ НОВОГО МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА В ИЗУЧЕНИИ ИДЕЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ В ПРОЦЕССЕ ВОСПИТАНИЯ

Н. Шокирова

*Учитель,
Академический лицей,
Ташкентский фармацевтический ин-
ститут, г. Ташкент, Узбекистан*

Summary. This article a new methodological approaches of studying national ideas, its significance in the life of society, nurturing young generation and ideas of wise people have been covered in detail.

Keywords: national idea; globalization; human interests; national values; education; philosophy; morality.

Обладатели высокого интеллекта обращали большое внимание на изучение духовных богатств наших предков и их критическое усвоение, а так же на их роль в построении нового общества и создании новой идеологии. Независимый Узбекистан основывается на реформировании всех отраслей общественной жизни и создании идеологии национальной независимости, а также в первую очередь на богатейшее наследие предков и на их передовые идеи и животворные идеологии, и наконец, на познание и переработку общечеловеческих ценностей, созданные в целом человечеством.

Философия независимости должна быть законным продолжением философских знаний веками создаваемых со стороны человечества. В первые дни нашей национальной независимости важнейшей задачей было восстановление огромного бесценного духовного наследия, созданного на протяжении веков нашими предками, в том числе, философского наследия и поднятие его значения до уровня государственной политики. Узбекский народ обладает бесценным духовным богатством. Наша сегодняшняя задача воспользоваться им продуктивно и своевременно. Но историю философского и общественного мнения, в том числе, историю философского мышления центрально-азиатских народов, которые внесли достойный вклад в развитие мировой цивилизации, с научной точки зрения нельзя изучить без нового подхода к ним, без новых методологических концепций и, не избавляясь от старых.

Концепция гармонизации национальных и общечеловеческих принципов входит к число важных методологических концепций исследований, которые относятся к истории философии. Изучая воззрения мыслителей, с одной стороны, оценивают его значение для истории мировой философии, с другой стороны, оценивают с точки зрения вклада в духовную культуру того или другого народа в определенной конкретно-исторической обстановке, в частности, вклада в философское мышление. Эти концепции оценки не исключают друг друга, а наоборот дополняют. Национальные и

общечеловеческие духовные возрождения имеют два высоких принципа, наряду со своеобразием философских традиций, также требуют изучать идейное единство в развитии мышления других народов и национальностей и их преемственные отношения с нашим народом.

Если мы глубоко изучим наше национальное философское наследие, то увидим соответствующие идеи и взгляды с нашими сегодняшними намерениями, которые имеют важное значение для нашего общественного развития. Например, к их числу относятся мнения о справедливом обществе и правосудном правителе в философском наследии предков.

Общественный идеал и мнения о добродетельном городе и управлении им, об идеальном правителе, изложенные в «Трактат о взглядах жителей добродетельного города» Абу Наср аль-Фараби, идентичны с нашими высокими намерениями о строении в Узбекистане гражданского демократического общества. Президент И. А. Каримов, упоминая «Трактат о взглядах жителей добродетельного города», пишет, что «несмотря на то, что он был написан тысяча лет назад, сегодняшний читатель может здесь найти решение сложным проблемам настоящего времени» [2].

В нашей национально-философском наследии было много философских воззрений о духовно-нравственном образе личности и его разумном и нравственном воспитании, которые и поныне актуальны в процессе воспитания и духовного возрождения.

В данное время освоение национальных ценностей, изучение философских традиций и образа мышления не означает, что нужно только всецело поглощаться национальной обособленностью и ограниченностью, и никак не отрицает владеть мировыми общечеловеческими достижениями. Разговор идет о только постепенной гармонизации национальных и общечеловеческих ценностей и внедрения их в жизнь. Закономерность нашего духовного развития это – сохранение национальных особенностей, внедрение общечеловеческих ценностей и достижение их гармонизации. Целесообразно переводить на узбекский язык и издавать произведения крупных представителей XX века западноевропейской философии, типа как «Открытое общество и его враги» Карла Поппера, произведения по психоанализу З. Фрейда, по социальной философии Арнольда Тойнби, которые были во времена бывшего Советского Союза неразрешенными и относительно мало изучены, к тому же в советской философской литературе они были односторонне очернены. А, между прочим, это были всемирно известные философы, а узбекские читатели, особенно молодежь, были лишены возможности ознакомиться с ними.

В XIX веке в советской философской литературе к общественно-историческим событиям, и в том числе к истории философии был приоритетный подход с классовый, партийной точки зрения. Классовое происхождение играло большую роль при оценке анализа философии определенного периода или творчества и взглядов какого-нибудь мыслителя. Приоритет партийных принципов связан с историческими условиями, так как в середине XIX века

было единственное ведущее учение марксизма. Этот период разделил общество на классовые различия и решения классовых противоречий в пользу соотношений сил, что сыграло пагубную роль в решении проблем общества. Партийность – результат классовой борьбы. Её роль была преувеличена в советский период. Концепция партии марксизма-ленинизма отстранила исследования от научной объективности и привела к субъективизму. Это концепция означает, что исторические события философии нужно изучить и оценить с точки зрения интересов классовых различий. История центрально-азиатского народа, его богатое духовное наследие, в том числе, философское наследие приспособлялось к требованиям колониальной политики властвующей коммунистической элиты, и были фальсифицированы.

Одним из методологических недостатков в изучении философского наследия центрально-азиатских народов в советской философской литературе был односторонний подход, и наше философское наследие полностью не изучалось. Из-за отрицательного отношения коммунистической идеологии к религии религиозно-философское наследие вообще не изучалось. Как известно, в учении марксизма-ленинизма религия была объявлена невежеством. В результате научно-исследовательские работы по религиозно-философским направлениям, таким как философия мистицизма, учение калам – философии ислама были запрещены. Если учесть, что много веков у центрально-азиатских народов духовная жизнь связана с исламом и исламскими ценностями, то без этих учений наш духовный мир будет не полноценным. Самое главное в учении мистицизма и калама не только религиозные, но и также масса общечеловеческих идей про нравственность, право и философии были изложены. Благодаря национальной независимости вероисповедание и религиозные ценности трактуются как неотделимая часть народной духовности. Здесь, кстати, можно привести ниже следующую мысль И. А. Каримова: «В Центральноазиатской истории было очень много великих ученых, которые совместили в себе политический интеллект с духовной смелостью, религиозное мировоззрение с энциклопедическими знаниями» [2].

На мусульманском Востоке на развитие общественного мнения большое влияние оказало религиозно-философское направление учения мистицизма, в том числе его центрально-азиатские направления Яссавия, Кубравия, Накшбандия и нужно уделить особое внимание изучению истории их представителей. Поскольку мистицизм в странах Ближнего и Среднего Востока, в частности, в Центральной Азии широко распространенное течение и оказал большое влияние на духовную жизнь людей, и не будет преувеличением, если скажем, что никто не оставался в стороне от воздействия идей мистицизма. Знаменитый учёный востоковед Е. Э. Бертельс пишет: «Не изучая литературу мистицизма, невозможно иметь представление о культурной жизни в средневековье мусульманского Востока – даже трудно понять Восток, не зная эту литературу» [1, с. 54].

Благодаря независимости отношение к религиозным ценностям изменилось коренным образом и стало возможно изучать учение мистицизма, творчество поэтов мистиков.

В то время как в стране господствовала единая партийная система – коммунистическая идеология, а философия играла политическую роль и под влиянием существующей общественно-политической среды в литературе, изучающей философское наследие, в глаза бросается еще один недостаток или одностороннее мнение, которое состоит в том, что во многих случаях взгляды мыслителей изучались с позиций материалистов и атеизма. Усиленно старались в каждой свободно высказанной мысли найти элементы атеизма. Такой подход не приводит к бескорыстному изучению философского наследия народов Центральной Азии, а наоборот фальсифицирует. Было бы своевременно изучить полностью и в отдельности историю философии. Нельзя исключить разные философские воззрения, точки зрения, идеологические столкновения между философскими течениями, которые появились в результате развития многовековой истории философского мышления. Целесообразно анализировать внутренние противоречия и вынести необходимые заключения.

С точки зрения методологии одним из ошибочных мнений, которое встречается в исследованиях, изучающих жизнь, взгляды, научно-философские наследия всемирно известных нашим предкам это – безнадежное старание выяснить национальность Центрально азиатских мыслителей. Например, нет никаких оснований спорить и говорить о каком-нибудь мыслителе, жившем в средние века, что он является казахом, узбеком или таджиком. Самое главное, что аль-Фараби, Беруни, Ибн Сина, Яссави выходцы из Центральной Азии и гордость всех народов, которые жили в том регионе и в то время. И, в конце концов, их научно-философское наследие, передовые идеи и до нас были общечеловеческим достоянием. Здесь нужно подчеркнуть, что наши исторические корни, традиции, обычаи одинаковы. Наши народы тысячелетиями дружно живут рядом. Мы связаны родственными узами на протяжении многих лет.

В заключении можно сказать, что объективно изученная история, в том числе история философских воззрений служит школой подражания. И. А. Каримов подчеркивает, что «Осознать настоящую историю страны, народа – значит осознать себя, если можно так выразиться, играет важную роль в процессе восстановления национальной гордости и культивирования» [2]. Изучение философского наследия предков мыслителей и пропагандирование их служит воспитанию у подрастающего поколения любви к Родине и чувства национальной гордости.

Библиографический список

1. Бертельс Е. Э. Суфизм и суфийская литература. – М. : «Наука», 1995. – С. 54.
2. Каримов И. На пути духовного возрождения. – Ташкент : Узбекистан, 1998. – С. 420–421.

III. EPISTEMOLOGICAL AND ONTOLOGICAL PLURALISM

«МАТЕРИАЛИЗМ» И «ИДЕАЛИЗМ» – ВЕЧНЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ПАРАДИГМЫ

Е. В. Золотухина-
Аболина
В. Е. Золотухин

*Доктор философских наук, профессор,
Южный федеральный университет,
доктор философских наук,
профессор,
Ростовский государственный
строительный институт,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

Summary. The article states the indispensability of the two main paradigms of philosophical thought materialism and idealism. The authors show a continuation of this paradigmatic example of the dispute to the ideas of two contemporary authors S. Grof and A. Dugin and defending the position of idealism against materialist attacks and claims to dominance. At the same time, the authors believe that, speaking about materialism, we should not talk about the priority of «matter» in relation to «consciousness», and the priority of the empirical world in relation to the spiritual sphere. Accordingly, the idealism is the leading role of the spiritual and transcendent in relation to empirical reality.

Keywords: paradigm multiparadigmatic; materialism; idealism; empirical; transcendental; matter; mind; spirit.

Проблема философских парадигм весьма интересна для профессионального философского сообщества, поскольку спор о них никогда не угасает. В отличие от естественных наук, в которых действует эффект кумулятивности, и ученые могут долгий период времени разделять общие для всех теоретические установки, лишь накапливая знания, в философии мы во все эпохи фиксируем «полипарадигмальность»: наличие множества точек зрения, противоречащих друг другу и вступающих в полемику. Эта ситуация наблюдается даже в эпохи, когда господствует одна общепринятая точка зрения – как в европейском средневековье, когда никто не мог выйти за пределы христианской доктрины. Однако и здесь вступают в концептуальный бой номиналисты и реалисты, также как в недавнюю эпоху монополии марксизма наряду с теми, кто тяготел к экономическому детерминизму, были люди, акцентирующие роль сознания и индивидуальности в обществе.

Нам представляется, что в философии мы вправе говорить о «больших» и «малых парадигмах», присутствующих в текущей духовной жизни. Малые парадигмы – это конкретные учения, имеющие выдающегося лиде-

ра и его последователей. В этом смысле Э. Гуссерль и З. Фрейд выступают наряду с К. Марксом и О. Контом как основатели парадигм. Внутри каждой малой парадигмы появляется веер последователей и интерпретаторов идей «отца-основателя», дающие «новые ветви», вырастающие из первичного концептуального ствола. Это ветви, которые порой далеко отходят по своему содержанию от идей зачинателя-патриарха. Мы можем увидеть это в тех толкованиях, которые, к примеру, получил фрейдовский психоанализ в учениях Ж. Лакана, Э. Фромма, Э. Берна или гуссерлевская феноменология в прочтении М. Хайдеггера, М. Мерло-Понти, Э. Левинаса.

Однако, на наш взгляд, кроме частных, локальных парадигм существуют две основные, проходящие через века большие философские парадигмы, условно называемые «материализм» и «идеализм», к которым сознательно или бессознательно примыкают все отдельные партикулярные концепции. В XX веке существование этих парадигм, сформулированных Ф.Энгельсом в 1886 году [4], ставилось под вопрос. Более того, утверждалось, что никакого материализма и идеализма не существует, что это выдумка марксистов, а на самом деле мы вполне можем мыслить действительность вне противопоставлений, как некое единое целое, синкретическую слитность, часто именуемую вслед за М. Хайдеггером «бытие-в-мире». Попробуем показать, обращаясь к авторам XX и XXI века, что тема не ушла в прошлое, и поднимается она вовсе не материалистами, полагающими, что Бога нет, а все вокруг – лишь формы движения материи. О двух противостоящих парадигмах говорят как раз «завзятые идеалисты», усматривающие в духовной жизни явно выраженные противоположные тенденции. А парадигмальный водораздел проходит на самом деле несколько по другой линии, нежели это считали Энгельс и Ленин (хотя ленинское определение материи, на наш взгляд, и по сегодня не потеряло актуальности, если вообще пользоваться этой категорией).

Первый, кого хотелось бы назвать в качестве борца с противоположной парадигмой – Станислав Гроф. Психолог, философ, экспериментатор с сознанием. На основании многолетних экспериментов с измененными состояниями психики Гроф пришел к выводу, что признанно-научная, вошедшая в учебники парадигма, которую С. Гроф именуется «ньютоно-картезианской» и «дарвинистской», рисует нам материалистическую в духе XVIII века картину мира [2]. Согласно «ньютоно-картезианской» или просто материалистической парадигме эмпирический мир, данный нам в пяти органах чувств и показателях существующих на сегодняшний день приборов – *единственная реальность*. Это мир без разумного Принципа, без Бога, без Духа, он – просто бессмысленная материально-вещественная структура, и человек выступает в этом мире как побочный продукт бессознательных материальных процессов, он, можно сказать, ошибка природы и в принципе, мог бы и не появляться на свет. Его появление в мире – случайность.

К сомнительным достоинствам грубо-материалистической, но широко принятой за истину парадигмы относятся также следующие моменты:

– Исключение из науки «метафизических проблем», касающихся предельных оснований реальности;

– Построение знания только вокруг объекта и «объективности», навязывание субъективности правил «объективного мира»;

– Исключение всякого телеологизма и высшего промысла из рассмотрения мира;

– Представление о том, что любое знание дается исключительно через органы чувств и развитую центральную нервную систему;

– Рассмотрение эксперимента как достоинства лишь материалистической науки и активное отрицание любых эмпирических результатов, не совпадающих с материалистической парадигмой.

Эта парадигма, с точки зрения Грофа, агрессивна и бескомпромиссна, и такого рода бескомпромиссность не дает оппонентам возможности общаться через концептуальную перегородку. Парадигмы поистине несоизмеримы, потому что согласно представлениям Грофа и многих его сподвижников, составляющих трансперсональное движение, мир управляется Разумным Принципом, который можно называть Богом, Космическим сознанием или Мировым компьютером. Пронизанная сознанием реальность – гигантская голограмма, где каждый человек и каждое существо собой своеобразный микрокосм, способный отражать в себе все информационное богатство вселенной. Являясь зеркалом сознательной вселенной, человек оказывается открыт для любой информации, и для этого ему далеко не всегда нужны приборы, техника, умные машины. Он все может открыть через глубины своего Я. Другой вопрос, что до этого надо дожить и доработаться, дорасти в духовном отношении, так как высший мир тонких вибраций откликается на вибрации столь же тонкие. Человек – существо отнюдь не случайное. Его душа – божественная частица, и она бессмертна. Наш земной путь – лишь один из фрагментов долгого и богатого пути восхождения к иным, более совершенным формам бытия, и на этом пути ничто не теряется. Дальнейшие черты этой парадигмы таковы:

– Признание права метафизических проблем быть включенными в научное исследование, ибо они касаются фундаментальных вопросов мироздания;

– Утверждение сознания, свободы и целеполагания как важнейших моментов жизни вселенной, поэтому ничего «только объективного» не существует.

– Рассмотрение сознания не как вещи среди вещей, а как «вечного Свидетеля» и в то же время «вечного Деятеля», источника субъективной активности, от которого, – и на Божественном, и на человеческом уровне, – производны все предметные формы;

– Фиксация того, что доказательные эксперименты способны активно реализовываться не только в материалистической науке, но и в трансперсональных исследованиях. К Истине, также как и к Богу, ведет множество путей, и нельзя насильственно закрывать ни один из них...

Второй автор, к которому стоит обратиться, Александр Дугин – философ, политик, представитель современного традиционализма. В своей книге «Ноомахия. Войны ума. Три логоса: Аполлон, Дионис, Кибела» [3], А. Дугин ставит вопрос не просто о существовании в философии противоборствующих парадигм, но об их мифологической подоплеке, таящейся в человеческом бессознательном. Существуют не просто «философия» и «миф», но «филомифия» или «мифософия» как их нерасторжимое единство. Исходя из этой предпосылки, Дугин размышляет о фундаментальных путях философского познания мира – идеализме, скептицизме и материализме как о реализации трех мифов, трех бессознательных, но могучих установок, изнутри определяющих всю логику размышления философов. Следуя метафорическому языку мифологии, А. Дугин активно пользуется образными фигурами, характерными для древнегреческих мифов: говоря о крупных направлениях объективного идеализма, он характеризует его как «светлый логос, логос Аполлона», вся линия скептицизма и философских сомнений названа им «темный Логос, Логос Диониса», а материализм означен как «черный Логос, Логос Кибелы». Выделенные Логосы, определяющие характер философствования, он соотносит также с «тремя режимами воображения», описанными современным французским автором Жильбером Дюраном: диурн, драматический ноктюрн, мистический ноктюрн. Анализ историко-философского процесса в античности А. Дугин соединяет с анализом мифологии, выраженной в культе, устанавливает их глубокое родство, как если бы «логика мифа» лежала в глубинном основании «логики логики», за философией для него высвечиваются тайные отношения мифологических фигур. В данном случае он следует не только идеям Р. Генона, или Ж. Дюрана, но и идеям постъюнгианской школы, устанавливающим связь между сознанием и образами коллективного бессознательного.

«Логосы» А. Дугина – это пути мысли, ее матрицы, далеко не всегда способные стать отрефлексированными, они изнутри определяют размышления философов, направляют энергию сознания в конкретную сторону. Каждый из Логосов, полагает А. Дугин, создает как бы собственную империю, определяя онтологию, гносеологию, теологию, антропологию, космологию, а также взгляды на политику, культуру, религию. «Империя Аполлона» – это платонизм и неоплатонизм, где во главе угла стоит божественная вечность, мир понят как стремящийся к идеальным образцам. Это империя – «новых богов» – богов олимпийцев, пришедших на смену титанам. Философ здесь – посланец высшего, ведающий вечность и Единое. «Империя Диониса» – это событийный мир, мир истории, борьбы, надежд и разо-

чарований, динамика смены эпох и надежд. К «дионисийской философии» Дугин относит Аристотеля, гностиков с их драматической темой Софии. К «логосу Кибелы» – фригийской богини природы – он относит весь материализм, который не знает вечных идеальных образцов, вечности и онтологической вертикали. Это материалистическая философия, в которой господствует «женское начало» – тьма, смерть и бесформенность, ущербность, нехватка.

С точки зрения А. Дугина, философы сами не отдают себе отчет в том, что стоят, говоря мифологическим языком, «между богами-олимпийцами и титанами» или выражают тьму и ущербность Геи и ее уродливых порождений. Точно также современные мыслители не рефлексируют над тем, что сами их оценки истории философской мысли продиктованы исключительно видением сегодняшнего дня, то есть, не осознают, выражаясь словами Г.-Г. Гадамера [1], тех «предрассудков», которые опосредуют и направляют их оценки.

Исходя из рассмотрения двух представленных авторов, мы можем, во-первых, сделать вывод, что проблема столкновения крупнейших парадигм, – материализма и идеализма, – никуда не ушла, сколько бы ни хотели нам это доказать философы, стремящиеся усидеть одновременно на двух стульях или же поместиться где-то в пространстве между ними (что, собственно, и делает скептицизм, как в описании А. Дугина, так и вообще). Во-вторых, совершенно очевидно, что противостояние парадигм проходит не по линии «материя – сознание», как это выглядит в марксистской формулировке. Парадигмы «материализма» и «идеализма» противостоят как представление о единственности и самодостаточности эмпирического мира (включающего и «материю» и человеческое сознание) и представление о наличии трансцендентного, того, что находится «над» эмпирическим миром, создает (порождает) его и определяет его пути. Это вопрос об эмпирическом и надэмпирическом, о природе (понятой как внесубъектная) и о духе, о «бессмысленном мире» и о Боге. И эта тема как всегда актуальна. Глядя на XX век, мы можем сказать, что все авторы, которые хотя бы краем касались онтологической и антропологической проблематики, неизбежно, хотя и не всегда прямо, занимали позицию по отношению к вопросу «мир сам по себе» или «мир – проявление трансцендентного». Так, постмодернизм, столь нелюбезный марксизму, также как марксизм тяготеет к позиции «кроме эмпирического мира ничего нет», а Гуссерль и Хайдеггер при всей их тенденции исключить субъект-объектное отношение, восходят в своих концептуальных подходах один – к Платону, а другой – к Мейстеру Экхарту. Что называется, идеалисты. Смотрят за эмпирические горизонты в область вечного. Хорошо ли это? Скверно ли? Как ни оценивай, это – так. И обойти фундаментальную мировоззренческую проблематику могут только авторы, выбирающие сугубо частный сектор исследований: только логику (не интересуясь, чем она фундирована), только коммуника-

цию (не интересуясь, чем движимы и во что верят люди), только герменевтику (не заглядывая за пределы профанного текста).

Таким образом, философам, видимо, никогда не придется по-настоящему хоронить «материализм» и «идеализм», пока люди желают понять, как устроен мир и какое место в нем занимаем они сами.

Библиографический список

1. Гадамер Г.-Г. Истина и метод. – М., 1988.
2. Гроф С. За пределами мозга. – М., 1993.
3. Дугин А. Ноомахия. Войны ума. Три логоса: Аполлон, Дионис, Кибела. – М., 2014.
4. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., Т. 21.

ПАРАДИГМЫ АЛАПЦИОГЕНЕЗА (ЭВОЛЮЦИОННЫЙ АСПЕКТ)

А. Н. Ложкина

*Кандидат биологических наук, доцент,
Читинская государственная
медицинская академия, г. Чита, Россия*

Summary. To the problem of evolutionary adaptiogenez proposed tetrad approach. Described the importance of epigenetic mutations in the transitional phase. Dualism in quantum mechanics is similar tetradizm in more complex systems.

Keywords: evolution; adaptation; transition phase; epigenetics; tetrad; dyad.

Кант писал, что восприятие без концепции слепо. [Цит. по 7] Биологи проводят свои исследования без рассмотрения каких-либо философских наработок багажа). Однако проверка багажа может иметь значение в биологии, по крайней мере, время от времени. [7] Метафизический табличный подход может помочь в формировании «дисциплинарной матрицы» (понятие Kuhn /1962/). [7]

Адаптацию рассматривают на разных уровнях.

Популяционный уровень. По Дарвину единица эволюционного процесса (отбора) – популяция особей («один в поле не воин»). Играет роль и фактор красоты (нечто внешнее, определяемое чаще у млекопитающих формой черепа; т.е. морфогенезом *структуры*) в выборе партнера. Структурные наработки (форма клюва, размер крыльев ...) также закрепляются (отбором) в популяции. Гармония устойчивого биогеоценоза данного региона определяется составом и физиологической активностью микробов, совокупности растений и животных.

Организменный уровень. По Ламарку единица эволюционного процесса – индивидуум (субъект), адаптационные наработки которого должны

(по Ламарку) передаваться потомкам. Условные рефлексy в процессе эволюции действительно переходят в безусловные (постройка гнезда птицами; вид и запах лисы вызовет бег зайчика, ни разу не видевшего врага /видовые поведенческие наработки, видовая память закрепляются в лимбической системе мозга/). Налицо больше *функциональные* наработки.

Клеточный уровень. В клетках – *игра* мутаций, рекомбинаций генов, эпигенетических сдвигов; закрепляемых /?/ у высших организмов в гаметах и играющих при таком условии роль в вертикальной изменчивости (потомков).

Получается триада «структура, функции, игра»; четвертой составляющей методологически [4] следует что-то поставить – возможно импринтинг /?/ или иной информационный перенос. Учитывая, что над тетрадой стоит диада (континуального и дискретного), следовало бы подумать и над континуальной составляющей. Методологическим *тетрадным* подходом [4] наработанный материал можно разделить следующим образом (Таблица 1).

Примечание: ДНК – дезоксирибонуклеиновая кислота. * Эпигенетические переключения (перестановка флажков метилирования цитозина /выключения генов/) возможны, например, у растений при прорастании семени (для адаптации к условиям среды), перед цветением (для будущего поколения) и при инфицировании растения (для выживания) [1, 2]. Т. е. у жирафа шея удлинялась в эволюции не потому, что он тянулся, а потому, что данная проблема (не достает до еды) сработала в критический момент (возможно, роды или инфекция самки) и переставились флажки метилирования генов у одной родившейся особи, давшей потом потомство с более длинной шеей. [Внушение «Я красивая» тоже вероятнее сработает только в некую фазу.] В процессе эмбриогенеза и у маленьких детей еще идут волны метилирования-деметилирования (ребенок похож то на маму, то на папу, то на бабушку ...; лет до шести может меняться цвет волос). Если окажется, что рецессивные гены в отличие от доминантных – всего лишь гиперметилированы (точнее, метильными группами выключены промоторы; так «дешевле»), то законы Менделя – это лишь поведение генома в спокойной (экологической ...) обстановке. Не исключено, что эпигенетические перестановки более вероятны в критические астрономические фазы (см. работы д.б.н. С. Э. Шноля). Возможно и коллективное «решение» (см. рис.): даже в популяции бактерий согласно фото следующий этап завоевания питательных веществ предоставлен одной ветви роста, а не соседним (как бы концентрация энергии для последующего рывка вперед).

Тетрадный подход раскладки блоков самоорганизующихся систем

Флуктуации, стремящиеся к нулю [должен быть дуализм]	Флуктуирующее звено	Функциональный блок	Структурное звено
Эволюция идет в четырех измерениях (вариантах истории) [по 6]:			
символическом / ?	поведенческом	эпигенетическом	генетическом
Модели эволюции			
Модель нейтральной (как часы) эволюции (Кимура) /? (Волновой геном; план заданной информации)	Модель отбора (Дарвина) на фоне исходного полиморфизма особей популяции	Модель адаптации и закрепления наработок (генетически -?) (Ламарк) Пример: условные рефлексы переходят в безусловные.	Модель «антропного принципа» (заданный генеральный план эволюции)
Генетические и эпигенетические тексты			
Переходные фазы /ПФ/ смены эпигенетического пейзажа-?	Гистоновые тексты («гистоновый код»)	Эпигенетические «тексты» в ДНК (метилирования цитозина ...)	Генетические тексты
Гены			
Стабильные гены (не мутирующие) / ? (импринтные гены - «с родительской меткой»)	Прыгающие гены; «мусор» генома	Гены «роскоши» (для специализированных функций клетки)	Гены «домашнего хозяйства» (работающие постоянно)
Определенность, перестройки и неопределенность			
Дуализм определенности (часы эволюции /Кимура/ ...) и неопределенности	Неопределенность (индетерминизм; «каша» /геномов бактерий в нише .../)	Тренды адаптации (перенормировка)*	Определенность (детерминизм конституции /построения/)
Память («музыки адаптации» /?/) / ?	Флуктуации регуляции генов («громче-тише»); игра «настроения»; музыка	Скачки (одни гены выключаются, другие включаются); перебор вариантов (что оставить для адаптации); аккорды	Пространственные характеристики

Дихотомия «популяция-индивид» остается проблемной (не исключен такой же дуализм, как дуализм континуального-дискретного в квантовой механике /субатомная частица – одновременно частица и волна; или то частица, то волна/). То есть в какие-то критические фазы (в т.ч. вариант ПФ «Рост напряженности требует решения») ведущей окажется популяционный уровень перестановок (концентрация «энергии» всей популяции на одной самке ...), в какой-то – индивидуальная перестройка генов. [Это

лишь рассуждения вслух; достижения генетики будут опять и опять представлять приоритеты эволюционных моделей.] Согласно В. В. Налимову [5], эволюция – это не самоорганизация, а расшифровка неких текстов. Попытки экспериментального переноса волновой информации от одной особи другой проводятся П. П. Горяевым. [3]

Рис. Рост подвижных бактерий на чашке Петри.

Видны «кванты» направлений роста – своего рода «коллегиальное решение» (как использовать ресурсы питательной среды). [Фото автора]

Тетраду «флуктуации, стремящиеся к нулю, флуктуации, функции, структура» следует заменить на «флуктуации, стремящиеся к нулю, флуктуации, тренды /сдвигов адаптации/, структура». Требуется разработки и диада «внешнее-внутреннее».

Библиографический список

1. Ванюшин Б. Ф. Материализация эпигенетики или Небольшие изменения с большими последствиями. URL: <http://wsyachina.narod.ru/chemistry/apugenetics.html>.
2. Ванюшин Б. Ф. Эпигенетика сегодня и завтра // Вавиловский журнал генетики и селекции. – 2013. – Т. 17, № 4/2. – С. 805–832.
3. Горяев П. П., Кокая А. А., Леонова-Горяева Е. А. и др. Теоретические модели волновой генетики и воспроизведение волнового иммунитета в эксперименте // Основы фізичної взаємодії: теорія та практика // Матеріали I Міжнародної науково-практичної конференції. – Киев: Університет «Україна», 2008. – С. 23–107. URL: <http://www.wavegenetics.jino-net.ru/>.
4. Ложкина А.Н. Тетрадный подход к составляющим природных систем // Актуальные вопросы акушерства, гинекологии и перинатологии. – Чита, 1998. – С. 119–121. URL: <http://rusnauka.narod.ru/lib/lib/biology/ah/ah3.html>.
5. Налимов В.В. Геометризация биологических представлений: вероятностная модель эволюции // Ж. общей биологии. – 2001. – Т. 65, N 5. – С. 437–448.
6. Jablonka E., Lamb M. J. Evolution in four dimensions: genetic, epigenetic, behavioral and symbolic variation in the history of life // MIT Press, Cambridge, MA. – 2005. – 462 p.
7. Massimo Pigliucci, Leonard Finkelma. The Extended (Evolutionary) Synthesis Debate: Where Science Meets Philosophy // BioScience. – 2014. – V. 64, № 6. – P. 511–516.

ТРАНСГРЕССИЯ И ИГРА КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ КОНЦЕПТЫ СОВРЕМЕННОЙ ОНТОЛОГИИ

В. Т. Фаритов

*Кандидат философских наук, доцент,
Ульяновский государственный
технический университет,
г. Ульяновск, Россия*

Summary. The article deals with concept of the game in its relationship with the conceptual developments of non-classical ontology. The game is interpreted as a phenomenon carries transgression of discourses. In the game discourse goes into a state of openness, plurality and uncertainty.

Keywords: game; transgression; discourse; perspective.

Кардинальные преобразования в современной онтологии невозможны без формирования нового категориально-понятийного аппарата философии. В современной философской мысли классические категории бытия и сущего, сознания и мышления все больше начинают замещаться неклассическими концептами, такими как дискурс, эпистема, трансгрессия, игра. В предлагаемой статье рассматривается концепт игры в его связи с концептуальными разработками неклассической онтологии.

Игра представляет собой способ бытия, характеризующийся двумя противонаправленными тенденциями: укорененностью в дискурсе и ускользанием от его структур и перспектив. Например, в шахматах, где на основе опыта анализа практики выдающихся шахматистов просчитаны типовые варианты дебютов и эндшпилей, всегда остается достаточно существенная область непредсказуемости, не поддающаяся никаким расчетам и превращающая каждую партию в бросок тысячегранных игральных костей. При этом определяющее значение имеет не уникальность и неповторимость выпавшей комбинации, но утверждение открытой множественности, вариативности, случайности и непредсказуемости. Сами комбинации могут и повторяться, поскольку не являются исчерпаемыми в математическом плане – здесь мы приближаемся к ницшевской идеи вечного возвращения как утверждение становления, случайности и игры [4, 6].

В пространстве дискурса всегда остается место для стилистической игры, для преобразования стиля, трансформирующего устоявшиеся и фиксированные перспективы смыслообразования. Игра заключается в том, «чтобы, создав некую устойчивую модель, разнообразить ее затем до бесконечности» [1, с. 115]. Игра осуществляет *внутреннюю трансгрессию* дискурсивного пространства: в рамках определенного дискурса смещает границы, переходит от одной перспективы к другой, утверждая двусмысленность, случайность, открытость, вариативность. Всеми существующему она предоставляет возможность «не быть тем, чем оно есть»: не быть дей-

ствительностью, идентичностью, определенностью, понятием. Игра просвечивает наличное бытие множественностью вариантов, раскрывает наличное в качестве актуального среза этой множественности, лишает наличное преимущества перед множественностью и виртуальностью, растворяет ее в множественности и виртуальности. Игра делает дискурс открытым множеству гетерогенных перспектив. Хороший пример здесь гротеск Н. В. Гоголя. «Реальность» в гоголевской прозе не отрицается, не уничтожается, но подвергается перекомбинированию, переигрывается, обнаруживая тем самым вариативность и варьируемость бытийно-смысловых перспектив и нейтрализуя установившийся порядок [3, 7].

В онтологическом плане игра, как и вечное возвращение, не знает завершения: достигнутая позиция, результат – есть лишь временная приостановка движения, а не конечная цель. Как в домино: когда все костяшки выложены или остаток не может быть выложен, логика игры требует убрать получившуюся последовательность со стола и начать заново – дать возможность развернуться другой комбинации. Число возможных комбинаций может быть и исчерпаемым, конечным. Значение имеет не бесконечность или конечность (как оппозиция классической метафизики), но вариативность, множественность, которая может быть как конечной, так и бесконечной. Важно, чтобы существующее играло – обнаруживало в себе множественность, вариативность и открытость, обнаруживало себя как множественность, вариативность и открытость. Как отмечает Ж. Батай: «Метить вовне, не к данности данного существа означает не замыкаться, оставлять возможное открытым» [2, с. 206].

Дискурс подчиняет гетерогенные бытийно-смысловые перспективы власти единого центра, то трансгрессия превращает дискурс в игру. Трансгрессия нейтрализует установленный дискурсом центр. Акцент с власти и подчинения смещается на саму игру как способ существования. Игра позволяет избавиться от оков налично данного, от установленных дискурсами перспектив, от фиксированной идентичности.

Игра не отрицает, не уничтожает, не осуществляет разрывов, но нейтрализует, *оставляет возможное открытым*. Игра подобна метафоре, поскольку осуществляет перевод одной бытийно-смысловой перспективы в другую, точнее, раскрывает одну перспективу в горизонте другой. Тем самым осуществляется нейтрализация первой: она не исчезает, но утрачивает доминантную значимость, самодостаточность, растворяясь во второй. Однако вторая перспектива также не утверждается в качестве жестко фиксированного бытийно-смыслового горизонта, порождающего однозначную определенность. Это только игра – обе перспективы остаются открытыми, не фиксированными в своей значимости. Достаточно ярким примером здесь могут служить детские игры, в которых обыкновенные предметы быта, интерьера, среды утрачивают свой «прямой», привычный смысл (назначение) и получают иную бытийно-смысловую актуализацию. С пси-

хологической точки зрения речь идет об игре воображения, фантазии, позволяющей один предмет условно воспринимать как другой при минимальном или даже отсутствующем сходстве. С онтологической точки зрения предметы изымаются из горизонта фиксированной значимости и помещаются в горизонт *свободно варьируемой значимости*. Дискурс в своих притязаниях на власть и определенность не отрицается, но *разоблачается*: возможность свободно перемещать перспективы нейтрализует власть центра, магистральная перспектива утрачивает свой статус, становясь только одной из возможных конфигураций. Дискурс переходит в режим игры. Тем самым в пространстве дискурса утверждается открытость, множественность и гетерогенность, утверждается трансгрессия. Дискурсы теперь находятся на пересечении множества смыслов, позиций и способов существования, из которых невозможно сделать окончательный выбор, установить однозначную определенность.

С. Жижек характеризует такую позицию как *внутреннюю трансгрессию*: фантазматические эффекты системы господства, которые на первый взгляд нарушают определяющие для системы запреты, в действительности служат ее непризнанной опорой [5, с. 45–46]. Сходные идеи мы находим у Бодрийяра, а их исток – в ницшевском перспективизме. Жестко центрированная система нуждается в дозе трансгрессии, «крупнице хаоса», чтобы не задохнуться в удушающей атмосфере тотального контроля, чтобы не быть вынужденной уничтожать саму себя.

Библиографический список

1. Барт Р. S/Z. – М. : Академический проект, 2009.
2. Батай Ж. О Ницше. – М. : Культурная революция, 2010.
3. Белый А. Мастерство Гоголя. Исследование. – М. : Книжный Клуб Книговек, 2011.
4. Делез Ж. Ницше и философия. – М. : Ад Маргинем, 2003.
5. Жижек С. Искусство смешного возвышенного. О фильме Дэвида Линча «Шоссе в никуда». – М. : Издательство «Европа», 2011.
6. Ницше Ф. Черновики и наброски 1885–1887 гг. // Полное собрание сочинений в 13 томах. Т. 12. – М. : Культурная революция, 2005.
7. Эйхенбаум Б. М. Как сделана «Шинель» Гоголя // Литература: Теория. Критика. Polemica. – Л., 1927.

VI. VALUES IN THE STRUCTURE OF GLOBAL INFORMATION SPACE

К ВОПРОСУ О РАЗЛИЧИИ ПОНЯТИЙ «ПОТРЕБНОСТЬ» И «ЦЕННОСТЬ» В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОЙ МЕТОДОЛОГИИ

И. Ф. Ивашкин

*Кандидат философских наук, доцент,
Вологодская молочнохозяйственная
академия им. Н.В. Верещагина,
г. Вологда, Россия*

Summary. The concept of «need» and «value» within the concept of different types of life, level of abstract thinking and types of subjectivity are described in this paper. The need is justified as a manifestation of human being, is stored in sociodynamics and converted into value on the cultural level. The value is justified as the highest abstraction, which has an artificial character as opposed to the needs of fixing the point of being a natural person.

Keywords: needs; values; personality; culture; abstraction.

Актуальность анализа понятий «потребность» и «ценность» определяется тем, что современное общество оказывается в ситуации массового потребления и небывалого роста информации. При этом рост повседневной информации намного опережает рост научно-популярной информации. Связано это и с тем, что сегодня печатается не так много научной литературы, а просветительская деятельность носит эпизодический характер. Изучение же источников по вопросам потребности и ценностей обнаруживает большую неопределенность и расхождение представлений у разных авторов по вопросу о соотношении понятий «потребность» и «ценность» и по вопросу о соотношении понятия «ценность» с другими понятиями. Так М. С. Каган не считает истину аксиологической категорией, так как она не является значением для субъекта [5, с. 67]. Ему возражает Л. Столович, утверждая, что истина обладает и свойством значимости для субъекта [8, с. 100] и т. д.

Цель статьи обосновать принципиальное различие между понятиями «потребность» и «ценность» в зеркале современной методологии.

Если обратиться к такому известному исследователю, как А. Маслоу, то он рассматривает потребности в виде пирамиды, на вершине которой находятся ценности. В такой модели потребность и ценность ничем друг от друга не отличаются по сущности. Есть только потребности, а ценность это всего лишь высшая потребность, имеющая свое начало в инстинктах, как и все низшие потребности [7, с. 112]. А. Н. Леонтьев рассматривает потребность как образ чего-то недостающего и связывает потребность с низ-

шим уровнем бытия человека. То есть, потребность относится только уровню жизнедеятельности человека. Что же касается личности, то А. Н. Леонтьев писал о том, что личность не может развиваться в рамках потребления, личность развивается в процессе созидания и если потребности связаны с индивидом, то ценности связаны с личностью [6, с. 226].

Ряд других российских исследователей также пишут о различии потребностей и ценностей. Если, например, В. Брожик связывает ценность с нормой [4, с. 190], то М. С. Каган отделяет ценность от нормы, от цели, от пользы и рассматривает ценность как нечто значимое для субъекта по отношению к объекту, т.е. ценность это не сам объект как таковой, а некое отношение к нему [5, с. 55]. Он пишет о необходимости выделять аксиосферу как самостоятельное образование для мира ценностей. В. П. Барышков обращает внимание на то, что нужно не ограничиваться исследованием аксиосферы, структуры ценностей, а акцент надо делать на способности и основания оценки, которую осуществляет человек. Что же касается потребностей, то к ним надо занимать диспозиционное отношение [3, с. 68]. В ряде случаев понятие «ценность» характеризуется через термин «значение». Но в рамках семиотики «смысл» и «значение» это проявления знака. При этом значение имеет объективное содержание, оно надиндивидуально, и надситуативно [1, с. 49]. Поэтому для анализа ценностей лучше использовать термин «значимость» или термин «предпочтение».

В рамках современной методологии выделяются такие уровни бытия, как жизнедеятельность, социодинамика, социокультурное бытие, деятельностное бытие, культурное бытие и духовное бытие [2, с. 206]. Жизнедеятельность проявляет себя как натуральное, природное бытие, в рамках которого потребность фиксирует естественное состояние нужды в том, что недостает индивиду, пустоту, которая требует заполнения для нормального функционирования. Задача же культурного бытия заключается в снабжении всеобщими и вечными критериями все остальные уровни бытия. Поэтому добро, красота, истина не проявляют себя как некие реальные объекты, а являются метафизическими конструкциями, предельными абстракциями, но как ценности они проживаются человеком, затрагивают его чувственную сферу, наполняют человека энергетикой.

Что касается уровней субъективности, то бытие человека на первом уровне можно представить в виде пирамиды, в основании которой находятся эмоции, рассудок сила, а на вершине сознание. На втором уровне пирамида субъективности содержит в основании чувства, интеллект, волю и самосознание, а на третьем уровне в основании располагаются переживание, разум, вера и сверхсознание. На первом уровне сознание, эмоции, рассудок, сила контролируют внешний мир и реагируют на события внешнего мира. На втором уровне чувство, интеллект, воля и самосознание обращены вовнутрь и контролируют внутреннее состояние человека. На третьем уровне благодаря сверхсознанию, переживанию, разуму и вере фор-

мируется целостное бытие человека, когда он контролирует как внешний мир, так и внутренний одновременно.

Разум раскрывает ценности как нечто всеобщее и вечное, переживание оживляет их, наполняет энергетикой, а вера позволяет принять ценности как нечто реально существующее, хотя добро само по себе, красота сама по себе не существуют как реальные объекты. Но как метафизические конструкции они гуманизируют человека, формируя подлинное бытие человека в мире культуры. Поэтому ценности в отличие от потребностей принадлежат только миру человеческого бытия как миру высшей культуры и духовности, и представляют собой вечные и всеобщие критерии как универсальные ориентиры для человека.

Библиографический список

1. Анисимов О. С. Методологический словарь для управленцев. – М., 2002. – 295 с.
2. Анисимов О. С. Стратегическое управление: единство интеллектуальных, нравственных и духовных оснований. – М., 2006. – 335 с.
3. Барышков В. П. Аксиология личностного бытия. – М. : Логос, 2005. – 192 с.
4. Брожик В. Марксистская теория оценки. – М. : Прогресс, 1982. – 262 с.
5. Каган М. С. Философская теория ценностей. – СПб. : ТО ТК «Петрополис». – 205 с.
6. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М. : Политиздат, 1975. – 304 с.
7. Маслоу А. Мотивация и личность. 3-е изд. / пер. с англ. – СПб. : Питер, 2008. – 252 с.
8. Столович Л. Философия. Эстетика. Смех. – СПб. – Тарту, 1999. – 384 с.

ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА СФЕРЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

Б. М. Кандов
Н. Я. Алимухамедова

*Старшие преподаватели,
Ташкентский институт ирригации
и мелиорации, г. Ташкент, Узбекистан*

Summary. The author of this article classifies processes of globalization from the point of view of impact to the spheres of social life and he analyses it on the basis of the article conception. Given classification does not cover all processes of globalization because it is almost impossible to do, but presented directions, spheres of life can be helpful and useful in dealing with the above-mentioned problems.

Keywords: global; global world; international law; international global cooperation; global safety; global inequality; global open society; democratic legal state; globalization; global democracy.

Несмотря на то, что такие понятия «глобальный», «глобалистика», «процессы глобализации», «антиглобальное движение», «глобальные проблемы», встречающиеся в наше время в научной литературе принимаются

как общепланетная реальность, между ними существует определенная этимологическая и аксиологическая разница. В книге «Глобалистика: Международный межнаучный энциклопедический словарь» изданной в 2006 году доктором технических наук, профессором И. И. Мазуром и доктором философских наук, профессором А. Н. Чумаковым приведены свыше 3200 терминов, организаций и событий, касающихся глобализации [4]. Значит, нет сфер международной жизни, институтов, народов, стран, на которых процессы глобализации не оказывали бы своего воздействия.

Несмотря на то, что глобализация является сложной реальностью, богатой на противоречия, оно не мешает изучать области общественной жизни вводя их в рамки определенной системы. Изучение объекта исследования посредством его классификации в определенном направлении позволяет логически раскрыть сущность проблемы и бросить глубокий взгляд на области общественной жизни, в которых она существует. Исходя из такой точки зрения, можно разделить области общественной жизни, на которые процессы глобализации оказывает влияние, на следующие: процессы глобализации протекающие в общественно-экономической жизни; глобализация в области экологии; глобализация в области науки и техники; глобальные связи, направленные на обеспечение безопасности и мира: глобализация в общественно-политической области; процессы глобализации в области демографии; миграция; глобализация в области права и человеческих прав.

Сперва следует подчеркнуть, что на сегодняшний день нет областей общественной жизни, которых бы не охватывала глобализация. Значит, невозможно полностью изучить все направления глобализации в рамках одной темы, даже в рамках крупных исследований. По нашему мнению, анализ вышеприведенных суждений, приводит к достаточному представлению о проблеме.

До второй половины XX века общественно-экономические и культурные изменения в стране рассматривались как результаты эффективного использования внутренних ресурсов этой страны, разумного управления обществом и государством, высокой степени ответственности людей за исполнение своего долга. Обращалось большое внимание на внутренние ресурсы и потенциал. После второй мировой войны, особенно под влиянием процессов интеграции, происходящих в Европе, появилась потребность в переходе от локальной глобализации к глобальному прогрессу. «Когда наступил период глобализации, – указывает Б. Умаров, – стал бросаться в глаза иной взгляд в отношении прогресса – синхронный анализ событий-происшествий без отрыва их от времени и пространства... С теоретической точки зрения, несмотря на свойства исторического прогресса для каждой страны приспособляющейся к международному распределению труда, последовательно внедряющей в свою экономику иностранные инвестиции

и стремящейся к современным технологиям появилась возможность использовать экономическую выгоду от процессов глобализации» [15].

Глобализация опирается на рыночную экономику и через нее оказывает влияние на международные экономические связи. В этой связи можно говорить о вмешательстве, особенно об экономическом вмешательстве Германии и Англии в начале XX века на жизнь других стран. Например, Англия тратила 52 %, а Германия 38 % своего национального богатства на внешнюю торговлю, внешние экономические связи [4, с. 164].

После Второй мировой войны США на основании «Плана Маршалла» исрасходовало на страны Европы 3 % своего национального богатства. Конечно, в настоящее время эта помощь упала до отметки 0,1 % [4, с. 211]. Однако эта помощь оказала серьезное влияние на формирование экономики, рыночных отношений и привело к модернизации Европы.

Глобализация ставит свои требования на национальную экономику государств, то есть на открытость внутренних рынков, внедрение новых технологий, соблюдение закона требований и потребностей, формирование системы получения заработной платы в зависимости от выполненного объема труда, соответствия произведенной продукции общим требованиям, обеспечение свободной деятельности транснациональных корпораций, поддержку инвестиций, свободному использованию валюты, наличию взаимной конкуренции, участию на мировом рынке. Субъектом данных требований является «глобальная тройка» – Северная Америка, Содружество Европы и Восточно-Западный Азиатский Союз. Именно на данных территориях расположены основные источники, силы и технологии. Например, Содружество Европы включает в себя 30 государств. На территории Международной организации экономического сотрудничества и развития (2001 год) проживает одна десятая часть населения планеты, однако они производят две трети продукции мировой экономики, возглавляют международную банковскую систему, мировой рынок производящий капитал. Свыше 70 % всех мировых научно-технических изобретений и новых технологий также приходится на эти территории. В результате основная часть экономического достояния, производимая в мире, также остается на этих территориях. А это становится причиной того, что 1,5 млрд. населения, проживающего в малоразвитых территориях, проживают в нищете [3]. Накопление на одном материке мира богатств и вследствие этого зажиточное существование людей на этом материке с точки зрения глобализации свидетельствует о равномерном распределении благ принадлежащих человечеству. С точки зрения гуманизма, тот факт, что одна часть населения (20 %) проживает ультра богато и владеет 80 % материальных благ, указывает на необходимость установления справедливости с общественно-экономической жизни. В этой связи либерализация экономики, принципы либерализма, которые проповедуют сторонники капитализма, не всегда служат глобальному прогрессу, а наоборот, указывают на наличие проти-

воречий между ними. Поэтому нельзя согласиться с мнением Б. Умарова о том, что либерализм является «теоретическим фундаментом процесса глобализации» и его (либерализм) следует рассматривать только как положительно-демократическое явления [15, с. 29].

Американский исследователь Т. Фридман назвал глобализацию «новой системой», пришедшей взамен «холодной войне». Действительно, капитализм во главе победившей в «холодной войне» США старается посредством мировой экономики внедрить по всему миру свои мировоззрения, ценности. Нетрудно догадаться, что такие финансовые центры как Уолл-стрит, Гонконг, Лондон и Франкфурт идут по пути оказания влияния на мировой рынок, даже путем оказания влияния на политическую систему в национальных государствах. Это на самом деле направлено на вмешательство во внутренние дела суверенных государств, внедрение в сознание их граждан западных ценностей, взглядов. Устранение плюрализма в национальных культурах, менталитете и создание одинаковых взглядов, массовой культуры может привести к исчезновению разноцветия мира, жизни. Такой риск становится причиной происхождения антиглобальных движений. Глобализация в экономической области с одной стороны, положительна, а с другой стороны бросаются в глаза отрицательные моменты. Положительные особенности заключаются в том, что экологические обстоятельства и экологические инфляции возникающие в последние годы не свойственны одной стране или региону, а являются проблемами собственными всему человечеству, будущему. Поэтому ООН, международные объединения, транснациональные корпорации, ведут работы по сохранению экологии, закрытию предприятий угрожающих здоровью человека, запрещению выпуска и реализации вредных веществ. Например, на международной конференции был организован специальный центр, осуществляющий изучение и наблюдение деятельности международной комиссии по окружающей среде и прогрессу при ООН, общественно-экономическую деятельность транснациональных корпораций, действуют свыше ста негосударственных международных федераций, направленных на сохранение экологии в Европе. Вследствии взаимных стараний данной комиссии и организаций были разработаны программы по согласованию общественно-экономического развития с экономической обстановкой, разумному использованию природными богатствами [9]. Вместе с тем улучшение экономической ситуации в мире продолжает оставаться самой актуальной задачей. Данная ситуация касается и нашей Республики. «Сложность ситуации в том, – говорит наш президент И. А. Каримов, – что он появился не вследствие результата отрицания данной проблемы на протяжении нескольких десятилетий, а в результате того, что почти все области сферы деятельности человека в регионе оказались в экологической опасности. Нельзя допустить грубого и высокомерного отношения к природе. Мы по этому поводу имеем горький опыт. Такого отношения природа не прощает.

Фальшивое социалистическое идеологическое требование о том, что человек – хозяин природы, особенно в регионе Центральной Азии стало причиной гибели многих людей, некоторых народов и национальностей. Их истребление привело нас к краю исчезновения всего генофонда» [6].

По мнению Л. Уайта (младшего), история экологических катаклизмов началось еще раньше. Поэтому он пишет: «Экологические изменения исторически находятся в таком зачаточном состоянии, что мы очень мало знаем о них, о том, что было в прошлом и к какому результату они привели» [14]. Ученый в качестве примера приводит факты истребления зубров в Европе в 1627 году, расширения голландцами берегов Северного моря. Если в таком порядке продолжать такой подход, империи, созданные в прошлом, прошедшие войны, освоенные материка свидетельствуют о том, какие разрушения оставались после людей. Такие разрушения еще более увеличиваются в следующие века. В этой связи нельзя не вспомнить высказывание нашего президента И. А. Каримова: «На стыке веков в наше время все человечество, наша страна встречается с лицом к лицу с очень масштабными экологической опасностью. Не замечать это, сидеть, сложа руки, равносильно вынесению самому себя смертного приговора» [7]. Потому что согласно сведениям специалистов, на сегодняшний день по причине сжигания различного топлива, ежегодно расходуется 10,1 млрд. тонн кислорода, осваивается и используется 70 % пригодных к сельскому хозяйству земель, 20 % пригодной пресной воды, площадь, занимаемая лесами ежегодно сокращается, площадь пустынных земель увеличивается, температура воздуха повышается. «Человечество еще в прошлом било тревогу за судьбу планеты, а в настоящее столетие загрязнение окружающей среды, израсходование природных ресурсов, разрушение экологических связей в экосистеме стало глобальной проблемой. Если человечество будет продолжать идти по нынешнему пути прогресса, не исключается её гибель после прошествия двух-трех поколений» [19]. Поэтому специалисты считают пропаганду экологического права, формирование в сознании хозяйствующих субъектов норм, соответствующих такому праву актуальной задачей.

Большинство специалистов относят происхождение глобальных инфляций к научно-технической революции начавшейся в XVII веке. Если путешествия Марко Поло и Магеллана в XVI–XVII веках открыло путь к сближению народов, материков, эта традиция в следующие века стало развиваться еще более широко и быстро. Поэтому Монтескье писал: «Две нации устанавливая между собой связь, становятся зависимыми друг от друга; если одна из них желает продать, вторая выражает желание купить; их союз строится на понимании необходимости друг для друга» [10]. На самом деле это было результатом открытия водных транспортных и воздушных путей, расширения межконтинентальных связей, походов, осуществленных согласно колониальной политике. Однако развитие технических средств, появление радио, телевидения, транспорта, средств массовой

информации, телефона, телеграфа, сотовой связи в конце XX века, компьютера, интернета еще более углубило связи между народами. Во всем мире функционируют сотни миллионов. Согласно данным, количество компьютеров каждые полгода увеличивается вдвое. Начиная с 1991 года информация, размещаемая на каждый сантиметр диска ежегодно увеличивается на 60 %. В настоящее время любую информацию можно доставить в любую точку мира с помощью телефонов, радиосигналов, цифровых технических средств. Это в свою очередь влечет за собой появление на рынке информатики международных компаний. Одним из таких гигантов является компания «Майкрософт» [16].

Без сомнения, научно-техническая революция привела к развитию цивилизации новыми темпами, расширению международной интеграции, углублению межгосударственных связей. Всего 20 лет назад нельзя было разговаривать с близкими людьми, проживающими в других странах, получать или отправлять за считанные мгновения почту по интернету. Теперь же этим чудом научно-технической революции никого не удивишь.

Правильно, не все проживающие на Земле имеют возможность пользоваться этими средствами связи. Например, в 2000 году почти половина населения Земли ни разу не пользовалась мобильной связью, а на сегодняшний день она доступна почти каждому человеку. «Именно эти технические средства, связи освобождают разум, расширяют возможности людей, создают доступ в бывшим закрытым обществам, формируют близкие друг к другу и целые глобальные культуры» [20].

Несмотря на то, что «холодная война» вошла в историю, идеологическая борьба продолжается. Согласно подсчетам ООН, в мире хранится свыше 50 тысяч ядерного оружия, половину из них составляет стратегическое оружие. Сила взрыва этого оружия достигает 15 тысяч мегатонн, то есть они в миллион раз сильнее атомной бомбы, сброшенной на Хиросиму [13]. Кроме того, вместе с расколом СССР ядерное оружие осталось в разных республиках, в результате чего силы, заинтересованные в наживе, начинают продавать это оружие зарубеж. В результате возникает риск распространения оружия войны по всему миру. А США, считающие себя победителем, стали расширять военные базы для хранения оружия, боеприпасов. В связи с этим страны Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) тратят на приобретение оружия до 25 % своего национального богатства. Стремление Северной Кореи изобрести собственное ядерное оружие вызывает тревогу во всей Азии. А эскалация гонки вооружений спровоцировало США и его сторонников повысить количество вооруженных сил, оружия на водных просторах и океанах Азиатско-Тихоокеанского региона. В настоящее время в данном регионе расположены 6896 кораблей и катеров, 2700 военных самолетов, 1626 вспомогательных военных кораблей 37 государств, причем на 130 кораблях размещены 200 ядерных установок.

Этот факт свидетельствует о том, что в Азиатско-Тихоокеанском регионе вооружение стремительно развивается [17].

Как известно, установление мира на Земле не может обеспечить одно государство, даже один регион, в этой связи необходимо сотрудничество народов, государств по предотвращению конфликтов в глобальном масштабе. Сотрудничество в этой области предполагает создание новых отношений и новой модели сотрудничества, направленной на обеспечение свободы и безопасности на Земле. Согласно мнению крупного политолога Х. Моргентауна, «интересы государства в качестве мощи государства помогает понять суть международной политики, определяет политический характер некоторых государств» [21]. Если исходить из фундаментального значения этого суждения, государства не забывают свои интересы при обеспечении мира и безопасности. В своей речи на саммите Шанхайской Организации Сотрудничества (5 июля 2005 года) президент Республики Узбекистан И. А. Каримов подчеркнул, что при обеспечении мира и безопасности «необходимо учитывать своеобразие каждой страны и имеющуюся в ней ситуацию» [8]. Однако это не означает, что можно забыть о том, что главной целью является обеспечение мира и безопасности на всем континенте, планете. Как подчеркнул И. А. Каримов, «борьба за предотвращение возрастающей изо дня в день опасной угрозы по отношению к безопасности и устойчивости региона связано с согласованием и объединением действий стран-участниц ШОС» [8]. Для этого теоретики мира утверждают, что обеспечение мира и безопасности во всем связано друг с другом: 1) отдельно взятых государств; 2) между двух государств; 3) между государствами региона и 4) порядком установления мира и безопасности в глобальном масштабе [2]. К сожалению, если первые два направления такого порядка осуществляются в том или ином масштабе, сохраняется опасность распространения конфликтов третьего вида и глобального масштаба в планетарном масштабе. Поэтому наш президент И. А. Каримов сказал, что «ситуацию возникшую в регионе (*Центральная Азия – Б. К.*) стратегически можно истолковать как неопределенную обстановку и узел сложных противоречий, которые ждут своего решения» [8, с. 441].

В мнениях и суждениях о глобализации в общественно-политической сфере можно увидеть и слишком наивные взгляды, и утопические, противостественные желания. Глобализацию в этой сфере Р. Хиггинс назвал «седьмым врагом», потому что можно понять все глобальные процессы, даже предотвратить катаклизмы, однако нельзя осуществить, претворить в жизнь глобализацию в общественно-политической сфере, даже полностью его осознавая. Потому что при решении глобальных проблем «Силы политической инерции постоянно тащат нацию в безмерную бездну узкого разграничения» [18].

Стремление к объединению политических институтов в мировом масштабе существует с давних времен. Например, вспомните военные дей-

ствия Дария I и Александра Македонского. В свое время и Платон выдвигал идею «идеального государства» и считал, что человечество вернется к этому «золотому периоду» [11]. Восточный мыслитель Шри Адробиндо писал, что человечество произвольно или под давлением различных конфликтов, войн, регрессий «организует всемирное государство» [1]. Потому что человечество приближается к такой точке прогресса, когда под влиянием объективных и субъективных факторов он будет вынужден создать добровольную конфедерацию народов. Формирование общечеловеческих норм, морали, права, глобального сознания и религии также ускоряют этот процесс. Близкую к этому идею выдвигают и такие исследователи как Ф. Фукуяма, К. Омаэ. Дело в том, что когда глобализация займет сферы экономики и информатизации, политические институты и государство будут вынуждены функционировать в соответствии с общепланетными понятиями, вести управленческую деятельность. Однако, несмотря на то, что некоторые отдельно взятые государства будут стараться сохранить свое положение и защищать себя своими национальными интересами, процессы глобализации их также поглотят, то есть заставят служить общепланетарным интересам. А это, в конце концов, приведет к созданию глобального государства (Всемирное государство, Всемирное правительство, Всемирное гражданское общество, глобальное открытое общество и так далее) [4, с. 166]. Нетрудно заметить, что это утопия, однако нельзя отрицать, что в его основании идея объединения человечества.

Глобализация также оказывает воздействие на политические партии, негосударственные организации. Статья К. Раббимова опубликованная в журнале «Гражданское общество» посвящена именно этой проблеме. Анализируя роль политических партий Узбекистана в условиях глобализации, он пишет: «Нашим политическим партиям следует также, как в развитых демократических государствах, наладить исполнение своих классических задач» [12]. В эти задачи автор причисляет «общественную амортизацию», недопущение идейного дефицита, недостатка, «формирование вектора конструктивного напряжения». К сожалению, пишет К. Раббимов, в наших политических партиях устойчиво живет образ «локального и традиционного сознания». То есть партии не рассматривают глобализм как методологию отношений во всех общественных, правовых, экономических, идейных сферах жизнедеятельности. У них всегда можно увидеть процессы смещения в сторону локализма, изоляционизма, методов ограничения, традиционности в сознательной деятельности» [12].

П. Ж. Бьюкенен, наблюдавший изменения происходящие в сфере демографии и миграции пишет: «Настоящий мир, который переживает углубляющиеся кризисы, в конце концов, может привести к гибели. Если эти изменения будут продолжаться в таком масштабе и в такой степени бледнолицы будут отлучены от своей Родины» [3].

Если население Земли в 1804 году составляло 1 млрд. человек, к 1927 году оно достигло 2 млрд, к 1960 году 3 млрд, к 2000 году достигло 6 млрд, а в 2011 году – 7 млрд. человек. В настоящее время каждый месяц рождается население Нью Йорка, каждый год население Мексики, каждые десять лет население Индии [22]. Удивительно то, что рост численности населения приходится на страны, где ежедневный доход равен 3 долларам, в развитых, богатых государствах, континентах рождаемость изо дня в день падает [24].

Переселение населения в богатые, развитые страны превратилось в глобальное явление. Из Азии ежегодно свыше 4 миллиона человек переселяются в страны Европы. 60 % иммигрантов переселяются в США. К 2050 году ожидается, что между коренным населением США и иммигрантами возникнет равенство в численности, а в прошествии небольшого времени количество эмигрантов превысит их. Например, в период 2000 – 2050 годов количество испаноговорящих от 10% поднимется до 21%, (даже до 25%), количество азиатов от 6 % достигнет до 11 %, чернокожие от 9 % поднимется до 16 %, переселенцы из Южной Америки вырастет на 15 %, а численность белокожих снизится с 75 % до 53 % [23]. Как видно, демографический взрыв и поток миграции ставит перед человечеством бесчисленные проблемы. Для этого человечество должно разрешить задачи, касающиеся образа жизни. Нищета, безработица заставляют людей покидать свою Родину. А использование дешевой рабочей силы приводит к нарушению прав иммигрантов. В результате одни государства богатеют, а другие лишаются рабочей силы, интеллектуального потенциала, и они не могут обеспечивать внутреннее развитие.

Разница между селом и городом сохраняется. Половина населения Земли в настоящее время проживают в городах, то есть в центрах с высокой степенью развития. А это оказывает отрицательное воздействие на инфраструктуру села, размещение и обеспечение населения работой в городах будет оставаться проблемой. Можно еще привести ряд таких глобальных проблем. Конечно, ученые и специалисты ищут решение этих проблем. Несмотря на то, что они предлагают различные рекомендации и предложения, они едины в одном заключении: «Философия глобальных проблем в качестве рашающего фактора мирового прогресса, рождает надежду на формирование глобального сознания» [14, с. 4]. Именно глобальное сознание разрешает глобальные проблемы, стоящие перед человечеством без войн, конфликтов, путем взаимного согласия, консенсуса, может превратить глобальный прогресс в осознанную и рационально управляемую реальность. Однако само формирование такого глобального сознания остается глобальной проблемой.

Библиографический список

1. Ауробиндо Шри. Идеал человеческого единства. – СПб. : МИРРА, 1998. – С. 460.

2. Балувев Д. Г. О национальных интересах России и ее место в международных отношениях // Вестник Фонда РОПЦ. – № 2. – 1996. – С. 9.
3. Бьюкенен П. Ж. Фарбнинг ҳалокати. – Т.: Ўқитувчи, 2007. – 22–23 б.
4. Глобалистика. Международный междисциплинарный энциклопедический словарь. – М. : Санкт-Петербург, Нью-Йорк: «ЕЛИМА» – «ПИТЕР», 2006.
5. Зиновьев А. А. Глобальный человек. – М. : ЭКСМО, 2003 – С. 22.
6. Каримов И. А. Ўзбекистон XXI аср бўсағасида: хавфсизликка таҳдид, барқарорлик шартлари ва тараққиёт кафолатлари. – Т. : Ўзбекистон, 1999. – 508 б.
7. Каримов И. А. Ўзбекистон буюк келажак сари. – Т. : Ўзбекистон, 1999. – 505 с.
8. Каримов И. А. Минтақада хавфсизлик ва барқарорлик йўлида // Ўзбек халқи ҳеч қачон ҳеч кимга қарам бўлмайди. Т. 13. – Т. : Ўзбекистон, 2005. – 442 б.
9. Мировая экономика и международные отношения. – 2002. – № 2. – С. 17–19.
10. Монтескье. Дух законов. – М. : Госполитиздат. 1963. – С. 46.
11. Платон. Сочинения в трех томах. Т. 3. Ч. 1. – М. : Мысль, 1971. – С. 225.
12. Раббимов К. Сиёсий партиялар: глобаллашув шароитларида локал фикрлаш // Фуқаролик жамияти. – 2005. – 3-сон. – 28 б.
13. Разоружение: фактологический бюллетень –70. – Нью-Йорк, 1990. – С. 2–6.
14. Уайт Л. Исторические корни нашего экологического кризиса // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. – М. : Прогресс, 1990. – С. 189.
15. Умаров Б. Глобаллашув зиддиятлари. – Т. : Маънавият, 2006 – 7 б.
16. Уткин А. И. Глобализация: процесс и становление. – М. : Логос, 2002. – С. 18.
17. Федотов В. П. Теорические и методологические вопросы обеспечения безопасности в АТР. О возможных моделях региональной безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе // МЭиМО, 2001. MS. – С. 42–49.
18. Хиггинс Р. Седьмой враг. Человеческий фактор в глобальном кризисе // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. – М. : Прогресс, 1990. – С. 28.
19. Экологическое право. – Т. : Издательство «Литература», 2001.– 3 с.
20. Kogley Ch. and Wittkopf E. Wold politics. Trend and Transition. – N. Y., 1999. – P.246.; Уткин А. И. Глобализация: процессы и становление. – М. : Эскимо, 2002. – С. 25.
21. Morgentau, Hans J. Politics Among Nations: The struggles for Power and Peace. – N. Y. : Alfred A. Knopf, 1985. – P. 5.
22. Mc. Kilben B. The Fortune of Population // Atlantic Monthly. – May, 1992. – P. 78.
23. Population Projection of the United States: 1991 to 2050. Wash. 1992.
24. World Economic and Social Survey 1995. – N. Y. 1996. – P. 147.

ЦЕННОСТЬ СОБОРНОГО ЕДИНСТВА В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ: ИСТОКИ ФОРМИРОВАНИЯ

Н. П. Мони́на

*Кандидат философских наук, доцент,
Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия*

Summary. The article is devoted to the understanding of the formation of values of unity and Catholic unity in Russian culture. The author analyzed the climatic factor in the formation of the Council's world view, understood the special role of the state in this process, the management and the importance of religious, Orthodox context of the given values.

Keywords: unity; community; Russian culture; collectivism.

Фундамент любой культуры, ее ядро составляют ценности. Аксиологическое содержание культуры, по сути, является неперенным условием развития и сохранения того или иного типа культуры, что особенно важно сегодня, в условиях непростой геокультурной ситуации, в условиях актуализации национального начала и подъема патриотизма.

Ключевыми ценностными идеями отечественной культурной традиции выступают: соборность, софийность, всеединство, евразийство, космизм. В рамках данной работы будет рассмотрена ценность соборного единства.

Соборность – одна из основных фундаментальных характеристик русского бытия, а, следовательно, и философии, и культуры, и искусства. Категория соборности имеет религиозное, христианское происхождение, но следует отметить, что ценностное значение, сама аксиология соборности формировалась еще задолго до принятия Русью христианства.

Изначально в русской культурной традиции «мы» играло существенную роль. Поэтому русскую цивилизацию часто называют «мыцивилизацией», в отличие от западной «яцивилизации», с этой точки зрения русские есть коллективисты, а их общество – коллективистское. «Русский народ, – говорит Н. А. Бердяев, – любил жить в тепле коллектива, в какой-то растворенности в стихии земли, в лоне матери» [цит. по 2, с. 196]. Об этом же говорит и еще один русский философ – С. Л. Франк, отмечавший, что для русских непредставима жизнь иначе, как коллективная, общий порядок и совместное пользование благами жизни для всех сограждан». В русской философии, как отмечает М. Д. Купарашвили, этика коллективного человечества основана на сверхиндивидуальном начале, которым является «субстанциональное Мы», в отличие от западной практики. «Последнее основание жизни духа и его сущности образуется «Мы», а не «Я». «Мы» мыслится не как внешнее единство большинства «Я», только потом приходящее к синтезу, а как первичное, далее неразложимое единство, из лоно которого только и вырастает «Я» и посредством которого это

«Я» становится возможно» [цит. по 3, с. 211]. Каковы же основные причины и факторы, вызвавшие к жизни феномен соборности?

Православный принцип соборности, по поводу которого русская философия находила свои собственные смысловые образы, раскрывающиеся в терминах «цельность», «органичность», «надындивидуальная общность» и т. п., наследовал, в свою очередь, укоренившийся в «коллективном бессознательном» древнерусского человека обычай общеплеменных собраний. Они утверждали главенство и охранительное преимущество «события», т. е. совместного бытия как принципа жизнедеятельности общины. Нельзя здесь не отметить и тот факт, что огромность территории, заселенной восточнославянскими племенами, суровый, подчас своенравный климат заставляли спланировать жизнь сообща, вместе, именно поэтому все личное, индивидуальное отходило на второй план, уступая место общему, общинному.

Вспомним и сложные климатические условия, в которых выжить одному, вне коллектива практически невозможно, и огромность русских пространств, где человек чувствовал себя «песчинкой», где он был бы легко ими раздавлен без коллектива, и сложность геополитического положения, влекущего за собой постоянные военные столкновения, конфликты, вспомним, наконец, и специфическую форму крестьянской организации – мир или общину. М. Громыко в работе «Мир русской деревни», отмечая особую роль нравственных ценностей как достояния каждого народа, писал: «Соседская помощь односельчанам, оказавшимся в трудном положении, занимала почетное место в общественной жизни деревни. Она регулировалась целой системой норм поведения. Частично такая помощь проходила через общину. Случалось, что мир направлял здоровых людей топить печи, готовить еду и ухаживать за детьми в тех дворах, где все рабочие члены семьи были больны. Вдовам и сиротам община нередко оказывала помощь трудом общинников: во время сева, жатвы, на покосе. Иногда мир обрабатывал участок сирот в течение ряда лет» [1, с. 244]. Принцип общинности заложен уже на самых ранних этапах становления русского этноса и имеет экономическую основу – способ производства, выражающийся в коллективном характере труда. Русская общинность выразилась в социально-политическом механизме идентификации индивида с общностью, благодаря которому русский человек осознавал себя не отдельной личностью, а частицей целого, которая вне этого целого существовать не может.

Здесь же мы можем говорить и об особенностях понимания роли государства на Руси. Речь идет о том, что оно воспринимается не только и не столько как политическое образование, сколько (со времен старца Филофея и его концепции «Москва – третий Рим») как образование религиозное. Таким образом, изначально русский человек оказывался, говоря словами Н. А. Бердяева, «в тепле коллектива», он не мыслил себя вне его.

Желание единства, соборность была присуща славянской ментальности. Идея соборности была неотделима от идеи пира, который отождествлялся с «братчиной». Главным напитком был хмельной мед – мед Сурья о «девяти силищ», который учили делать и Лада, и Сварог, и Солнце – Сурья. Пить его следовало во здравие и веселье, но никак ни во пьянство.

С принятием православия идеи коллективного сожителства и сотворчества не только не отходят на второй план, но и начинают осознаваться с православных позиций. Коллективизм «земной» получает освещение и благословление с позиций Церкви и дополняется единством в духе, нравственным, духовным единением. Соборность, таким образом, возникшая и из православия в том числе, получила универсальную реализацию в социокультурной жизни русских. Ортодоксальный характер православной религии в национальном сознании, ее выход за рамки веры в более широкую сферу духовной жизни укрепили эту константу, ставшую типологической чертой в русской культуре.

Понятие соборности глубоко сопряжено с православным учением о Церкви, как о благодатном соборе всего человечества вокруг Христа, Богородицы и святых, должном охватить единством духовного преображения всю тварь, весь космос. Каждый христианин поэтому призван найти свой личный путь к соборности твари, обогатить ее нравственными проявлениями своей неповторимой души и, вместе с тем, восполнить собственное бытие соборным духом. Именно восполнение, обогащение индивидуальных душ универсальным духом христианской истины и любви определяет религиозно-нравственный смысл межличностной соборной связи.

Таким образом, истоками идей соборного единства в русской культуре выступают:

- особенности природных и климатических условий;
- хозяйственная практика русского крестьянства (община);
- особенности понимания роли государства не только как политического, но и как религиозного объединения;
- православное вероисповедание.

Библиографический список

1. Купарашвили М.Д. Сумма трансценденталий Гносеология разума. Ч. 2. – Москва – Омск : Омск. гос. ун-т, 2003. – 320с.
2. Размышления о России и русских. «Вторая философия» русского человека. Сост. С. Иванов – М. : Московская школа политических исследований, 2006. – 616 с.
3. Трофимов В. К. Менталитет русской нации : учебное пособие. – 2-е изд., испр. и доп. – Ижевск : ИжГСХА, 2004. – 272 с.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О СТАТУСЕ АКАДЕМИЧЕСКОГО ПОСЛЕДИПЛОМНОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ (СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ ПОДХОД)

В. В. Пашков

*Доктор философских наук, профессор,
Запорожский областной институт
последипломного педагогического
образования, г. Запорожье, Украина*

Summary. In the article development of postgraduate pedagogical education is examined to the level of academy, as cultural phenomenon.

Keywords: education; in-plant of teachers training; postgraduate pedagogical education; academy.

Система последипломного педагогического образования сегодня претерпевает в Украине серьезные изменения. В контексте структурно функционального подхода, мы должны анализировать социальные механизмы, влияющие на развитие данной структуры. Проблемы последипломного педагогического образования мы рассматриваем в соответствии с ведущим принципом опережающего развитие качеств человека. Основопологающей функцией в структуре академического последипломного педагогического образования сегодня занимает процесс формирования личности-учителя, что неизбежно сопряжено с такими проблемами, как учить приближения социальных смыслов «четвертой образовательной революции» (Э. Тоффлер), «века гуманитарного мышления» (Д. Лихачев) или «эпохи конструктивной аксиологии».

В нашем исследовании мы исходим из того, что повышение квалификации учителя, его переподготовка – это не только профессионализм, но и духовная ценность, формирующая все виды социокультурных практик. Содержательный аспект, презентуемый дисциплинами в системе последипломного педагогического образования, призван помогать человеку становиться специалистом, готовым к профессиональной деятельности в быстро меняющемся мире, а также помогать реализовывать потенциальные возможности, учить социальной ответственности.

Поэтому, вопрос о статусе академического последипломного педагогического образования и его потенциальных возможностях актуален как никогда. Утилитарно-целенаправленное обучение стало абсолютной угрозой в быстро меняющемся мире. Данное основание усиливает чувство пессимизма относительно перспектив системы последипломного педагогического образования как формы организации образовательного пространства. В современных условиях важно сформировать новую образовательную модель педагогических практик, адекватную потребностям нового века, новый тип образованности, характеризующийся, в числе прочего, форми-

рованием фундаментальности и гуманизации, личностной направленности образования.

Необходимость прояснения того, что происходит с современной системой последипломного педагогического образования и есть ли у неё будущее, побуждает нас обратиться к рассмотрению модификации академического образования в дискурсе «академических миссий».

Концептуальной основой новой модели последипломного педагогического образования становится идея развития, духовно-нравственного возвышения человека на основе взаимосвязи его внутреннего мира, социокультурной и природной среды. Концепт «автономной агрессивной личности», должен покинуть смыслы современного бытия. Возрождение человеческих общностей – вот главная задача философии образования и философии вообще. Именно в таких смыслах должна формироваться модель современного последипломного педагогического образования.

Социальная реальность выдвигает массу вопросов к системе последипломного педагогического образования как форме организации образовательного пространства. Концептуальные характеристики нового образовательного пространства предполагают стратегическое определение направления деятельности, предоставление широких полномочий исполнителям, отношение к каждому участнику образовательного процесса как источнику творческого вклада, поддержание единства стабильности (в системе ценностей) и изменений. Формой инновационной деятельности системы последипломного педагогического образования становится проектирование модели академии, с выявлением тенденций социокультурной преемственности в развитии академического последипломного образования. Сегодня, также как и прежде, на что обратил внимание Ю. Хабермас [3, с. 106], решается вопрос о том, следует ли порвать с традициями Просвещения или же их стоит диалектически развивать?

Академическая миссия последипломного педагогического образования имеет большое методологическое и институциональное значение, поскольку, как утверждает Ю. Хабермас [3, с. 112], институционализация сохраняет свою способность функционировать до тех пор, пока она воплощает в жизнь присущую ей идею.

«Идея академии» является идеальной моделью понимания и практической реализации предназначения данной формы образовательного пространства и наилучшим образом служит выявлению ведущих процессов в данной сфере жизнедеятельности общества.

Какие связи и зависимости существуют между развитием «идеи академии» и образовательным пространством? Чем является образовательное пространство для «идеи академии»? Ответы на данные вопросы уже даются отечественными и зарубежными исследователями в области философии образования. Мы обратимся к исследовательским смыслам российского философа Степановой С. Н., которые близки и нам.

Автор отмечает, что проблема восприятия и переживания пространства, в том числе образовательного, является не только проблемой несомненности, присутствующей в жизненных практиках человека, но и следствием концептуализированного представления и осмысления. Это означает, что выделение особенностей пространства социально и культурно обусловлено, то есть конструируемо человеком. На этом основании можно утверждать, что образовательное пространство выступает синтезом идей и действий становления и развития человека и общества, и включает в себя, наряду с артефактами образовательной среды, самого субъекта с его деятельностью, потребностями, ценностями, образом жизни, взаимоотношениями с другими людьми и другими аспектами культуры [1, с. 282].

В субстанции образовательного пространства нас интересуют смыслы, сама пространственная образовательная среда и ее изменения под воздействием субъективных и объективных факторов. В первую очередь, мы обращаемся к осмыслению и конструированию образовательного пространства. Под «*образовательным пространством*» мы понимаем *совокупность* связанных между собой *условий*, влияющих на образование человека.

При таком подходе к пониманию образования, образовательным пространством выступает вся практика повседневной жизни человека, поскольку связанность среды жизнедеятельности, включающей сферы деятельности (труд, игра, быт, обучение, отдых, общение и др.), равно как и формы общественной жизни (экология, экономика, культура, политика, мораль и пр.), осуществляется *через человека*. Через функциональное увязывание последствий действий, полагал Ю. Хабермас, происходит стабилизация непреднамеренных связей действия [3, с. 162]. Именно поэтому процессы, происходящие в одной из практик повседневности, воздействуют на другие.

Уникальность момента реформирования образовательной практики человека лежит внутри, а не вне его. Поэтому актуальность формирования философской культуры должна стать для человека основополагающей. Человек, вписывая себя с помощью культуры в мир, постоянно воздействует на окружающую его социальную среду, на самого себя. По этой причине индивид естественным образом включен в *образовательное пространство* – в практику действий по накоплению и развитию определенных знаний, навыков (освоение технологий обучения, способов деятельности, форм и способов общения, норм поведения, систем ценностей и пр.), закрепленных в смыслах, символах, образах жизни образовательного социума.

Следовательно, «*образовательное пространство* – это виды, способы, формы, средства деятельности человека по реализации своих потребностей и способностей в саморазвитии, согласуемое с возможным, должным, желаемым» [2, с. 59]. В целом, в образовательном пространстве соединяются время, смыслы, коммуникации.

Как отмечает Степанова С. образовательное пространство, понимаемое в узком смысле, характеризуется как пространство социального института, функционирующего на организационном, содержательном, технологическом уровнях, имеющего собственное содержание, цели, задачи, смыслы и средства деятельности, структуру, функции, формы и методы управления. Это система складывающихся социальных связей, ролей, отношений, объединенных образовательным процессом и протекающих в определенных условиях образовательной среды. Образовательный процесс включает в себя упорядочивание отношений с окружающим миром, и формирует педагогические системы образования, которые помогают каждому обучающемуся управлять собой и приобретать уверенность в своем «Я», в своей деятельности и добиваться результатов своей жизнедеятельности.

Кластеры образовательного пространства организуются под воздействием культурных и социообразовательных установок, правил, ценностей, отражающих, прежде всего, определенную позицию через концептуальную идею, позволяющую подниматься на более высокий уровень осмысления направлений, целей, задач развития и совершенствования образовательных практик [1].

Поэтому модификация образовательного пространства обусловлена не только социальными факторами, но и идеологическим обоснованием. Одной из знаковых идей в рассматриваемом дискурсе стало развитие академической миссии последипломного педагогического образования, появление которой будет обусловлено потребностями свободно мыслить. В профессиональной деятельности проявляется двойственное состояние субъективности педагога: он учит и учится (не только личность педагога «формирует» личность учащегося, но и на оборот – чем активнее позиция педагога в создании условий для развития личности учащихся, тем сильнее воздействие учащихся на развитие творческих возможностей педагога). Большое значение обретает становление самопознания педагога, а осуществить данные стратегические изменения можно только в рамках расширения и модификации институционального поля системы последипломного педагогического образования, в дискурсе «идеи академии», как социокультурной, социообразовательной формы современности.

Библиографический список

1. Степанова С. Н., Родермель Т. А. Интерпретация университета в футурологических проектах: концептуализация идеи // Трансформация научных парадигм и коммуникативные практики в информационном социуме : материалы II Всероссийской научно-практической конференции. – Томск : Изд-во ТПУ. – 2009. – С. 281–283.
2. Степанова С. Н. Классическое университетское образование как фактор успешной социализации личности // Система ценностей современного общества : материалы VII Всероссийской научно-практической конференции / под общ. ред. С. С. Чернова. – Новосибирск : ЦРНС, 2009. – С. 59–62.
3. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. – СПб. : Наука, 2000. – 379 с.

НОВАТОРСТВО В. П. ТУГАРИНОВА В РАССМОТРЕНИИ ПРОБЛЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ В СОВЕТСКОЙ ЭТИКЕ

Е. Г. Якимова
Е. Ю. Мартьянов

*Кандидат философских наук,
аспирант,
Тульский государственный
педагогический университет,
им. Л. Н. Толстого, г. Тула, Россия*

Summary. This article analyzes the problem of values in the soviet ethics second half of the twentieth century. Occupies a special place to consider the role of domestic well-known philosopher V. P. Tugarinov in the selected category «value» in a separate ethical-philosophical category and the creation of a «Marxist axiology». The authors emphasize the innovative character of the ideas V. P. Tugarinov, made a great contribution to the formation of the soviet ethics.

Keywords: innovation; value; soviet ethics; Marxist axiology; V. P. Tugarinov.

Современной эпохе свойственны тяжелые утраты и глубокие потрясения. Мир переполнен бесчисленными проявлениями зла, такими, как терроризм, убийства, алкоголизм, наркомания, хищения людей, сексуальный разврат, распад семей, коррупция и т. д. Более того, с каждым годом увеличивается количество «горячих точек» на карте мира, все чаще возникают межнациональные, межэтнические, геополитические конфликты. Масштаб их постоянно растет, а государства, на территории которых произошли серьезные геополитические изменения, уже не могут от них оправиться и восстановить адекватные общественные, политические и правовые отношения. Стоит вспомнить пример Ливии: страна, бывшая одной из самых успешных в арабском мире, превратилась в место сражения многочисленных, анархически настроенных, группировок. Яркими примерами могут стать Ирак, Афганистан, Сербия, Сирия, Украина. Неотвратимость подобных геополитических конфликтов говорит о том, что привычные методы их купирования уже не работают. В то же время можно наблюдать практически полное отсутствие ценностного содержания действий у участников конфликтов: прикрываясь маской добродетели, люди тайно или открыто преследуют исключительно свои финансовые или властные цели.

Причина этих утрат, потрясений и конфликтов кроется в разрушении традиционных представлений о ценностях, утрате представлений о добре, истине и красоте, потере морально-этических норм и нравственных ориентиров. В такой обстановке научные исследования аксиологической проблематики и различных этических систем является очень актуальными. В рамках данной статьи будет рассмотрена проблема ценностей в советской этике с акцентом на личность одного из виднейших отечественных фило-

софов XX века В. П. Тугаринова (1898–1978), который является новатором в «марксистской аксиологии» и знаковой фигурой во всей советской этике.

Прежде всего, следует отметить тот факт, что в советской этике второй половины XX века проблема ценностей была одной из основных проблем в научной мысли. Так, современный отечественный философ П. Е. Матвеев отмечает: «В марксистской философии, в частности, в советской философии, к проблеме ценностей обратились только в 50-е годы XX века, а более интенсивно ею занялись спустя десятилетие. Разработка марксистами проблемы ценностей сразу же повелась в остром теоретическом споре» [7, с. 9]. И в этом плане следует вспомнить Первый всесоюзный симпозиум по теории ценностей, проходивший в 1965 году в Тбилиси. На симпозиуме велась активная полемика между виднейшими отечественными философами того времени, прежде всего, О. Г. Дробницким и В. П. Тугариновым [6]. Итогом мероприятия всесоюзного масштаба стал знаменитый сборник трудов «Проблема ценности в философии» под ред. А. Г. Харчева [10], представляющий собой попытку разностороннего рассмотрения понятия ценности и ее роли в ряде частных наук, отношения ценностей и науки, анализа различных направлений и систем буржуазной аксиологии и т. д. Однако дело ограничилось не только сборником, спустя несколько лет после симпозиума выходят такие знаковые исследования как «Мир оживших предметов» (1967) О. Г. Дробницкого [2], «Теория ценностей в марксизме» (1968) В. П. Тугаринова [12].

Вообще, все десятилетие 60-х годов XX века в советской этике прошло под лозунгом разработки теории ценностей с марксистских позиций и зарождении аксиологии как науки. А начало столь масштабных исследований положила именно книга виднейшего отечественного философа, профессора Ленинградского университета В. П. Тугаринова «О ценностях жизни и культуры» (1960) [11], в которой был впервые сделан акцент на факте существования ценности как этико-философской категории, которую необходимо осмысливать с позиции марксизма. Следует отметить, что до этого времени представители марксистской философии в СССР считали аксиологию идеалистическим учением, а само понятие «ценность» отвергалось как «буржуазное» понятие. Это было связано с тем, что в основе марксизма лежат постулаты Гегеля, а по ним в философии не может быть ничего трансцендентального, мистического. Любое понятие, даже бога – божественного абсолюта, доступно рациональному познанию. А это означает, что знание лежит в основе любой идеи, доступной к познанию разумом, и потому ценность приравнивается к знанию, а любое знание является ценностью как таковое. Нельзя говорить о категории «ценность», поскольку любое знание включает ценностный компонент [8].

Таким образом, именно в новаторской работе В. П. Тугаринова «О ценностях жизни и культуры» впервые вводится категория «ценность» как самостоятельная этико-философская категория, что свидетельствует о за-

рождении «марксистской аксиологии». И в этом плане мы согласны с мнением отечественного философа М. С. Кагана, что с выходом данной работы В. П. Тугаринова произошел «аксиологический прорыв» в советской этике [5, с. 6].

В истории отечественной этики мы можем встретить неоднократные упоминания данной работы и ее значимость для развития научной мысли, однако, комплексного анализа книги «О ценностях жизни и культуры» так и не было представлено. Значение данной монографии лучше всего можно охарактеризовать цитатой В. Г. Иванова, доктора философских наук, профессора кафедры философии Гуманитарного университета профсоюзов, члена Академии гуманитарных наук, ученика В. П. Тугаринова: «Таких вопросов и таких проблем в традиционной марксистской философии не было» [1, с. 8]. Написанная в 1960 году и одобренная коллективом молодой кафедры этики Ленинградского университета книга обеспечила В. П. Тугаринову на долгие годы репутацию «неортодоксального» философа в советской этике. Позже в книге «Теория ценностей в марксизме» 1968 года В. П. Тугаринов очень аккуратно обойдет острые углы проблемы «марксистской аксиологии», но значение книги «О ценностях жизни и культуры» на развитие советской этики и проблемы категории ценности в ней, в частности, бесспорны. (Поэтому авторский коллектив ставит перед собой задачу опубликовать ряд статей, посвященных книге «О ценностях жизни и культуры», раскрывающих не только проблематику ценностей в советской этике, но и событий, оказавших прямое значение на нее).

Все это позволяет нам утверждать, что личность В. П. Тугаринова являлась знаковой для развития «марксистской аксиологии» в частности и всей советской этики в целом. Более того, имя В. П. Тугаринова и сегодня известно широкому кругу исследователей. Можно с уверенностью сказать, что этот философ из всех ученых – создателей уникальных этических систем внутри «ортодоксальной» философии, получил наибольшее признание. О личности В. П. Тугаринова и его научной деятельности написаны десятки научных и публицистических работ, воспоминания коллег, близких и знакомых существуют как в интернете, так и в печатных изданиях и позволяют получить представление о нем не только как о философенноваторе, но и как о человеке, что, несомненно, важно для исследования его философского наследия.

Так, в 1994 году, спустя более тридцати лет после выхода его труда «О ценностях жизни и культуры» в коллективной монографии «Моральные ценности личности» [9], за авторством которой стоял широкий круг исследователей из Польши, Германии, Болгарии, Венгрии, Кубы, каждый труд имел первоисточником работу В. П. Тугаринова. Этот факт еще раз подтверждает «...актуальность книги В. П. Тугаринова и его умение увидеть перспективу, наметить определяющие направления в разработке проблемы (в данном случае – проблемы ценностей)» [4, с. 29].

Кроме того, в 2000 году в Санкт-Петербурге проходили Тугариновские чтения, которые еще раз подтвердили актуальность личности В. П. Тугаринова и созвучие его философского наследия современной научной мысли. Подобная научная судьба примечательна, ведь, например, о виднейшем советском философе 70-х-80-х годов XX века А. И. Титаренко нет актуальных публикаций, а материалов о его жизни и научной работе практически не найти. Однако, история непредсказуема и о Тугаринове-новаторе, которому принадлежала идея разработки «марксистской аксиологии» практически не говорят. Мы можем обращаться лишь к воспоминаниям учеников, в которых Василий Петрович предстает чутким наставником, который прозорливо замечает и способствует разработкам «оригинальных» идей советской этики. Среди подобных, воспоминания уже упоминаемого нами В. Г. Иванова: «К В. П. Тугаринову привлекали и его личные, человеческие качества, о которых также необходимо сказать: гуманность и широта взглядов, необычные в те годы... Он живо откликался на любую инициативу, активно поддерживал издание нетрадиционных трудов, подобных работам Л. О. Резникова, В. А. Штоффа, В. И. Свидерского, И. С. Кона» [4, с. 28].

Но в основном, о В. П. Тугаринове говорят как об апологете советской этики, не замечая новаторских идей и разработок, передовых для 60-х-80-х годов XX века. Авторский коллектив данной статьи отстаивает мнение современного отечественного исследователя В. Я. Ельмеева, который считает, что «В. П. Тугаринов и в этом отношении оказался новатором – он подытожил развитие нашей философской науки, предложив новую систему ее категорий и их соотношение» [3, с. 24]. Кроме того, обращаясь к стенограмме заседания клуба «Свободное слово», посвященному О. Г. Дробницкому, можно узнать о полемике, которая по-настоящему всколыхнула советскую этику, катализируя важнейшие работы этого периода как, например, «Мир оживших предметов» О. Г. Дробницкого, «Теория ценностей в марксизме» В. П. Тугаринова [8].

Авторы выражают глубокую уверенность в том, что наследие В. П. Тугаринова актуально для современной этической мысли и не будет забыто, а сам В. П. Тугаринов останется в истории отечественной этики как авторитетнейший философ-новатор, один из корифеев аксиологии как философской науки пример и источник идей для научной деятельности молодых исследователей.

Библиографический список

1. Агамалян Е. Василий Петрович Тугаринов – ценитель жизни и культуры // Санкт-Петербургский университет. – 1999. – №2. – С. 8–12.
2. Дробницкий О. Г. Мир оживших предметов. Проблема ценности и марксистская философия. – М. : Политиздат, 1967. – 351 с.

3. Ельмеев В. Я. Философское новаторство В. П. Тугаринова // Тугариновские чтения. Материалы научной сессии. Серия «Мыслители». – Вып. 1. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. – С. 23–25
4. Иванов В. Г. Время Тугаринова: эпоха возрождения философского факультета // Тугариновские чтения. Материалы научной сессии. Серия «Мыслители». – Вып. 1. – СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2000. – С. 26–30.
5. Каган М. С. Философская теория ценности. – СПб. : ТОО ТК «Петрополис», 1997. – 205 с.
6. Мартыанов Е. Ю. Проблема ценностей в отечественной философии второй половины XX века // Позиция. Философские проблемы науки и техники : сб. статей под ред. С. И. Некрасова и Н. А. Некрасовой. – Вып. 7. – Москва-Орёл, Изд-во ОГУ, 2013. – С. 170–175.
7. Матвеев П. Е. Моральные ценности : монография. – Владимир : Владимирский государственный университет, 2004. – 190 с.
8. Мораль и общество. Олег Дробницкий в истории современной этики // Стенограмма заседания клуба «Свободное слово» от 26.04.2006. – URL: http://iph.ras.ru/uplfile/ethics/biblio/drobn_svob_sl.html (дата обращения: 03.01.2015)
9. Моральные ценности личности / под ред. А. И. Титаренко, Б. О. Николаевичева. – М. : МГУ, 1994. – 175 с.
10. Проблема ценности в философии / под ред. А. Г. Харчева. – Л. : Наука, 1966. – 244 с.
11. Тугаринов В. П. О ценностях жизни и культуры. – Л. : Типография ЛОЛГУ, 1960. – 155 с.
12. Тугаринов В. П. Теория ценностей в марксизме. – Л. : Изд-во Ленинградского университета, 1968. – 252 с.

ПРОТИВОРЕЧИВЫЕ СВОЙСТВА ИНФОРМАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

А. С. Соколова

*Старший преподаватель,
Башкирский государственный
университет, г. Уфа,
Республика Башкортостан, Россия*

Summary. This article discusses the features of the information in the information society in the process of recovery. Points to the inconsistency of information opportunities that arise due to information and communication technologies.

Keywords: information society; information; entropy; information chaos; information space.

В настоящее время в России наблюдается этап подъема информационного общества. Новые (информационно-коммуникационные) технологии внедряются в политической, экономической, социальной и культурной сферах. Активное распространение новых технологий в России происходит в рамках информатизации общества.

Наряду с правительственными инициативами, новые технологии поддерживает и предпринимательский сектор российского общества. Новые технологии вплетаются в каждодневную деятельность индивидов, социальных групп и общества в целом. Каждый день на индивида обрушивается поток разнородной информации. Способность к фильтрации, т. е. выделение актуальной, подтвержденной, достоверной информации и отбрасывание информационного «мусора», является важной компетенцией современного человека.

Новые технологии информационного общества дают потенциально безграничные возможности для развития и совершенствования индивида. Рост объемов информации и информационных потоков происходит ежечасно и ежедневно, в связи с чем, индивид находится в условиях информационного переизбытка, в условиях не отфильтрованной и не проверенной информации. Создается информационный хаос. В этом мы видим противоречивость информационной эпохи: с одной стороны – имеющийся массив информации является позитивным следствием распространения и развития информационно-коммуникационных технологий и обеспечивает уровень определенности, прогнозируемости и ожидаемости, а с другой – децентрализованные и стихийные потоки информации погружают индивида во все увеличивающийся информационный хаос, дезориентируют его. В широком значении хаос – это беспорядок, неразбериха, смешение, так называется аперiodическое детерминированное поведение динамической системы, крайне чувствительное к начальным условиям. Хаос есть противоположность порядку.

Исследуя проблему информационной дезорганизации в условиях современного российского общества, следует определить понятие «неопределенность». Под неопределенностью следует понимать соотношение количества и качества информации, находящейся в определенный отрезок времени у индивида или группы индивидов. Мерой неопределенности какого-либо опыта, который имеет разные исходы и сопровождающее количество информации, называют энтропию. Над такими свойствами информации как неопределенность мыслили различные ученые, но Норберт Винер, исследуя неупорядоченность систем, разработал кибернетику – современную теорию информации. Ученый заложил основы науки об общих закономерностях обработки информации в сложных управляющих системах. Машины, живые организмы, общество – это все сложные управляющие системы. Поэтому выводы, к которым пришел Винер, наиболее актуальны в условиях современного (информационного общества).

Неопределенность и массив данных выступают сегодня индикаторами современного общества, а умение находить решения в условиях неопределенности – важнейший навык современного человека.

По нашему мнению, именно сегодня – в условиях подъема информационного общества в России, актуален взгляд Винера на неопределенность. Средства массовой информации, социальные сети и сервисы, и в це-

лом, концепция «Веб 2.0» способствуют свободному созданию и распространению контента/информации. Легкость и простота доступа в Интернет, доступность разнообразных электронных гаджетов и устройств позволили пользователям разного уровня (например, школьникам, домохозяйкам и т. п.) создавать и делать доступным контент, по большей мере, засоряющий информационное пространство современного общества.

В широком смысле, информационное пространство современного общества представляет собой комплекс баз данных, сопровождающих технологий и телекоммуникационных систем, которые функционируют на основе общих принципов, и обеспечивают не только взаимодействие индивидов, социальных групп и общества в целом, но и удовлетворяют их информационные потребности. Информационный порядок и информационный хаос здесь ведут постоянную и не прекращающуюся борьбу. Порядок в борьбе с хаосом неизбежно проигрывает битву, а человек выступает звеном этой борьбы. Виннер отмечает: «Мы плывем вверх по течению, борясь с огромным потоком дезорганизованности... В этом мире наша первая обязанность состоит в том, чтобы устраивать произвольные островки порядка и системы» [1, с. 8].

Таким образом, хаотичность и упорядоченность – два противоречивых свойства информации в современном российском обществе.

Библиографический список

1. Винер Н. Кибернетика или управление и связь в животном и машине. – М. : Советское радио, 1968. – 325 с.

V. DIALECTICS OF CIVILIZATION, CULTURE AND RELIGION

RELIGIOUS ASPECT OF SPIRITUAL CULTURE OF SOCIETY

V. N. Goncharov

*Doctor of Philosophical Sciences,
assistant professor,
The North Caucasian federal university,
Stavropol, Russia*

Summary. The religious culture of mankind represents the cumulative ideal material having the unique history and a set of distinctive features. Important part of both religious, and spiritual culture in general is the system of values which in many respects is defined by the corresponding religious representations attaching moral significance to certain cultural elements of society. The religion is deeply connected with culture. The culture was born from a cult. It is a spirituality soprirodna, therefore, of religion. Deep intimate bases of culture root in religion. Therefore research of religion as phenomenon of culture is always actual in system of social development.

Keywords: culture; religion; religious culture; spiritual culture; system of values; society; public consciousness; religious consciousness; society.

To consideration of system of beliefs as social phenomenon, to research of a cult and belief, a ratio some western culturologists (E. Durkheim, M. Weber) came to them individual and social. For modern representatives of these directions refusal of statement and research of an abstract question of the religion nature in favor of concrete consideration of its empirically available social manifestations (membership in the religious organizations, observance of ceremonial norms, social, economic and political connections of religious institutes, elements of mass religious consciousness) is characteristic.

The religion represented one of the main components of these or those cultures [15, p. 94–95]. Myths about emergence of life and twilight of the gods had huge impact on world civilizations that with a known share of probability allows to speak about religious causality of the birth of new cultures. Besides it isn't necessary to forget that a set if not the majority, social institutes and their ideology p are based on these or those concepts upgraded according to historical need [7, p. 167–176]. So important role of religion in the history of a civilization can be explained with a variety of reasons. Including that they especially strongly influence character of the nation, historically quickly changing it. Religions hypnotically affect the spiritual sphere of this or that society [9, p. 6–12], giving to the believing people quite steady condition of belief, hope, love, happiness which these or those progressive intellectual paradigms can't often give.

Evolution of a civilization causes the increasing and big desires and requirements in people, quite often without giving them means for their satisfaction that leads to total sincere discontent of the nation [10, p. 104–109]. Then these or those religions easier, best of all and quicker find means for creation of a new basis of a happy state of mind of the exhausted and suffering people. Great religious figures before others understood that the true reason of human happiness lies in ourselves, in the moral sphere.

In the history of society the periods when the religion gives to the nation such superforce which is capable to unite all its interests, feelings and ideas are frequent, giving rise to the new religious spirit which is quickly changing the developed temper of the people. A number of similar examples when religious ideas so changed character of the nations is in the history observed that they made historical superefforts which founded further great world empires. But as soon as action of this religious ideal subordinating a shower of the nation started disappearing and weakening, also those cultures which were based on it gradually disappeared. Society started forgetting the former beliefs which inspired and directed people. Further, the new civilization based on new belief took their place [1, p. 694].

All this allows to say that is the cornerstone of religious consciousness such universal property of the person as belief [6, p.15–19], which not only is a kernel any, including secular system of beliefs, but also one of the supreme human values developed by our civilization for some tens of thousands of years of its development [11, p. 108–114].

The belief makes the most important part of outlook of people. It is the extremely important mental orientation, ethical standard according to which the person thinks, feels and works. Though the person is part of the nature, but, thanks to the consciousness, it is the separated, stood apart its part [12, p. 33–40]. The consciousness of the person is his knowledge, joint with other people, its general with them understanding of the world, laws and a place of the person in it [5, p. 218–227].

Connection between generations in any culture doesn't interrupt if their younger part trusts last experience of compatriots [4, p. 7–10]. Therefore, the belief is in many respects a collective, general concept about the world. Thanks to consciousness of people it is capable to analyze, learn laws of development, to find sense and the purpose of the existence, that is the consciousness helps it to create round itself the world of human culture [2, p. 396–408].

Religion – one of the most ancient forms of mass consciousness. It finds the expression in ritual and mythological systems, activity of the cult organizations. In religious representations and actions the separate moments of reality actually are reproduced. In religious system and its separate elements there is a psychological overcoming of certain socially significant contradictions. Thanks to it the religion also acts as addition of the real relations, universal eschatological, the last sanction in relation to any kind of activity [8, p. 68–71].

As basis of emergence and constant reconstruction of the religious relations certain moments of activity of people serve. In ancient forms of public consciousness of people it isn't allocated from a social community (clan) yet, and a community – from the nature [3, p. 152–154]. It also promotes transferring of properties of the individual on the natural phenomena of world around, to an explanation unclear to the individual of the phenomena as supernatural. Sacred value in consciousness of the person is received or certain communications of the real world, or the whole groups of supernatural beings and forces which as if oposredstvtut the real relations of people to each other. At a certain level of development of culture such oposredstvovaniye is inevitable, and the religious sanction of public norms – universal [16, p. 31–34].

Evolution of public consciousness, since an era of decomposition of ancient societies, led to isolation of ethical, legal, esthetic and other forms as resisting to religion or filling it [13, p. 102–107]. At this time also the religion as a special form of culture and public work which acts as the special social body collecting in the concentrated look and developing universal and absolute sanctions, estimates, incentives is allocated. The religious consciousness, in the simplest forms, is expressed in allocation from the sphere of human activity of a certain number of actions, norms, objects as having special, sacred value (for example, a taboo – an unmotivated ban). At this level of evolution there are no special systems of religious representations.

In a number of systems of beliefs the cult philosophy connecting the past, the present and the future of this society figures prominently. The important element of a cult is made by the special organization of system of individual and mass chuvstvovaniye in system of social development [14, p. 11–18]: the ritual ecstasy, a depression, a catharsis and other methods creating and allowing a condition of psychological crises. Each religion develops the special, cultural and certain system of experiences by the person of the attitude towards sacred objects at which the emotional saturation and specific sanctity of this relation exclude its rational assessment. Ancient cults directly of Massawa (group ritual, a sacralization of norms of collective life), in mature systems of beliefs an individual prayer or a religious chuvstvovaniye are products of separation of this initial collective. The group of believers can how directly to merge reference social group (in a clan of ancient society, the theocratic state), is well made other than it (in secular society). In the same society different types of groups of believers can work. In a number of modern societies along with rather extensive church organizations membership in which is defined by system of the existing symbolical and formal acts, there is a row of the sects representing rather small, strictly closed groups, rigidly selecting candidates and often resisting to the dominating religions, the state, official norms of society.

The history of mankind represents history of attempts of search of religious truth in a certain measure. The religion and religious rituals arose in all

cultures as religious and spiritual structures are part of human life, spiritual culture of society.

Bibliography

1. Бакланов И. С., Бакланова О. А., Ерохин А. М., Авдеев Е. А. Формирование социальной идентичности личности в современном обществе // *Современные проблемы науки и образования*. – 2014. – № 5. – С. 694.
2. Бакланов И. С., Душина Т. В., Микеева О. А. Человек этнический: проблема этнической идентичности // *Вопросы социальной теории*. – 2010. – Т. 4. – С. 396–408.
3. Бакланова О. А., Душина Т. В. Методологические основания современных концепций общественного развития // *Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета*. – 2011. – № 2. – С. 152–154.
4. Говердовская Е. В. Особенности проектирования образовательного пространства высшей школы в поликультурном регионе // *Экономические и гуманитарные исследования регионов*. – 2014. – № 4. – С. 7–10.
5. Говердовская Е. В. Культурно-образовательное пространство Северного Кавказа: ориентиры, проблемы, решения // *Гуманитарные и социальные науки*. – 2011. – № 6. – С. 218–227.
6. Ерохин А. М. Культурологический аспект формирования религиозного сознания // *European Social Science Journal*. – 2013. – № 11–1 (38). – С. 15–19.
7. Ерохин А. М., Ерохин Д. А. Проблема «профессиональная культура ученого» в контексте социологического знания // *Наука. Инновации. Технологии*. – 2011. – № 5–1. – С. 167–176.
8. Камалова О. Н. Проблема интуитивного познания в иррациональной философии // *Гуманитарные и социально-экономические науки*. – 2010. – №4. – С. 68–71.
9. Колосова О. Ю. Духовная сфера: универсализм и самобытность // *European Social Science Journal*. – 2012. – № 11–2 (27). – С. 6–12.
10. Колосова О. Ю. Духовно-экологическая детерминация современного цивилизационного развития // *Научные проблемы гуманитарных исследований*. – 2009. – № 14. – С. 104–109.
11. Колосова О. Ю. Эколого-гуманистические ценности в современной культуре // *Научные проблемы гуманитарных исследований*. – 2009. – № 2. – С. 108–114.
12. Лобейко Ю. А. Паритет здоровьесберегающего профессионального образования будущих педагогов в контексте антропологического подхода // *Экономические и гуманитарные исследования регионов*. – 2012. – № 4. – С. 33–40.
13. Лобейко Ю. А. Педагогическая деятельность и педагогическое сознание: социальный аспект // *Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты*. – 2014. – № 13. – С. 102–107.
14. Матяш Т. П., Матяш Д. В., Несмеянов Е. Е. Актуальны ли мысли Аристотеля о «хорошем обществе»? // *Гуманитарные и социально-экономические науки*. – 2012. – № 3. – С. 11–18.
15. Несмеянов Е. Е. Проблема преподавания религиоведения и духовно-нравственной культуры в поликонфессиональном регионе // *Гуманитарные и социально-экономические науки*. – 2010. – № 3. – С. 94–95.
16. Шефф Г. А., Камалова О. Н. Некоторые аспекты проблемы гносеологического статуса религии в русской религиозной философии: С. Н. Булгаков, П. А. Флоренский, С. Л. Франк // *Гуманитарные и социально-экономические науки*. – 2013. – № 4. – С. 31–34.

WORLD RELIGIONS IN THE CONTEXT OF CULTURAL DEVELOPMENT OF SOCIETY

O. Yu. Kolosova

*Doctor of Philosophical Sciences, assistant professor,
Stavropol branch
of the Krasnodar university,
Ministries of Internal Affairs
of the Russian Federation,
Stavropol, Russia*

Summary. Alternative beliefs and way of life give us the chance to be different and to adapt for other styles of activity. Such alternative ways of search of religious truth also are, as a matter of fact, the main world religions: judaism, christianity, islam and buddhism. World religions are natural result of cultural development, its necessary component at all stages of evolution of society. They accumulated in themselves achievements of world culture and considerably promote preservation of cultural heritage of the people and the states.

Keywords: religion; judaism; christianity; islam; buddhism; culture; religious consciousness; society.

Judaism – the earliest monotheist religion [6, p. 1891–1895], arisen in the first millennium B.C. in Palestine. It is widespread in the basic among Jews. Adherents of Judaism believe in Yahweh (uniform God – the creator and the lord of the Universe), in immortality of soul, afterlife and the future arrival of the Messiah, in a bogoizbrannost of the Jewish people. The canon of sacred books of Judaism includes the Torah («Moisey's Pentateuch»), books of prophets and the Writing. Various interpretation and comments of a canon are collected in the Talmud.

Christianity – world religion which cornerstone the belief in life, the doctrine, death and Jesus Christ's revival (from Nazareth) as Bogochelovek and Christ Redeemer is. A Christianity dogma source – the Sacred legend where the main thing is the Scriptus (Bible). The extremely important in Christianity is such doctrine as the Trinity according to which God is uniform on the essence, but exists in three persons (forms): God Father, God the son and Holy Spirit.

Actually the Christianity arose as heresy in Judaism in the first century of our era in Palestine. The first pupils of Jesus Christ (apostles) and other his followers recognized as his «Christ», or «Anointed sovereign Bozhiim». It came to our world to execute an obetovaniye, God-given to Abraham, Isaak and Jacob. Familiarizing of believers with Divine good fortune is carried out through their participation in sacred sacraments (a baptism, communicating, a confession, church marriage). By the IV century the Christianity became the state religion of the Roman Empire. By the XIII century all Europe was a hristianizirovana. In Russia the Christianity extended under the influence of Byzantium since the end of the X century [7, p. 1812–1816]. As a result of division

of Churches (schism) in 1054, the Christianity was divided into Catholicism and Orthodoxy. From Catholicism during the Reformation in the XVI century the Protestantism was allocated.

Catholicism – one of the main cultural currents in Christianity [5, p. 218–227]. To most characteristics of Catholicism, besides other, in comparison with Orthodoxy, the organizations of church (the center – papacy, the head – the Pope, with the residence in Vatican), it is necessary to refer addition to Christian «creed» (in the Trinity doctrine) the doctrine which received the name «filiokve» («and from the son») – the statement that the Holy Spirit proceeds not only from God Father, but also from God the son; existence of doctrines about immaculate conception of Virgin Mary and her corporal rise; about infallibility of the Pope; sharp differentiation between the world and laymen; celibacy (obligation of a celibacy of Catholic clergy). The Orthodox Church didn't accept to «filiokva» that later served one of reasons for the subsequent division of churches.

Orthodoxy – one of three cultural religious trends in Christianity [15, p. 94–95]. The Orthodox Church follows resolutions of the first seven orthodox cathedrals. She recognizes domination of the Patriarch Constantinople and all traditional Christian sacraments. Concerning dogma important distinctive feature of Orthodoxy is considered (at the Trinity doctrine explanation) that the Holy Spirit proceeds only from God Father (an exception to «filiokva» from «creed»), for what it was accused by the western Christian church of heresy.

One more characteristic feature of Orthodoxy consists in beauty and magnificence of ceremonial. In church service the important place is allocated for icons – traditional images of Christ, Mother of God and Sacred. In orthodox practice plays a monkhood large role. All orthodox bishops are monks (give a vow of chastity), priests can have the wife and children. In the monastic environment there was a special cultural religious trend – hesychasm, as a specific form of orthodox mysticism (Esotericism). Now in general the Orthodox Church still seeks to keep in purity and inviolability the understanding of great initial Christian tradition [16, p. 31–34].

Islam – arose in Arabia in the VII century. The founder – Muhammad, followers – Muslims. Islam developed under considerable influence of Judaism and Christianity. The basic principles of Islam are stated in the Koran – the sacred book of Muslims. The main doctrines – worship a great Almighty God – to Allah, and Muhammad's honoring by the prophet and Allah's envoy. Muslims have to believe in immortality of soul and afterlife. There are five main pillars (duties) of Islam ordered to his adherents: belief that there is no other God, except Allah, and Muhammad – Allah's envoy; fivefold daily commission of a prayer; alms in favor of the poor; a post in a month Ramadan; the pilgrimage to Mecca made at least once in life. The sacred legend in Islam – Sunnah, and the main directions (currents) – Sunni Islam and Shia Islam. In the X century Muslims created system of theoretical divinity – to callas. The legal system of

Islam is developed in Sharia. Almost in all countries with the prevailing Muslim population Islam is the state religion.

The Buddhism – the world religion which arose in India, approximately in the V century B. C. It is based on dogma of Siddkharta Gautama (Buddha) saying that any material life is suffering. The subsequent death of the person doesn't give it final release from sufferings. After a while after death the human soul revives in a new body for new sufferings. And this cycle will proceed until the soul doesn't find an enlightenment and won't reach a condition of a nirvana (dissolution in Divine). And Buddha added the important statement to the traditional doctrine of Hinduism that all terrestrial, material life is illusion, a mirage. Sufferings are caused not so much by the life, how many human ignorance about its illusoriness and the passions arising thereof ignorance.

All listed world religions, объективируясь at institute of church, play an important role lives of society and carry out social functions inherent in it [3, p. 152–154], main from which are peacekeeping and world outlook. The last forms a certain frame of reference of the person on the world [2, p. 396–408] which satisfies informative needs of people in an unscientific form and forms at them religious outlook [4, p. 7–10].

Illusory and compensatory function of religion by means of which the person tries to overcome the real forces dominating over him is closely connected with world outlook, to fill limitation of the knowledge, practice, social communication, but not in the real world, and in imagination, in hope for the other world [11, p. 68–71]. Internal reconciliation of the person with the existing order of things appears a real consequence of religious compensation [12, p. 33–40].

Religions are inherent also organizational, regulatory, educational and communicative functions. In general all these functions allow to speak about performance by religion of ideological function [9, p. 15–19].

By the religious organizations also some not religious functions relating to area of economy, policy, culture can be carried out. However these functions don't follow from essence of religion and aren't identical to its main functions, though strengthen influence of a religious complex on public life in general [10, p. 167–176].

Besides, at certain stages of the existence (Ancient Egypt, the European Middle Ages) the religion actively concentrated in itself scientific and practical experience and knowledge as in the field of special (astronomy, medicine), and the humanities (literature, history), acting and to the present as the important historical and cultural phenomenon [8, p. 2336–2339].

From the culturological point of view, the religion is obviously necessary a phenomenon of human life and society [14, p. 11–18]. The religion – the carrier of human values and moral imperatives, promotes formation of sociocultural reference points of the personality [1, p. 26–32]. Its place in

spiritual and moral culture, society and in human life is defined by it [13, p. 102–107].

Bibliography

1. Авдеев Е. А., Бакланов И. С. Социокультурная идентификация: формирование социокультурных ориентиров личности в условиях глобализации // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. – 2013. – № 32. – С. 26–32.
2. Бакланов И. С., Душина Т. В., Микеева О. А. Человек этнический: проблема этнической идентичности // Вопросы социальной теории. – 2010. – Т. 4. – С. 396–408.
3. Бакланова О. А., Душина Т. В. Методологические основания современных концепций общественного развития // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. – 2011. – № 2. – С. 152–154.
4. Говердовская Е. В. Особенности проектирования образовательного пространства высшей школы в поликультурном регионе // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2014. – №4. – С. 7–10.
5. Говердовская Е. В. Культурно-образовательное пространство Северного Кавказа: ориентиры, проблемы, решения // Гуманитарные и социальные науки. – 2011. – № 6. – С. 218–227.
6. Гончаров В. Н., Леонова Н. А. Общественно-историческое развитие и ранние формы религии: методологические аспекты // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 9–8. – С. 1891–1895.
7. Гончаров В. Н., Леонова Н. А. Общественные отношения в контексте различных концепций происхождения религии как проблема социально-философского анализа // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 12–8. – С. 1812–1816.
8. Гончаров В. Н., Попова Н. А. Духовная культура общества: к проблеме ранних форм отчуждения // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 9–10. – С. 2336–2339.
9. Ерохин А. М. Культурологический аспект формирования религиозного сознания // European Social Science Journal. – 2013. – № 11–1 (38). – С. 15–19.
10. Ерохин А.М., Ерохин Д. А. Проблема «профессиональная культура ученого» в контексте социологического знания // Наука. Инновации. Технологии. – 2011. – № 5–1. – С. 167–176.
11. Камалова О.Н. Проблема интуитивного познания в иррациональной философии // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2010. – №4. – С. 68–71.
12. Лобейко Ю. А. Паритет здоровьесберегающего профессионального образования будущих педагогов в контексте антропологического подхода // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2012. – №4. – С. 33–40.
13. Лобейко Ю. А. Педагогическая деятельность и педагогическое сознание: социальный аспект // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. – 2014. – № 13. – С. 102–107.
14. Матяш Т. П., Матяш Д. В., Несмеянов Е. Е. Актуальны ли мысли Аристотеля о «хорошем обществе»? // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2012. – № 3. – С. 11–18.
15. Несмеянов Е. Е. Проблема преподавания религиоведения и духовно-нравственной культуры в поликонфессиональном регионе // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2010. – № 3. – С. 94–95.
16. Шефф Г. А., Камалова О. Н. Некоторые аспекты проблемы гносеологического статуса религии в русской религиозной философии: С. Н. Булгаков, П. А. Флоренский,

ДИАЛОГ КУЛЬТУР В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН

Ю. Г. Фатеева

*Кандидат филологических наук,
старший преподаватель,*

Н. А. Чепурина

*преподаватель,
Волгоградский государственный
медицинский университет,
г. Волгоград, Россия*

Summary. Dialogue of cultures as the main component of teaching process of foreign students in different linguistic and cultural environment as well as cornerstones of successful cultural communication is reviewed in this article. Much attention is given to foreign student socialization stages in higher education system in other country overcoming ethnocentrism (and the way to overcome ethnocentrism).

Keywords: Russian as a foreign language; culture; ethnoculture; selfidentification; Intercultural communicatin; integration; ethnocentrism; dialogue of cultures.

Современные тенденции развития общества характеризуются открытостью, нацеленностью на контакты с другими культурами. При этом расширение экономических, деловых и культурных границ способствует тому, что нам стали доступны такие страны и культуры, которые ранее казались весьма экзотичными. «Непохожесть» и даже странность таких культур проявляется практически во всем, особенно это заметно при непосредственном контакте с ее представителями. Однако, если культурные различия преодолимы, или хотя бы терпимы в процессе туристического знакомства, то подобные различия нередко осложняют или вообще препятствуют процессу получения высшего образования в инокультурной среде.

Безусловно, основная задача высшего образования – подготовка высококвалифицированного специалиста. Однако выполнение этой задачи осложняется тем, что от вуза ждут не только хорошо подготовленного специалиста, но и воспитания в процессе обучения всесторонне развитой, гармоничной личности. Этот процесс предполагается осуществлять в рамках основных тенденций развития общества, а именно в соответствии со стремлением к глобализации и поликультурности. Отметим, что задача образования не корректируется в зависимости от национальности или культурной принадлежности студента: т. е. для обучения неважно русский студент участвует в процессе или иностранный.

Необходимо отметить также, что процесс обучения, сам по себе довольно стрессовый, усугубляется еще и вынужденными прямыми культур-

ными контактами. При этом от студентов-иностранцев требуется частичное, а иногда и полное, абстрагирование от привычной системы культурных ценностей, что нередко влечет за собой значительные аффективные реакции. Таким образом, уровень стресса среди обучающихся в инокультурной среде довольно высок, потому часто возникает бурная эмоциональная реакция на, казалось бы, невинный раздражитель, что может вывести всех участников коммуникации из равновесия.

Напомним, что при всевозможных контактах с представителями других этнических групп мы судим об их культуре, беря за образец собственную. В большинстве случаев это делается неосознанно. В науке такой механизм восприятия иной культуры и суждения о ней называется этноцентризмом. Таким образом, этноцентризм «представляет собой психологическую установку воспринимать и оценивать другие культуры и поведение их представителей через призму своей культуры» [2, с. 181].

К сожалению, этноцентризм – довольно распространенное явление в современной культуре. Одним из первых признаки этноцентризма сформулировал Д. Кемпбелл. В частности он отмечал, что приверженцы такого отношения к представителям другой культуры рассматривают обычаи своей группы как универсальные, потому несоблюдение этих традиций кажется им актом, нарушающим должный порядок вещей.

Безусловно, такое отношение к представителям другой культуры порождает непонимание, неприязнь, иногда даже конфликты. Лишая иные культуры права на самобытность, этноцентризм «заставляет» неадекватно оценивать представителей своей культурной группы, оказывать им при необходимости всестороннюю помощь, гордиться своей национальной группой. При этом не всегда такие чувства обоснованы личностными качествами человека, чаще всего причиной выделения той или иной персоны является этническая и культурная принадлежность к «своей» или близкой группе. Эти тенденции межкультурных отношений осложняют процесс адаптации иностранцев, которые вынуждены долго находиться в чужой стране, например, при обучении за рубежом.

Итак, этноцентристом своя культура воспринимается как эталон, через призму которого осмысливаются остальные культуры. При таком подходе «все, что отклоняется от норм, обычаев, системы ценностей, привычек, типов поведения собственной культуры, считается низкопробным и классифицируется как неполноценное по отношению к своему» [2, с. 181]. Безусловно, в этом случае трудно рассчитывать на адекватное восприятие другой культуры и ее представителей. Попытаться не оценивать иную культуру, а понять ее, принять как должное все ее особенности – залог успешного межкультурного взаимодействия, основанного на диалоге культур, являющегося основным в процессе социализации иностранного студента.

Рассматривая процесс обучения и культурной адаптации иностранного студента отметим, что он происходит в основном по другому сцена-

рию, нежели у «своего» студента. Первым признаком социализации в новой для студента культурной среде является построение межличностных связей. Данный процесс «включает» адаптивный механизм с первых дней пребывания зарубежного студента в обучающей стране. Потому первая связь, возникающая в новой жизни студента-иностранца – контакты между студентами из одной этнической группы. Эта связь наиболее прочная, так как известно, что именно внутри этой группы человеку «уютно», спокойно, потому что такая группа – родина в миниатюре. Обратим внимание, такие микрогруппы внутри культуры принимающей страны представляют собой скорее субкультуру, и в большинстве цивилизованных стран наличие таких культурных групп не вызывает негативной реакции.

Итак, этническая субкультура в пределах студенческой адаптации иностранных граждан пытается максимально сохранить самобытность родной культуры, при этом сохраняются основные (ключевые) культурные ценности, такие как быт, религия и пр. Напомним, что в межкультурной коммуникации важное значение имеет именно сфера быта, так как культурной и этническое самоопределение в быту происходит бессознательно с первых моментов жизни ребенка.

В процессе взаимодействия представители различных культур испытывают много переживаний, и не все они носят положительный характер. Нередко наряду с любопытством и чувством превосходства своей культуры у иностранцев может возникнуть активно негативные эмоции, граничащие с неприятием чужой культуры. В большинстве случаев такие эмоции переходят в устойчивый стресс, однако, чтобы избежать негативизма по отношению к другой культуре вообще и ее представителям в частности, необходимо попытаться понять чужую культуру. Под пониманием в данной ситуации подразумевается наблюдение и осмысливание явлений другой культуры, включение этой информации в свой образ жизни, свои культурные стереотипы поведения. Бесспорно, при этом деление на «свое»–«чужое» не исчезает из картины мира человека, однако противопоставление не достигает уровня противостояния. Именно на этом этапе, на наш взгляд, и начинается диалог культур на поведенческом уровне, на уровне межкультурного взаимодействия.

Итак, среди иностранцев, вынужденно проживающих на территории другой страны, самыми прочными являются связи внутри своей или близкой этнической группы. Вторые по тесноте контакта отношения иностранного учащегося в стране, дающей образование, возникают в паре «студент-педагог». При этом основная задача преподавателя вообще, и преподавателя РКИ в частности, с момента приезда студента в страну – построить знакомство с культурой и самобытностью принимающей страны таким образом, чтобы добиться межкультурной интеграции иностранного студента. Отметим, что при этом нередко в результате межкультурной коммуникации, тесных контактов толерантно настроенных представителей различных куль-

тур возникают ощущения противоречия с собственной культурной идентичностью: не все «привычное» теперь воспринимается беспрекословно эталонно. В результате возникает страх потерять свою культурную идентичность, лишиться поддержки группы. Безусловно, в процессе обучения иностранных граждан стоит учитывать и такую возможность; в этом случае стоит строить процесс обучения, основываясь на принципе диалогичности, спорности культурных постулатов: возможность подвергнуть здоровой критике не только чужую, но и свою культуру будет способствовать установлению межкультурных связей, осуществлению диалога культур.

Отметим, что за период длительного пребывания в другом государстве решительно меняется духовная жизнь иностранца, его интеллект, культурные знания и предпочтения. Поэтому чтобы процесс адаптации в непривычной культурной среде происходил безболезненно для студентов, на начальном этапе предлагается не только знакомить иностранных граждан с культурой принимающей страны, но и играть в эту культуру, играть в людей той или иной культуры. Такая игра предполагает одновременно и включение в эту иную культуру, и отстранение от нее, несовпадение с нею, ощущение и лица и маски. Культура игры, развитая в каждом человеке еще в период детства, является хорошей подготовкой к подлинному формированию, когда человек, оставаясь человеком современной культуры, становится человеком другого культурного круга, но не теряет при этом своего лица, сохраняет свою этнокультурную идентичность.

Итак, при освоении чужой культуры в ситуации игры участники процесса приходят к выводу, что «каждая культура – это то, что раскрывает свои бесконечные резервы, тайны, возможности различных культур, но и сквозная диалогическая целостность каждой из этих культур, концентрированной вокруг единой, одной точки, в которой эта культура наиболее не совпадает с собой и, следовательно, наиболее способна развиваться, проявлять свои бесконечные возможности» [1, с. 24].

Отметим, что существенно поможет пониманию новой для иностранца культуры нахождение точек, в которых вся культура, например, России, может быть понята не как последовательная, линейная цепь событий, а как единая целостная культура, целостная – на всем протяжении своего развития. Такой точкой центрирования могут стать русские народные традиции, изучение которых поможет студентам не только понять страну, в которой им предстоит учиться, но сравнить ее со своей родиной. Главное, при таком сравнении не определение места той или иной культуры в культурной иерархии, а формирование целостного восприятия и принятия культуры, со всеми ее достоинствами и недостатками, принятие ее самобытности.

Все это способствует возникновению связи между иностранным гражданином и инокультурным социумом. Тогда в случае принятия иной культуры как данности, процесс восприятия ее и участия в ней можно рас-

ценивать как диалог культур. Грамотно спланированный и осуществленный процесс обучения иностранных граждан с опорой на идеи культуры, а не только знания по специальности, ориентированность обучения на адаптацию студента в иноязыковой среде в итоге приводит к взаимопроникновению культур или интеграции.

Отметим также, что ориентированность обучения на межкультурную коммуникацию и интеграцию происходит не только через знакомство с традициями обучающей страны, но и через особые формы речи. Изучение языка обучающей страны – это, во-первых, овладение формой общения, а во-вторых, через овладение речевым диалогом возможно и осуществление диалога культур.

Библиографический список

1. Библер В. С. Школа диалога культур. – Кемерово, 1992.
2. Грушевицкая Т. Г., Попков В. Д., Садохин А. П. Основы межкультурной коммуникации : учебник для вузов (под ред. А. П. Садохина. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2002.
3. Дегтяренко В. В. Толерантность как необходимое условие педагогического общения студентов-иностранцев в диалоге культур // Педагогические науки. – 2009. – № 2. – С. 29–32.
4. Игнатенко О. П., Фомина Т. К. Роль агентов социализации в профилактике межнациональных конфликтов (из опыта социологического анализа) // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2013. – № 5. – С. 58–63.
5. Узденова Е.В. Этнопсихологические особенности студентов при обучении русскому языку как иностранному // Достижения вузовской науки. – 2014. – № 11. – С. 87–92.

VI. PHILOSOPHY OF ECONOMICS: CONTENT AND RESEARCH METHODS

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ РЕКЛАМНОЙ ПОЛИТИКИ ФИРМ

С. В. Фролова
А. Ю. Терехова

*Кандидат экономических наук, доцент,
студент,
Рязанский институт,
Московский государственный машино-
строительный университет,
филиал в г. Рязань, Россия*

Summary. The advertising policy of the companies is considered. The moral aspects of its impact on the consumers are described. The examples of the highly artistic advertising are given.

Keywords: advertising policy; psychological aspects.

В настоящее время для успешной работы любой фирмы основным показателем является прибыль, достигаемая комплексом различных мер. Среди них немаловажной составляющей имеет место рекламная политика, проводимая фирмой. Рекламная продукция, действующая на потенциального потребителя в виде разнообразных информационных разработок, имеет цель максимального психологического воздействия. На потребителя обрушивается поток рекламной продукции, причем не лучшего содержания. Кроме того, часто это делается помимо желания индивидуума. Типичный пример – реклама во время просмотра телевизионных передач или переполненный почтовый ящик. Не является секретом воздействие на человека 25-го кадра, вызывающего острое желание приобрести рекламируемую продукцию. Возникает моральный аспект действия рекламных технологий помимо воли объекта. Если закон предусматривает уголовное наказание за физические действия, то такового нет за психологические. Кроме того, рассматривая воздействие средств массовой информации на сознание при распространении рекламы, можно говорить о неконтролируемом воздействии на широкие массы. Именно этот аспект рекламной деятельности, с нашей точки зрения, обуславливает необходимость государственного регулирования данной сферы общественных отношений. На сегодняшний день одним из основных документов является Федеральный закон «О рекламе» [4], регулирование рекламной деятельности строится, главным образом, на действиях Министерства Российской Федерации по антимонопольной политике. Еще один аспект воздействия рекламной продукции на массового потребителя – эстетическое восприятие.

Если совершить экскурс в историю создания рекламы в Советской России, то с уверенностью можно сказать, что у истоков стояли выдающиеся деятели искусства, например В. В. Маяковский и Н. И. Сац. В. Маяковский начинал как создатель политической рекламы в «Окнах РОСТА». С начала двадцатых годов поэт работал по заказам государственных торговых организаций: Моссельпрома, Москвошвей, Резинотреста и др. Классический образец рекламного текста советского времени:

Любым папиросам
Даст фор «Герцоговина Флор»
Нигде кроме
Как в Моссельпроме.

Редкий факт, упоминающийся в связи с рекламной деятельностью поэта: в 1925 году творческий дуэт В. Маяковского и А. Родченко получил серебряную медаль на Международной выставке декоративного искусства и художественной промышленности в Париже за плакат рекламирующий изделия Резинотреста – детские соски. В статье «Агитация и реклама» В. В. Маяковский утверждал: «Ни одно, даже верное дело не движется без рекламы. Обычно думают, что надо рекламировать только дрянь – хорошая вещь и так пойдёт. Это самое неверное мнение. Реклама – это имя вещи. Реклама должна напоминать бесконечно о каждой, даже чудесной вещи... Думайте о рекламе... Здесь мы ещё щенки. Надо поучиться... Надо звать, надо рекламировать, чтоб калеки немедленно исцелялись и бежали покупать, торговать, смотреть!» [1]. Объединив в себе талант поэта и художника, В. Маяковский был и криэйтором и первым советским копирайтером – автором запоминающихся стихотворных текстов – слоганов. Яркие образы его агитплакатов, реклам являются интересными и в наши дни.

Н. И. Сац – создатель первого в мире детского музыкального театра, его художественный руководитель, в книге «Новеллы моей жизни» описывает замечательный эпизод создания для детей высокохудожественных шоколадных конфетных коробок. К этой работе были привлечены выдающиеся деятели советского искусства: С. С. Прокофьев написал «Сладкую песенку», поэтесса А. Барто и композитор М. Раухвергер создали популярную до сих пор песенку «Про бычка». «Вадим Федорович Рындин предложил сделать коробку-игрушку: детские кубики «Сказки Пушкина». Каждый из сортов драже лежит в коробке в особом кубике; когда конфеты съедены, у ребенка остается новая игра. Очаровательной по краскам и художественному вкусу была коробка Рындина. На первом плане веселая белка с пушистым хвостом грызет «орешки не простые, все скорлупки золотые, ядра – чистый изумруд», на втором – сказочный домик «Леденец». Очень интересную коробку «Домик дедушки Крылова» сделали художники Кукрыниксы. У нее была форма домика с крышей и окошечком. Около домика сидит сам дедушка Крылов в зеленой размахайке, с палкой. Коробка затейливая, в окошечке показываются различные персонажи басен Крылова» [3].

На сегодняшней день рекламный рынок – это одна из важнейших сфер национальной экономики, в том числе важная составляющая культурной жизни общества, несущая ответственность за моральное воспитание общества. Найти оптимальное соотношение между получаемой прибылью и художественно-нравственной, с точки зрения качества, рекламной продукцией является одной из главных составляющих успешной работы фирмы, а «философский подход к пониманию рекламы позволяет выявить многоуровневость и многозначность рекламы как сложного социокультурного явления, формирующегося и развивающегося как важнейший механизм социализации и идентификации личности, конструирующего новые типы социальных отношений, новые ценности и идеалы, характерные для современного общества массового потребления» [2].

Библиографический список

1. Владимир Маяковский. Полное собрание сочинений в тринадцати томах. Том пятый. Март-декабрь 1923. Реклама 1923–1925/ Подготовка текста и примечания И. И. Агеева и Ф. Н. Пицкель. – М. : ГИХЛ, 1957.
2. Водопьянова Н.А. Философия рекламы в контексте социогуманитарного значения // Электронный научный журнал «Современные проблемы науки и образования». – № 5. – 2009. – С. 146–149.
3. Сац Н. И. Новеллы моей жизни. – Т. 1. –М. : «Искусство», 1984.
4. Федеральный Закон от 18.07.1995 г. № 108-ФЗ «О рекламе» // Собрание законодательства Российской Федерации, № 30, ст. 2864.

РОЛЬ РЕКЛАМЫ В КОНКУРЕНТОСПОСОБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Л. С. Хадарцева
С. Л. Дзахоева

*Доктор педагогических наук, профессор,
студентка 2 курса,
Финансовый университет
при Правительстве
Российской Федерации,
г. Владикавказ, Республика Северная
Осетия – Алания, Россия*

Summary. This article provides an attempt to determine such phenomenon as advertising and to give some mostly general considerations on the subject. By giving a mixture of information and advice, advertising affects all sides of the decision making process of the consumer. It produces a social atmosphere that is inclined to block negative experience to be conversed to others.

Keywords: advertising; advertisement; brand; consumer; consumer market; visual advertising; word – based advertising.

«Реклама помогает производителю не только реализовать ту или иную продукцию. Она также продвигает в общество понятия о морали, имидже, успехе и благополучии».

Брене Браун

Реклама является довольно дорогостоящей формой взаимодействия между бизнесом и широкими слоями общества. Все средства массовой информации используются для передачи основных свойств производства, товаров и продукции, торговых брендах, а также услугах. Наиболее ожидаемые результаты от применения рекламы – это повышение уровня продаж, продвижение различных услуг и улучшение имиджа фирмы. Широкомасштабные рекламные кампании наиболее характерны для олигополий, которые охватывают громадный потребительский рынок (к примеру, Apple).

Реклама вполне привлекательна к вниманию как потенциальных, так и уже существующих клиентов к тем или иным товарам или услугам. Реклама, а также продвижение товара на рынке в большей степени эффективны в том случае, если они реализуются не спонтанно и не самопроизвольно, а уже в соответствии с заранее и заблаговременно разработанным планом продвижения товара (услуги) на рынке. Цели и задачи такого плана должны определяться непосредственно целями и стратегией самой компании.

На сегодняшний день различают такие виды рекламы, как: газеты, брошюры и листовки, рассылка рекламы по почте, сообщения по электронной почте, журналы, информационные бюллетени, плакаты, объявления по радио, телевизионная реклама, телемаркетинг, интернет – форумы и чат – группы, блоги, а также различные интернет-сайты.

Например, социальные сети, такие как Twitter, Instagram, Facebook и другие, также включают в себя различные онлайн – средства, которыми пользуются как частные лица, так и различные организации, дабы распространить как можно более огромный объем разнообразной рекламы по сравнительно низкой цене. По утверждениям экспертов, социальные сети в достаточной степени превосходят большинство традиционных видов рекламы по своей информационной эффективности.

Визуальная реклама, к примеру, как демонстрационная акция в магазине, в основном, направлена на признание различных видов продукции, товаров или услуг.

Вербальная же реклама, как правило, направлена на то, чтобы в памяти потребителя закрепился тот или иной бренд, главным образом для того, чтобы в магазине целью потребителя был поиск продукции именно

этой фирмы или производителя. Результат показывает, что продавец будет предрасположен к тому, чтобы посоветовать или предложить сомневающемуся покупателю товары тех марок, что рекламируются столь активно.

Одной из основных функций рекламы является сообщение информации о наличии на рынке новых товаров, ранее неизвестных массовой общественности. Это обращает широкое внимание потребителей к нему, а затем внимание этих потребителей переключается на интересные факты, цифры, детали и характеристики, касающиеся новых товаров.

Потребитель, как можно чаще, должен слышать и видеть ту информацию, которая бы оповещала, где он может обзавестись данным товаром или получить данную услугу, и каким наиболее удобным для него образом он может это получить.

Реклама всегда ставит перед собой единую цель. Она обязана убедить потребителя, что именно данный товар может удовлетворить все его запросы. Часто мы бываем свидетелем того, как реклама пытается убедить нас том, что приобретение именно этого товара (услуги) является стопроцентной гарантией нашего счастья в жизни и истинного успеха в карьере. И все же мы подсознательно понимаем, что качества и достоинства данного продукта явно преувеличены, но наше стремительное желание быть счастливым и успешным берет верх...

Известно, что место на шкале потребительских позиций, которое занимает товар, способна повысить значительно и в большей мере реклама. Потребитель обычно помнит довольно ограниченное количество известных брендов того или иного вида товаров. В данном случае, роль рекламы весьма трудно переоценить, по той причине, что именно она имеет такую способность, как внедрить новый бренд в этот столь короткий перечень. Если спросить случайно выбранного покупателя о том, сколько он знает известных производителей, и попросить его назвать производителей определенной продукции (к примеру, производителей безалкогольных, газированных напитков), то, как правило, следует быстрая реакция, и перечисляются самые известные рекламируемые марки (Кока-Кола, Пепси-Кола, Фанта и т. д.).

Реклама не только делает акцент на преимуществах и сильных сторонах той или иной продукции, но также улучшает представительские характеристики бренда в целом. В результате чего, клиенты могут испытывать эмпатию к определенному бренду, а не только к его определенному продукту. Из этого случается позитивный настрой к ассортименту всей продукции этой торговой марки [2, с. 200].

В сущности, реклама, побуждая осуществить первую покупку, тем самым обычно создает прецедент и стимулирует дальнейшее приобретение товаров. Ведь, как правило, в рекламных объявлениях можно встретить такие фразы-приёмы, как «пришло время», «потому что вы этого достойны»,

«успейте купить» или «зачем платить больше», тем самым мотивируя нас на то, чтобы приобрести в кратчайшие сроки какой-либо продукт.

Ещё одной целью рекламы, служит переключение внимания потенциального покупателя с некоторых слабых сторон товара на его преимущественно сильные стороны, дабы акцентировать его достоинства по сравнению со схожей продукцией других, производителей – конкурентов. На это, как правило, указывают фразы, такие как «лучшее торговое предложение», «предложение от которого невозможно отказаться» и другие.

Но если посмотреть с другой стороны, реклама может выступать и своеобразной, индивидуальной общественной гарантией известной фирмы, убеждающей своих клиентов в том, что, она использует для своей продукции будучи убыточной, самые качественные и натуральные компоненты, в особенности экологически-чистые способы производства данной продукции и так далее. Фактически, реклама способна в значительной степени улучшить мнение, составленное потенциальным потребителем, тем самым, повышая вероятность выбора этого товара. Следует сказать, что реклама в определенной степени снижает предполагаемый риск как для потребителя, так и для производителя.

Реклама часто вызывает некую волну обсуждения в социальных сетях. К примеру, участники того или иного интернет – форума либо чат – группы, увидев в своей ленте новостей рекламу определенной торговой марки, скорее всего предпочтут обменяться мнениями и уже имеющимся опытом. Тем самым они высказывают не только свое отношение и свои какие-либо намерения, но и невольно влияют на отношение и намерения других людей, прочитавших данное обсуждение, к продукции этой марки.

Таким образом, развивая позитивный настрой и поддерживая определенные потребительские привычки, реклама увеличивает количество и рост продаж определенного бренда. Компании стараются напомнить своим постоянным покупателям о том, какую радость и какое счастье приносить в их жизнь их продукция, и таким образом дает стимул на её повторное приобретение. Активная деятельность рекламы известных фирм, также способствует решению и другой, не менее важной задачи: она вполне способна препятствовать проникновению новых фирм на рынок, несмотря на то, что они предлагают свои новейшие, превосходные и качественные товары, которые могут быть просто напросто проигнорированы уже завоеванным потребителем.

Для достижения максимального эффекта, реклама, как правило, должна медийным образом повторяться на нескольких каналах в течение определенного (день, неделя, месяц) времени. Некоторые составляющие бренда, такие как фирменный слоган или торговый знак, по всей видимости, будут интегрированы в различные рекламные версии.

Однако порой встречаются некачественные и бесполезные рекламы. В большей мере это относится к новичкам в рекламной сфере, а также к

рекламе нового бренда или продукта. Такая реклама может нести для своего бизнеса непредсказуемые последствия. В рекламном бизнесе не бывает мелочей. Здесь важно всё: знания, опыт, отменный вкус, а также финансовое состояние. Очень многое зависит от правильного выбора сюжета, сочетания слов, света, содержания текста, цветовых гамм, привлекаемых медиа-каналов, что предоставляет широкие возможности для творчества авторов. Качественная и эффективная реклама очень близка к искусству, преображает любой бренд. В отдельных случаях, рекламу рассматривают даже как новую форму искусства.

Подводя итоги, мы можно констатировать и тот факт, что, с развитием и расширением рынка товаров и услуг, а также благодаря глобализации, реклама дает свое активное развитие. Иностранные производители из индустриально развитых стран вполне себе могут позволить различные виды рекламы во многих развивающихся странах с тем, чтобы в перспективе подготовить безупречное положение для продукции своей марки. Мы можем смело заявлять, что актуальность рекламного дела практически доказана, а развивающийся рынок рекламных услуг перспективен, так как он находится в постоянном развитии.

Bibliography

1. Мартин Линдстром. *Buyology: увлекательное путешествие в мозг современного потребителя*. М : Эксмо, 2009. – С. 101–240.
2. Matt Haig, *Brand failures: the truth about the 100 biggest branding mistakes of all time*, Kogan Page Publishers. – 2005, pp. 219–266.
3. Генри Чармэссон, «Торговая марка: как создать имя, которое принесет миллионы». – Спб. : «Питер», 1999. – С. 86–222.

VII. PHILOSOPHICAL PROBLEMS OF THE DEVELOPMENT OF MODERN NATIONAL CULTURE AND LANGUAGE

ЭТНОПОЭТИЧЕСКАЯ СОДЕРЖАТЕЛЬНОСТЬ ОБРАЗОВ ПУТИ, ДОРОГИ, ТРОПИНКИ В ЭВЕНКИЙСКОЙ ПОЭЗИИ

Н. Н. Алексеева

*Кандидат философских наук,
Бурятский государственный
университет,
г. Улан-Удэ, Республики Бурятия, Россия*

Summary. In this article the author describes the artistic imagery of a road, path in the work of the Evenk poet Alitet Nemtushkin. The study of these images filled ethno poetic richness, can reveal the symbolic, aesthetic and philosophical imagery of Evenki poetry.

Keywords: etnopoetika; national images etnoestetika.

В последние десятилетия в культуре обостряется интерес к национальным, ментальным ценностям народов. Происходящие духовные преобразования актуализируют исследование литературных произведений в контексте национальной культуры и этноэстетических традиций. Обращение народов к своим изначальным корням, изменение взглядов и последствия таких изменений сформировали в обществе новое отношение личности к оценке нравственных и этических стереотипов.

В каждой национальной культуре есть художники, которые определяют лицо своей литературы и вносят существенный вклад в ее эстетический опыт. Таким ярким, талантливым представителем эвенкийской литературы можно назвать Алитета Немтушкина. Самобытность и тематический аспект поэзии А. Немтушкина – воспевание любви к малой родине и передача духа Эвенкии. Сюжеты его стихотворений построены на изображении «примет бытия» эвенкийского народа, характерного для его соплеменников. Так, лейтмотивом через все творчество А. Немтушкина проходит образ тропы, с помощью которого поэт осмысливает свое прошлое и настоящее. Метафорический образ тропы расширяет пространство стихотворения «Тропинка» через смысловой ряд: тропинка – моя дорога – путь:

«Эй, тропинка, друг мой вечный! / Не для резвой ли игры / Ты повисла, как уздечка, / На хребтине у горы / Ты мне дальний мир открыла, / Повела к подножью скал / Песне крылья, сердцу крылья / На тропинках я искал / Ты с годами мне дороже / Не теряйся, рядом будь! / Может, ты – моя дорога / Самый верный в жизни путь»[2, с. 12].

Раздумья о сегодняшнем и завтрашнем дне, о себе и о будущем последующих поколений выступают ведущими мотивами поэзии А. Немтушкина. «Образные ассоциации, столь свойственные медитативной лирике, наполнены национально-бытовой и этнографической определенностью» [3, с. 136]. «Вверх по Катанге мне надо / Где лежат тропинки детства / как течет оленье стадо / вновь бы надо наглядеться / все там дорого и свято» [2, с. 8].

Лирический герой, помня о своих эвенкийских корнях, остро ощущает внутреннюю потребность вернуться в естественное – пространство тайги, увидеть бег оленьего стада. Созерцание бега оленей становится необходимым для восполнения «истощенной» души современного эвенка, для обретения им внутренней гармонии, зачастую утраченной в современном мире. Глагол «насмотреться» актуализирует степень этой необходимости, т. е. с запасом на будущее, вдоволь.

В стихотворениях «Сердце, успокойся, не боли», «Улетели чирки и казарки» поэт изображает осенний пейзаж, который соединяет в себе осень человеческой жизни и время года. Подобное соединение становится возможным через введение образа тропы – дороги, позволяющий создать постоянное движение, изменение от ушедшей юности к годам зрелости.

Образ тропки, тропинки поэтом связывается с детством, с прошлым: «Мне сейчас бы в Токму / мне б лететь сейчас к истоку / почему лечу я к устью / вверх по Катанге мне надо, / где лежат тропинки детства» [2, с. 9]. Именно детские тропы открывают вхождение человека в мир, его познание и определение себя в этом мире. Лирический герой говорит о тропинках с грустью, о невозвратном еще и потому, что детство связано с единственно родным человеком – бабушкой («Не забыть мне уже никогда / нашу бабушку в чуме – жилище / поросли мои тропки травой / кто пройдет там следами моими?»), грусть, нарастая, переходит в бесконечную тоску. Тропинки детства – это начало, сугубо индивидуальное, глубоко интимное, знакомое, утрата их осмысливается как потеря себя. Продолжением образных ассоциаций становится восприятие тропинки как естественного, природного, родного – дома, потерянного земного рая, который лирический герой А. Немтушкина пытается восстановить.

Таким образом, мир своих чувств А. Немтушкин зачастую раскрывает через поэтические образы природы, чаще всего картины, наполненные национальными деталями: «Сердце, успокойся, не боли / Дни мои под небом не окончены. / Не погас костер, не заросли – / Тропы предков... / ...снова осень. / Тихий листопад. / Умирают листья – и тревожно мне. / Путь их не окончен. / Но моя тропа все бежит куда в даль таёжную».

В другом стихотворении образ тропы переосмысливается как исторический путь, судьба кочевого народа: «Осень плачет дождем непрестанно. / Затревожилось сердце в груди. / наших птиц ждут далекие страны, но а нас, что нас ждет впереди? / Путь один нам начертан навеки, да, извилист

он, кочеват. / будем мы, кочевые эвенки, до конца своих дней кочевать. / И для будущих своих поколений / я у мира прошу одного: / Чтоб оставил эвенку оленя, а эвенк не оставил б его».

В картинах природы у А. Немтушкина нет описательности – в них очевидно стремление автора раскрыть мир чувств героя – современника, его внутреннее состояние, мысли, вызванные насущными проблемами жизни. Лирический герой видит жизнь современного эвенка как продолжение кочевания, как движение по пути предков, но в то же время обнаруживает его озабоченность о будущем.

Образ дороги связывается с будущим, с чем-то еще неизвестным, что сулит исполнение мечты: «О дальних дорогах, о длинных кочевьях я мечтаю, / Где, может быть, счастье найду я, / и все навестаю». Образ дороги создает и другой смысловой код – идею возвращения к истокам, туда, откуда началось движение вперед. Возвращаясь в родное пространство, герой испытывает не только чувство вины перед малой родиной (« На стойбище Непа». Прости мне измену!), но и вину, покаяние перед бабушкой, результатом чего может быть обновление, очищение души человека: «нету бабушки – плачь или не плачь / Оказалось, что жизнь быстротечна / Только горло тоскою свело / Не вина ль перед бабушкой нашей».

Образ пути, философски сложный и содержательный, предстает в поэзии Немтушкина и как исторический путь народа, и как путь в безграничное пространство, что может быть и последним путем человека.

Библиографический список

1. Алексеева Н. Н. Семантика концепта «земля» в современной якутской литературе // Русский язык в историко – лингвистическом и социокультурном поле. – Иркутск, 2009. – С. 141–145.
2. Немтушкин А. Костры моих предков. – Красноярск, 1980.
3. Хазанкович Ю. Я у мира прошу одного // Эвенкийская литература: сб. / сост. В. Огрызко. – М., 2006.

ЗНАЧЕНИЕ ДИЗАЙНА РЕКЛАМЫ ДЛЯ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

А. Г. Елифанова

*Старший преподаватель,
Южно-Уральский государственный
университет, г. Челябинск, Россия*

Summary. Combining creative thinking artist, scientist systems thinking, innovative thinking, inventor, broadcast existing and create new ideals in a multicultural modern society.

Keywords: advertising design; design; mass culture; character number; multinational modern society.

Массовая культура, зарождающаяся в условиях индустриального общества с этнической идентичностью, в процессе перехода социально-экономической системы на другую – постиндустриальную стадию развития, трансформируется и приобретает новые формы, модифицируя свою социальную роль и расширяя спектр выполняемых функций. Сегодня массовая культура является средством закрепления существующей в многонациональном обществе социальной иерархии посредством символически значимого культурного потребления, путем конструирования специфической виртуально-образной надстройки над существующей реальностью. Эта образная реальность создается через средства массовой коммуникации и, безусловно, при помощи создания специфической эстетической системы (дизайна рекламы).

Дизайн рекламы, моделируя образ мысли, а в дальнейшем и образ жизни современной массовой многонациональной аудитории, является системообразующим фактором массовой культуры. Имея в своей основе творческую составляющую, высокие образцы культуры посредством новых смыслов визуально-образной составляющей, дизайн рекламы «растолковывает» безличному, ленивому многонациональному потребителю ценности современной культуры. Можно сказать, что дизайн рекламы играет роль экскурсовода, повышающего уровень духовно-ценностных ориентаций многонационального общества потребления, путем трансляции культурных образцов.

Следует отметить, что массовая культура, приходя на смену народной культуре, направлена на многонациональное общество с интенсивным потреблением. Это потребление обусловлено стандартами, рассчитанными на широкие массы с искусственно формируемыми потребностями. Человек массы импульсивен: эмоция доминирует над рациональностью. Возникая на уровне подсознания, эмоционально-чувственное восприятие формирует ассоциативные переживания – перцепцию. То есть дизайн рекламы, играя роль универсального языка культуры, основанного на передаче основных культурных идей в массы посредством визуальных образов, должен чутко реагировать на «важные желания, переживания, комплексы» [2, с. 9] массового многонационального потребителя, проектируя новый *перцептивный* ряд для стимулирования широких масс к расширению потребительской способности.

При этом процесс создания образов методически можно разделить на несколько этапов:

– выяснение культурных ценностей, ориентированных на массовое потребление;

– определение социальной модели: осмысление и заострение на ней внимания;

– поиск и формулировка идеи с учетом осмысления феномена массовой культуры;

– создание емкого образа.

Что влечет за собой выполнение ряда важных функций:

– определение направления проектной деятельности;

– осуществление координации между различными субъектами, участвующими в разработке и реализации образа;

– выработка критериев оценки результатов.

Таким образом, опираясь на «интеллектуальный уровень людей, находящихся в массе» [1, с. 241], дизайн рекламы, сочетая в себе образное мышление художника, системное мышление ученого, инновационное мышление изобретателя, транслирует существующие идеалы и создает новые. Если не соотносить создаваемый образ с ценностями социальных групп, то есть вероятность создаваемому образу попасть в социально-психологический вакуум. Иными словами, аккумулируя и транслируя образы, дизайн рекламы должен опираться на социально-ценностные ориентации, стандарты и убеждения общественных многонациональных масс.

Таким образом, существование дизайна рекламы в объеме многонациональной массовой культуры не только закономерно, но и желательно, так как он компонует в единое целое чрезвычайно сложное информационное общество, и осуществляет адаптацию личности, принадлежащей к какой-либо этнической группе, к этому обществу, вырабатывая у нее определенную систему ценностей.

Библиографический список

1. Московичи, С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. – М. : Центр психологии и психотерапии, 1996.
2. Павловская Е. И. Дизайн рекламы: поколение NEXT. – СПб. : Питер, 2004. – 320 с.: ил.

ФОЛЬКЛОР О ВРЕМЕНИ

Л. И. Карпенко
К. В. Нечаева-Зубец

Члены Союза писателей РФ,
г. Москва, Россия

Summary. Time of eternity of the Universe represents absolute rest. Time in the other world remains in a condition of pre-dawn awakening and is equal to zero. And only in Yaovi time is developed in the past the present and the future.

Keywords: folklore; time; eternity of the Universe; night of the Universe; day of the Universe.

Вселенная со всеми её жителями проходит путь от возникновения идеи о ней, до представления её образа и воспроизведения в форме. В половицах молвится: *"Есть – словцо, как мёд, сладко; нет – словцо, как полынь, горько. По естю старец и келью строит. По естю и неть живёт"*. Здесь *старец* – Творец вселенной. *Естю* – царство (двор, дом) вечности вселенной, духовный или верхний мир, ведическая традиция Руси его называет Правь; в нём царствует идея жизни. *Нет* или *неть* – царство ночи вселенной, царство смерти, невещественный, потусторонний или нижний мир, ведическая традиция его называет Навь; в нём идея жизни передана в образах. По навьим образам *старец* и строит *келью* – царство дня вселенной или существенный мир, традиция его называет Явь; в нём жизнь воплощена в форме. *Курсивом* отмечены фрагменты текстов фольклора.

Фольклор описывает пять состояний времени.

Первое состояние времени. Время в вечности вселенной находится в абсолютном покое. В небылице или в сказке «Не хочешь – не слушай» [1, т. III, с. 150–151] поведано, что плотность пространства и времени царства вечности или *дома дедушки и я* такова, что идея вселенной умещается в *одном кирпичике*, потому-то и *взглянуть не на что*. Однако в задумках дедушки вселенная столь велика, что её и *глазом не окинешь*. Время *дома дедда и я* – это вечный *сон*, в его потенции, в состоянии абсолютного покоя дремлет идея жизни.

Когда возникло в доме вечности движение идеи жизни, тогда и случилось одно из главных событий творения: первая встреча *удальца* – непрощенного отеческого семени со своей *душой-девицей*. В сказке «Поди туда – не знаю куда и принеси то – не знаю что» [1, т. II, с. 114] об этой встрече сказано: *"войдешь ты в пещеру и хорошенько спрячься. Спустя некое время придут туда два старца; слушай, что они будут говорить и делать, а после, как они уйдут, и сам то ж говори и делай!"* Так, *спустя некое время*, и сделал удалец стрелец, в результате он познакомился со Шматразумом – своей бессмертной душой. И отправились они в воплощение.

В сказке «Безногий и слепой богатыри» [1, т. II, с. 59] молвит Иван-царевич: *"Едем мы, дядя, столько времени, приближаемся к землям Анны"*

Прекрасной королевы, а не знаем, какую загадку загадывать". Едут царевич и его дядька *столько времени* из вечности к границе ночи вселенной, где и случится встреча удальца – Ивана-царевича со своей душой-девицей или Анной Прекрасной.

В сказке «Упырь» [1, т. III, с. 72] молвится: "*В скором времени случилось одному боярскому сыну проезжать мимо Марусиной могилы; смотрит – а на той могиле растёт чудный цветок*". Когда пришло *в скором времени* боярскому сыну – отцовскому семени отправиться из вечности в воплощение, только тогда он и встретился впервые с *чудным цветком* – со своей душой.

Мир – вселенная; вещество в пространстве и сила во времени" [2, т. II, с. 862]. Ветра из божьих уст воздействуют на плотность пространства и времени дома вечности, в результате лопаются ячейки вселенной и рождается ночь вселенной. Время в ночи вселенной – тоже *сон*, но в состоянии предрассветного пробуждения, в нём включена программа творения, по которой из идеи жизни разворачивается образ вселенной.

Второе состояние времени. Время в ночи вселенной ничтожно мало, оно как бы находится на старте, в состоянии предрассветного пробуждения.

Плотность пространства и времени ночи вселенной (как и вечности) очень велика. Например, в сказке «Убогий» [1, т. III, с. 52] Навь изображена всего лишь одной *деревней*, в которой хозяйкой является легендарная *старуха* – баба-Яга. В навьей избе *старухи* очень *тесно*, поскольку в ней находится образ вселенной со всеми её обитателями.

В песне «Братанна» [3, с. 234, 238] поведано: «*В зимнюю безвременную пору грубость Горожанка согрубила. И в ту пору, в то время... пала Братанна в море*». В ночи вселенной зарождается зло, его и представляет Горожанка. Здесь Навь изображена зимней безвременной порой, а море и есть безграничное пространство вселенной.

Сказка «Три царства – медное, серебряное и золотое» [1, т. I, с. 195] о навьей поро рассказывает: "*В то давнее время, когда мир божий наполнен был лешими, ведьмами да русалками... В то время жил-был царь по имени Горох с царицей Анастасией Прекрасной*. Здесь царь *Горох* и есть сам Всевышний, а царица *Анастасия Прекрасная* – Богоматерь. А *то давнее время* – это пора ночи вселенной.

В сказке «Хитрая наука» [1, т. II, с. 226] говорил колдун старику: "*через три года, в этот самый час, приходи за сыном; да смотри: коли не просрочишь – придёшь вовремя да узнаешь своего сына – возьмишь его назад; а коли нет, так оставаться ему у меня*". Здесь *старик* – сам Всевышний. В Нави образ сына многократно переменяется. *Много ли, мало ли прошло времени*, сын старика превращался в птичку, затем в коня. Однако вскоре или *вовремя* случилась смена вёрст (этапов) вселенной: "*конь тем временем вырвался и пошёл вёрсты отсчитывать*", пока не удрал из Нави в Явь. Сказки «Вещий сон» [1, т. II, с. 214], «Пёрышко Финиста ясна соко-

ла» [1, т. II, с. 190] утверждают, что смена этапов вселенной определена Всевышним стариком ещё *до поры до времени*.

В сказке «Вещий сон» юнец говорил придворному Асону: *"придёт время – будешь ты в бедности, а я стану владеть твоими богатствами"*. За эти слова велел Асон повару убить юнца, однако повар вместо малыша убил собаку. Он *угостил Асона собачиной, а мальчика до поры до времени у себя спрятал*". Мысли рождённые юнцом в вечности облакаются в образы ночи вселенной, их исполнение пока скрыто *до поры до времени* – до воплощения в Яви.

В сказке «Емеля-дурак» [1, т. I, с. 327] *долгое время плыла бочка по морю; стала жена дурака просить: "Сделай так, чтобы нас на берег выкинуло"*. Дурак сказал: *"По щучьему веленью, по моему прошенью – выкинь эту бочку на берег и разорви её!"* Емеля обращается к *щучьему велению* – к Богу, а бочка и есть особая светлица Нави, утробный пузырь. *Долгое время* длится для Емели, как и для героя сказки «Кощей Бессмертный», девять навьих суток (девять месяцев в мерах Яви).

В сказке «Об Иване-царевиче, жар-птице и о сером волке» [1, т. I, с. 336] серый волк мчался пуще коня *"и через некоторое время, как раз ночью привёз Ивана-царевича... В то самое время братья Ивана-царевича, Дмитрий и Василий царевичи, езда по разным государствам и не найдя жар-птицы, возвращались в своё отечество с порожними руками; нечаянно наехали они на своего сонного брата Ивана-царевича с прекрасною королевною Еленою. Увидя на траве коня златогривого и жар-птицу в золотой клетке, весьма на них прельстились и вздумали брата своего Ивана-царевича убить до смерти. Дмитрий-царевич вынул из ножон меч свой, заколол Ивана-царевича и изрубил его на мелкие части. Иван-царевич лежал мёртв на том месте ровно тридцать дней, и в то время набежал на него серый волк и узнал по духу Ивана-царевича"*. Здесь *некоторое время*, как раз ночью, говорят о том, что события происходят в Нави. Старшие братья – воплощённые дети Всевышнего батюшки на третьей и четвёртой верстах эволюции вселенной, а младший или юный сын – Иван-царевич житель пятой версты. Старшие замышляют зло, им приходится долго очищаться в Нави от земных страстей. Оттого десятки тысячелетий разделяют бытие братцев, а у младшего время ограничено девятью навьими сутками, он девять месяцев (по меркам Яви) идёт из ночи в день вселенной. *В то время* в царстве смерти и пересеклись пути братцев. Сказка, как и многие другие, писана волхвами и принадлежит ведической традиции. Образ *серого волка* в ведической Руси – это образ Великого волхва Велеса.

В сказке «Морской царь и Василиса Премудрая» [1, т. II, с. 137] пошёл царь на охоту и только хотел подстрелить орла, а орёл *просит: "Не стреляй меня, царь-государь! Возьми лучшие к себе, в некое время я тебе пригожусь"*. Здесь *орёл* – образ Всевышнего в ночи вселенной, а *некое время* – это грядущие события Яви.

В сказке «Пооди туда – не знаю куда и принеси то – не знаю что» [1, т. II, с. 108] рассказывается: *"В некотором государстве жил-был король, холост-неженат, и была у него целая рота стрельцов; на охоту стрельцы ходили, перелётных птиц стреляли, государев стол дичью снабжали. В той роте служил стрелец-молодец, по имени Федот; метко в цель попадал, и за то любил его король пуще всех его товарищей. Случилось ему в одно время пойти на охоту раным-ранёхонько, на самой заре; зашёл он в тёмный, густой лес и видит: сидит на дереве горлица"*. Здесь тёмный, густой лес – это характеристика ночи вселенной. В одно время или раным-ранёхонько, на самой заре – самое начало дня вселенной. А горлица – это душа стрельца.

В небылице сказано [1, т. III, с. 150–151]: *"Время было к празднику, стали мы солод готовить да пиво варить; как в ложке затерли, в корце развели – вышло пива с целую бочку"*. Эти действия происходят в ночи вселенной, они рассказывают о подготовке к грядущему родительскому празднику – к свадебному пиру, который случится во время воплощения человека и его единения с душой.

Длительность ночи вселенной, как и других царств вселенной, – *целая неделя* или *семь дней* (вёрст, этапов, лет). О продолжительности этого периода молвится: *"ни много, ни мало прошло времени"*, однако в конце недели пришла пора воплощаться её жителям. Вторичное возбуждение первородных начал меняет плотность пространства и времени ночи в вселенной, и в результате рождается воплощённая жизнь.

Третье, четвертое и пятое состояние времени. Теперь мир состоит из царств вечности, ночи и дня вселенной. И только сейчас время развернулось в прошлое, настоящее и будущее.

В сказке «Птичий язык» [1, т. II, с. 223] сын поведал родителям, о чём соловей поёт. Он *"предвещает, что придёт пора-время, будете вы мне служить: отец воду подавать, а мать полотенце – лицо, руки утирать"*. Сын находится в вечности, а потому знает о грядущих событиях, поскольку их идея замышляется в духовном мире, а действия, как *придёт пора-время, воду подавать и руки утирать*, происходят в Яви.

В сказке «Пёрышко Финиста ясна сокола» молвила младшая дочь на первой встрече с Финистом: *"Полетай, моё пёрышко, во чисто поле; погуляй до поры до времени!"* Пёрышко обратилось ясным соколом и улетело в *чистое поле*. Младшая дочь – это душа Руси, Финист – народ Руси, а *чисто поле* – вечность. До поры до времени гулял Финист ясный сокол в вечности и ночи вселенной. Когда же в Яви произошла его вторая встреча с младшей дочерью, тогда время и развернулось в прошлое, настоящее и будущее. Тогда и произошло единение Финиста с его душой.

Небылица рассказала, что случилось после посева идеи жизни и создания навьих образов жителей вселенной: *"Ни много, ни мало прошло времени, перестал мужик овёс вейать, а верёвки всё не хватает. Что тут*

делать? Была не была, прыгнул я наземь и попал в трясиину; по самые уши утонул". Земля на ту пору или тем временем ещё не успела просохнуть от родовых вод, потому и была трясиной.

В сказке «Клад» [1, т. II, с. 244] поведано, как "в некотором царстве жил-был старик со старухой в великой бедности. Ни много, ни мало прошло времени – померла старуха. На дворе зима стояла лютая, морозная". В сказке старик – это русский Бог Сварог, а старуха – великая Богоматерь Лада. Ни много, ни мало прошло времени говорит о том, что подошла пора смены этапов вселенной и перехода событий из зимы навьего мира в лето воплощения, в Явь.

В сказке «Царица-гусяр» [1, т. III, с. 35] сказывается: "В некоем царстве, в некоем государстве жил-был царь с царицею; пожил он с нею немалое время и задумал ехать в ту чуждедальнюю землю, где жида Христа распяли". Пословица высмеивает идеологию чуждедальных земель: "Было времечко, целовали нас в темечко, а ныне в уста, да и то ради Христа". Только истиной Вед можно скрепить русское сердце. Царь пренебрёг отеческой мудростью, и в результате попал в рабство. Если бы не царица-гусяр, так бы царь и сгинул на чужбине. В сказке об умении гусяра поведано: "век бы слушал – не наслушался". Волхвы, гусяры, славутные певцы, калики переходные, скоморохи и другие народные жрецы *сызмала* (от начала жизни) *ходят по белу свету, веселят людей* и поют *правду истинную*. Их песнями *досыта* не наслушаться, они *"всякую скуку, всякую тоску как рукой снимают"*. А по поводу идеологий с чуждедальных земель народная мудрость сказывает: "Сильны временщики, да недолговечны. Мир по слюнке плюнет, так море. Как мир вздохнёт, и временщик издохнет". Мир и есть наша вселенная. Пословица напоминает каждому, в том числе и пришлым временщикам: "Веру переменить – не рубаишку сменить".

После окончания бытия в Яви плоть человека навсегда остаётся в барышах земли матушки. Народная мудрость молвит: "Кому земля – мать родная, кому – родимая матушка, а кому и мачеха; да, как время придёт, и пасынка к сырой груди прижмёт, не оттолкнёт, не погубит – к себе возьмёт, на вечные века приголубит". Душа, как это время придёт, перелетит из Яви в навье царство, где и очистится от земных страстей, прежде чем отправиться на отдых в духовную обитель, в Правь.

Фольклор передаёт юным поколениям ведические знания. И никакие пришлые идеологии, претендующие на духовное верховенство, не в силах *вовремя* уничтожить или заслонить божественный первоисточник знаний прародителей. "Вовремя пождать, у Бога есть что подать".

Библиографический список

1. Афанасьев А. Н. Народные русские сказки в 3 т. – М., 1985
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4 т. – М., 1994.
3. Шергин Б. В. У Архангельского города. – Архангельск, 1985.

СУЩНОСТЬ КУЛЬТУРЫ КУБАНСКИХ КАЗАКОВ

Л. В. Мальцева

*Доктор педагогических наук, доцент,
Кубанский государственный
университет, г. Краснодар, Россия*

Summary. With the help of culture is formed and develops people. You must attach the younger generation to the traditions, culture, art and customs of their ancestors. In the Kuban guys learn the history of the Kuban Cossacks, and this contributed to the schools to introduce the subject «Kuban studies».

Keywords: education; folklore; Cossacks; culture; values; traditions; customs.

Становления личности повышается в связи с воспитанием на традициях, обычаях своего народа. Это нельзя заменить ничем на начальном воспитании. Родная речь, народные песни, обычаи должны присутствовать в воспитании. Только в этом случае ребенок вырастает и знает историю своего края, народа. Фольклор является действительным средством воспитания национального характера мышления, нравственности, патриотизма, эстетического самосознания. В школах Краснодарского края изучают этнохудожественную культуру кубанских казаков и потом изображают в своих работах то, что они узнали и увидели на уроках изобразительного искусства.

Этнические культуры существуют в системе целостной культуры человечества, но это глобальная внутренне диалектически противоречива, и взаимодействие между отдельными элементами демонстрирует как всеобщую связь явлений, благодаря, которой, ни одна этническая культура не может считаться сформировавшейся полностью самостоятельно, так и моменты напряжения, связанного с различиями между отдельными культурными нормами, ценностями, религиями.

В культуре каждого народа можно выделить две сферы – профессиональная, сформировавшаяся в процессе общественного разделения труда, и традиционная (традиционно-бытовая). Традиционная кубанская культура связана с непрерывными повседневными процессами жизнедеятельности человека. Очевидна устойчивая связь с материальной культурой и хозяйственной деятельностью. В традиционной культуре накапливается специфичный слой с особенностями казачьего быта и казачьей психологии. Этот пласт во многом является инновационным. Вполне очевидны магическая, эстетическая и развлекательная функции культуры. Практически в каждом блоке традиционной культуры казачества можно выделить «архаизмы» и «пережитки». И практически каждая эпоха оставила более или менее заметный след в сфере традиционной культуры.

Культура кубанских казаков имеет магическую, эстетическую и развлекательную функцию. Они рельефно прослеживаются и представлены во

многих блоках и конкретных текстах кубанской локальной традиции. При этом в культуре казаков один и тот же элемент одновременно выполняет несколько функций (например, колыбельные песни, жилище) или же по мере необходимости может обретать дополнительные или новые функции, либо менять их (веник, шуба в повседневном быту и в свадебном обряде). В свадебном обряде имело значение форма каравая. Каравай, как известно, обрядовый хлеб круглой формы. На вершине были посажены две фигурки птиц по основной границе каравая. Число их не регламентировалось.

На уроках изобразительного искусства учащиеся знакомятся с изобразительным, декоративно-прикладным и народным искусством кубанских казаков это способствует более глубокому освоению краеведческого материала. Таким образом, традиционная культура кубанского казачества выступает эффективным средством идейного и эстетического воспитания. Эстетическое воспитание может, быть осуществлено только когда сам учитель будет обладать, высокой художественной культурой, большим профессиональным багажом, тонким эстетическим вкусом. Традиционная культура Кубани помогает в творческом самовыражении личности, служит мощным средством эстетического, духовного и нравственного воспитания. Вопрос о воспитании молодого поколения во все времена был и остается актуальным. Но сегодня проблема воспитания кардинальным образом изменила свой характер, поскольку изменился мир, в котором живут современные дети. Телевидение и компьютеры, кино и мобильные телефоны, возможность путешествовать по всему миру – все это картина сегодняшнего дня, оказывает колоссальное влияние на школьников, современную молодежь. Здесь важно помнить о том, что нельзя предлагать одинаковые рецепты ребятам различных этносов и культур.

Необходимо пропагандировать и прививать культуру, сохранять и передавать традиции из поколения в поколение. Нужно устраивать праздники с их главными ритуалами, обрядами как способами передачи традиций. Не забывать своих предков, которые помогают нам сохранять и передавать память о традиционной культуре Кубани. Нравственные ценности, накопленные нашим народом, предками, не должны забываться, если мы хотим воспитать настоящего хозяина своей земли, родного края, то обязаны все время протягивать животворную нить от одного поколения к другому.

Библиографический список

1. Бондарь В. В. Город Екатеринодар в пространстве и времени. – Краснодар, 2006. – 126 с.
2. История Кубани / под. ред. Куб. ГУ Щетнева В. Е. – Краснодар. : Кубанское книжное издательство, 2004. – 304 с.
3. Селиванов В.С. Основы общей педагогики : теория и методика воспитания. – М. : Изд. центр Академия, 2002. – 335 с.

МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОГО В КУЛЬТУРЕ

Р. Ю. Рахматуллин

*Доктор философских наук, профессор,
Башкирский государственный аграрный
университет, г. Уфа,
Республика Башкортостан, Россия*

Summary. Culture is a synthesis of two phenomena: national and universal. The foundation of the universal foundations of culture are the generators of space structures. In social terms, they are able to transform into a national culture.

Keywords: universal; national culture; evolutionary epistemology; archetype.

Предметом нашего исследования является вопрос об истоках общечеловеческого в культуре. В XX веке поиски единых оснований культуры привели к реанимации идей биологического редукционизма, представленных в эволюционной эпистемологии. Её сторонники утверждают о существовании в психике индивида врожденных структур, определяющих, в конечном счете, его поведение. Один из основателей этого учения К. Лоренц пишет, что «социальное поведение людей диктуется не только разумом и культурной традицией, но по-прежнему подчиняется еще и тем закономерностям, которые присущи любому филогенетически возникшему поведению» [2, с. 16].

Тема поиска общих для всех людей детерминант деятельности является характерной не только для биологов. В XX веке в психологии появилось учение К. Г. Юнга об архетипах – общих для всех людей структурирующих человеческое поведение началах, скрытых в сфере бессознательного. Исследуя человеческую психику сначала лишь в медицинских целях, Юнг обнаружил там особые феномены, которые не зависели ни от уровня интеллекта, ни от онтогенетических особенностей индивида, ни от социальной среды, в которой он воспитывался. Эти идентичные для людей формы организации психической жизни он назвал архетипами. «Понятие архетипа ... указывает на то, что в психике существуют ... определенные формы, которые распространены вездесущно и повсюду», – пишет Юнг [5, с. 10]. Понятие архетипа, взятое в таком контексте, очень напоминает платоновскую идею, о чем пишет и сам Юнг: «Архетип» – не что иное, как уже в античности встречающееся выражение, синонимичное «идее» в платоновском смысле» [5, с. 30]. Выводы о существовании вечных, универсальных порождающих структур делаются и в ряде известных культурологических исследований [1; 4]. Изучая различные религии, философские тексты и произведения художественной литературы, Р. Генон приходит к двум выводам: 1) в основании культуры лежат духовные начала; 2) эти

начала, выраженные в разных творениях человека через различные средства, одни и те же для всех времен, народов и культур.

С этих позиций генезис правовых концепций, политических программ, научных теорий, архитектурных проектов есть повторение в разных условиях актов формирования Космоса из Хаоса. Таким образом, утверждается наличие всеобщих форм, имеющих нематериальное и внепсихическое происхождение. Универсальность этих вселенских априорных форм позволяет верить в существование общечеловеческих начал в праве, морали, в любой сфере духовного производства. Но как быть с национальным в культуре? Ведь очевидно, что оно существует. Я столкнулся с похожей проблемой в конце 1990-х годов, решая одну эпистемологическую проблему в своей докторской диссертации. Нужно было найти онтологические основания структуры теоретической модели. Согласно господствующей тогда деятельностной парадигме, эту структуру следовало бы искать в формах практики, прежде всего, эксперимента. Но структура эксперимента имеет свои основания, в качестве которого выступает его план, составленный в соответствии с логическими нормами. Но логическое мышление формируется в результате включения человека в сферу практики. В конечном счете получалось, что практика формирует мышление, но она сама возможна лишь при наличии мышления. Наше решение было таким: логическая форма не является всеобщей. Она есть *один из* результатов проекции вселенских всеобщих алгоритмов на человеческий материал. Поскольку этот материал различен, то и результат такого взаимодействия неодинаков [3, с. 83–114]. Как, например, различаются дома, построенные по одному проекту, но из различного материала и строителями разной квалификации. Думается, эта методология годится и для решения проблемы соотношения общечеловеческого и национального в культуре.

Вывод: метафизическим основанием общечеловеческого в культуре являются всеобщие структурирующие начала, существующие во всей Вселенной, специфика проявления которых в обществе определяется разными социальными условиями жизни людей. Результатом взаимодействия всеобщего и особенного в обществе является национальная культура.

Библиографический список

1. Генон Р. Царство количества и знамения времени. – М. : Беловодье, 2011.
2. Лоренц К. Агрессия (так называемое зло) // Вопросы философии. – 1992. – № 3.
3. Рахматуллин Р. Ю. Онтологизированные образы в научном познании: генезис и функции: дисс. ... д-ра филос. наук. – Уфа, 2000.
4. Элиаде М. Аспекты мифа. – М. : Академический проект, 2001.
5. Юнг К.Г. Структура психики и процесс индивидуализации. – М. : Наука, 1996.

АРХЕТИПИЧЕСКОЕ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ КЫРГЫЗОВ (НА ПРИМЕРЕ ФЕНОМЕНА СКАЗИТЕЛЬНОГО ТВОРЧЕСТВА МАНАСЧИ)

Н. И. Осмонова

*Кандидат философских наук, доцент
Кыргызско-Российский Славянский
университет, г. Бишкек, Кыргызстан*

Summary. The phenomenon of storytelling art of manaschi is revealed via the prism of archetypes theory by C. G. Yung. On the basis of the analysis we draw correlation of this phenomenon with myth-ritual practice and ancient archetypical layers of collective memory, the bearers of which are storytellers-Manaschi.

Keywords: storytelling art of Manaschi; archetypes; symbols; collective memory; unconscious collective; myth-ritual practice; dream.

Проблема архетипического и символического в культуре и искусстве, а также проблема генезиса, функционирования и трансформации архетипов и символов в современном общественном, политическом, религиозном, мифологическом и художественном сознании все больше привлекают внимание исследователей и находятся в центре широких теоретических изысканий. Актуальность этих проблем во многом обусловлена как поиском новых путей по преодолению кризиса современной культуры и глобализирующего общества, так и признанием укорененности архетипа в коллективном бессознательном как генетическом коде культуры, возросшим интересом к проблемам культурных архетипов, являющихся частью национально-культурного самосознания и этноментальных установок. В связи с последними проблемами непреходящую актуальность приобретает постижение архетипического и символического содержания традиционной культуры, поскольку в ней находятся универсальные смыслы, несущие в себе комплекс необходимой для существования данной культуры информации, содержащейся в самых разнообразных ее текстах.

В качестве текстов при изучении традиционной культуры кыргызов выступают мифы, предания, культы природы, памятники эпической культуры, устного народного творчества, а так же ритуалы, обряды и традиции, выражающие своеобразный «язык», способ кодирования и передачи информации как порождения традиционного, коллективного, недифференцированного творчества кочевого социума. Однако основным – а подчас единственным – источником исследования являются материалы устного народного творчества, прежде всего отрывки из эпоса «Манас», мифы и легенды, пословицы и поговорки, благопожелания и проклятия – словом все фольклорные тексты, в которых максимально полно отражена картина мира кыргызов. Поскольку специфика традиционного бытия кыргызов заключается в том, что он по преимуществу носил устный характер, за ис-

ключением древнетюркской эпохи, когда руническая письменность составляла основной источник реконструкции мифологического мировоззрения не только кыргызов, но и полиэтнического по составу многих древнетюркских племен. Для кыргызов, не имевших письменной культуры, устное слово обладало высокой степенью символичности и играло огромную социокультурную роль в перенесении накопленного духовного опыта, ценностных смыслов, символических образов от одного поколения к другому. Слово, выступая духовным способом постижения мира кочевником, предполагало наличие коллективной архетипической памяти, закрепленной в устном народном творчестве. Соответственно, эпосы, легенды и предания – это уникальные источники, в которых можно узреть архетипы коллективного бессознательного, что ярко проявляется в таком феномене кочевого сознания, вызывающего интерес манасоведов, филологов, философов и этнологов как сказительное творчество манасчи.

Феномен сказительного творчества манасчи, присущий кыргызскому устному народному творчеству до сих пор ставит перед учеными, занимающимися данной проблемой множество вопросов, касающихся особенностей человеческого воображения, его психики, а также его художественно-образного, эпического мышления. Как манасчи может хранить в памяти более полумиллиона стихотворных строк вечно живой истории народа и передавать содержание эпоса в полном объеме, сохраняя при этом от мельчайших элементов характера и образов до грандиозных событий и идей? Каким образом манасчи через собственное видение и художественно-субъективное изложение может выразить объективность описываемых исторических событий, характер и поступки героев прошедших эпох? В чем особенность того огромного, магического влияния манасчи на слушателей, когда он своим исполнением одновременно восхищает, вдохновляет и вызывает сильные эмоции, такие как страх, страдание, слезы? Данный феномен – это пророческий дар, данный свыше или же талант, приобретенный в процессе кропотливого труда и индивидуального творчества? Все эти вопросы уходят своими корнями в коллективную архетипическую память, мифоритуальные практики прошлого.

Изучение данного феномена началось тогда, когда впервые искусство кыргызских сказителей привлекло внимание выдающегося русского ученого В. В. Радлова, который в своем «Предисловии... [5] пишет, что «народная поэзия у киргизов достигла высокой степени развития» и «находится на своеобразном периоде, который лучше всего назвать «истинно эпическим периодом»» [5, с. 16–17]. Отмечая уникальность эпической поэзии кыргызов и особенности творчества певца, ученый акцентирует внимание на искусстве импровизации как особом состоянии вдохновения, сопровождаемого меткостью разума, большим певческим опытом и умением пользоваться готовыми и известными частями эпического повествования. В этой связи он пишет: «Опытный певец в состоянии воспеть, какой угодно ряд событий,

если только знаком с ходом дела. Когда я спросил одного из лучших певцов, может ли он мне пропеть ту или другую песню, он ответил мне: «Я могу спеть какую бы то ни было песню, так как Бог наделил меня искусством пения, он влагает в мои уста слова и мне не приходится искать их; я не выучил ни одной песни, все вытекает из меня». И он был прав. Певец-импровизатор воспеваает, не размышляя о форме... может спеть, не переставая день, неделю, месяц, так же, как и в продолжение всего этого времени он может говорить» [5, с. 28–29.]. Кара-киргизский певец, так же как и греческий аэд, по словам В.В. Радлова, «находится под властью музыки, которая и влагает в него песни» [5, с. 31]. Однако данный творческий процесс сказителя, его «внутреннее настроение» зависит от активного восприятия, одобрения и поэтического сопереживания многочисленной аудитории слушателей, которые являются для него побудительной силой, стимулом для раскрытия его творческих возможностей.

Вслед за В. В. Радловым, попытку постичь феномен сказительного творчества манасчи предпринял один из первых исследователей эпоса «Манас», выдающийся казахский ученый и писатель М. Ауэзов, который показал истинную глубину и масштабность эпоса, его роль и значение как всемирного духовного наследия не только для кыргызского народа, но и для всего человечества. Он одним из первых выдвинул проблему о наитии киргизского сказания (дааруу), о таинственном сказительном даре, приобретенного во сне. Сказителю во сне являлся сам богатырь Манас или его «кырк чоро» (сорок витязей), и велели петь. Проснувшись, певец неожиданно для себя обнаруживал свойство свободно излагать события эпоса, при этом твердо верил в то, что не длительный период обучения, а именно внезапное озарение во время сна оказало решающее значение на его становление в качестве сказителя. «Поэтому, – пишет М. Ауэзов, – настоящие певцы «Манаса» выдавали свой вариант за нечто внушенное им свыше, объясняли его вмешательством сверхъестественных сил, якобы призвавших их к этой роли и вселивших в них, как в избранников, знание «Манаса»» [1, с. 17]. Природу такого мистического характера обретения сказительного дара ученый объясняет с одной стороны, желанием сказителя показать превосходство своего мастерства, дарованного свыше и, с другой – нежеланием его называть имя своего предшественника, тем самым «отрицая факт заучивания».

Другой кыргызский исследователь эпоса «Манас» известный ученый К. А. Рахматуллин подробно анализируя данный феномен и объясняя сновидения сказителей, приходит к выводу о том, что, во-первых, причины сновидений, сопровождающихся открытой или скрытой угрозой духа-покровителя, в данном случае Манаса или его приближенных, уходят своими корнями в первобытный родовой строй, когда сам сказитель подобно шаману активно добывается избрания его духом-покровителем и для этого ведет соответствующий образ жизни (уединение, странствование и т. п.). В

отличие от подобного активного вида избранничества, напротив пассивный характеризуется тем, что сказитель не проявляет активного желания быть избранным, но его избирает сам дух-покровитель, который является ему во сне и принуждает к сказительству. Именно данный вид избранничества, по мнению ученого, доминировал в рассказах о своем чудесном даре у кыргызских сказителей. Поэтому «легенды о сновидениях не что иное, как особое возвеличивание Манаса, когда он превращается в духа-покровителя, а сказители – в его избранников» [6, с. 96]. Во-вторых, объясняя причины сновидений, К. А. Рахматуллин справедливо отмечает, что «творчество сказителя не вызывалось сновидением, а наоборот, сновидение вызывалось напряженной творческой деятельностью в период освоения эпоса и подготовки к роли сказителя» [6, с. 97].

Подобной точки зрения придерживается известный манасовед Р. З. Кыдырбаева, которая утверждает, что сновидение манасчи – «не выдумка сказителя, а реальный результат долгой и трудной учебы у предшественника, вследствие чего он мог во сне «исполнять» эпос, «видеть» его героев и «разговаривать» с ними» [4, с. 9]. Следовательно, по мнению ученого, сновидение – результат высокого творческого горения, период интенсивного творчества, который означает, что период ученичества закончился, и начался этап самостоятельной творческой жизни. Кроме перечисленных исследователей, большой вклад в изучение феномена сказительного творчества манасчи оказали работы В. М. Жирмунского, С. Мусаева, А. Салиева, К. Садыкова, М. А. Убукеева, Б. Н. Путилова и др.

Таким образом, проведенный краткий анализ точек зрения известных исследователей на феномен сказительного творчества манасчи дает основание предположить, что они, пытаясь объяснить данный феномен, тем самым выдвигали целый ряд теоретических проблем, которые невозможно решить с рационалистической точки зрения. Это в частности, такие проблемы, как проблема высшего экстаза творческого духа, в процессе которого происходит озарение или наитие, внушение свыше; проблема сотворчества между сказителем и многочисленной аудиторией слушателей, а также проблема о взаимосвязи избранничества сказителя и шамана. На наш взгляд, поставленные проблемы невозможно решить и понять феномен сказительного творчества манасчи в полном объеме без обращения к теории об архетипах выдающегося швейцарского психоаналитика и культуролога К. Г. Юнга, которая позволит увидеть в явлениях мифоэпического сознания, феноменах духовной жизни традиционной культуры – в самом широком смысле – символические проекции коллективного психического опыта предыдущих поколений и постоянно повторяющиеся отпечатки типического опыта. Здесь необходимо подчеркнуть, что нас интересуют не столько рациональные доводы объяснения данного феномена, сколько его взаимосвязь с древними архетипическими пластами коллективной памяти и мифоритуальной практикой, откуда берет свое начало искусство

сказителя. Мифоритуальным истокам сказительства и шаманства посвящены работы В. Г. Богораза, В. М. Жирмунского, П. А. Гринцера, Е. В. Ревуненковой, В. Н. Топорова, В. Н. Басилова, Б. Н. Путилова, А. М. Сагалаева и др.

Согласно теории швейцарского ученого К. Г. Юнга, архетипические образы являются источником мифологии, религии, искусства, коллективной памяти. Они спонтанно проявляются во время сна в виде архетипических первообразов, различных фольклорных и мифологических сюжетов, характеризующих психику человека не только как субъективное и индивидуальное бессознательное, но, прежде всего, как коллективное и безличное психическое содержание, уходящее своими корнями в глубокую древность как отображение опыта прежних поколений.

Архетипы, таким образом, находясь в глубинах коллективного бессознательного, составляя своеобразный коллективный осадок исторического прошлого, выражают основу общечеловеческой символики и репрезентируются в снах в виде архаических прообразов (образ матери-земли, героя, мудрого старца, младенца и т. п.). «Прообраз, или архетип, – пишет Юнг, – есть фигура – будь то демона, человека или события – повторяющаяся на протяжении истории везде, где свободно действует творческая фантазия. Соответственно мы имеем здесь в первую очередь мифологическую фигуру. Подробнее исследовав эти образы, мы обнаружили, что в известном смысле они являются сформулированным итогом огромного типического опыта бесчисленного ряда – предков; это, так сказать, психический остаток бесчисленных переживаний одного и того же типа» [9, с. 229]. При этом, по его мнению, архетипы как общечеловеческая универсальная символика «не имеют определенного происхождения; они воспроизводят себя в любое время и в любой части света, – даже там, где прямая передача ... миграции полностью исключены» [11, с. 65]. Поэтому, архетипы рассматриваются Юнгом как своего рода глубинные, изначальные образы, в которых «кристаллизировалась частица человеческой психики и человеческой судьбы, частица страдания и наслаждения – переживаний, несчетно повторяющихся у бесконечного ряда предков» [9, с. 229]. Согласно его мнению, активизация того или иного архетипа в виде персонифицированного или вещественного образа, производящего коренные изменения в психике коллектива и отдельного человека происходит тогда, когда возникает ситуация, соответствующая данному архетипу. В этом смысле К. Г. Юнг отмечает побудительную, динамическую («нуминозную», то есть божественную, зачаровывающую) силу архетипа, которая заключается в том, что суммируя накопленный ранее опыт, он, в свою очередь, настолько захватывает всю человеческую личность в целом, что его психика и сознание полностью находятся под его влиянием. Человек, находясь под его воздействием, тем самым, легко внушаемо, увлекаемо и подвижно к творческому процессу. Здесь следует отметить, что Юнг вы-

двинул идею о роли архетипа в процессе художественного творчества. В данном случае художественное творчество, подвергнутое анализу через архетипы, рассматривается как внеисторический и всечеловеческий феномен, субъектом культуры выступает человек «архетипический», сознание которого включает архаические пласты мировосприятия, дремлющие в подсознании первообразы, которые каждый раз подпитываются, оживляются современным мифотворчеством, а творческая деятельность делается объектом воздействия архетипов. В этой связи он пишет: «...момент возникновения мифологической ситуации всегда характеризуется особенной эмоциональной интенсивностью: словно в нас затронуты никогда ранее не звеневшие струны, о существовании которых мы совершенно не подозревали. В такие моменты мы уже не индивидуальные существа, мы – род, голос всего человечества просыпается в нас... Говорящий прообразами говорит как бы тысячью голосов, он пленяет и покоряет, он поднимает описываемое им из однократности и временности в сферу вечносущего, он вышагает личную судьбу до судьбы человечества» [9, с. 229].

Если перенести данную трактовку Юнга на феномен сказительного творчества манасчи, то можно предположить, что творец эпической поэзии, в моменты своего творчества, выступая в подвижных образах живого слова, является голосом предков, выразителем «народного духа», его чаяний и надежд, олицетворяя древние архетипические пласты коллективной и этнической памяти. В качестве персонифицированного архетипа выступает образ самого Манаса, который являясь воплощением мифического первообраза, символизирующего архетип Героя, покровительствует и приходит во сне сказителю, который отмечен его духом. В этой связи швейцарский ученый пишет: «Психическое явление духа, безусловно, указывает на то, что он имеет архетипическую природу, т.е. феномен, который называют духом, основывается на существовании автономного прообраза, досознательно всесторонне присутствующего в структуре человеческой психики» [12, с. 338]. При этом следует еще раз отметить, что явление духа Манаса во сне признают многие сказители, тем самым называя себя «избранниками духа», обладающими священным, сакральным знанием.

Как правило, согласно законам архаического мироощущения, сказительство, так же как и шаманство, не считалось просто профессией или ремеслом, которому можно было обучиться, а являлось особым сакральным знанием, получаемым в результате избранничества. Сновидение, приносящее чудесный дар сказителю и шаману в результате избранничества сопровождалось своеобразным испытанием или так называемой болезнью, которую ученые называют «шаманской». Вот что пишет современный исследователь шаманизма В. Н. Басилов по поводу «шаманской болезни»: «Проявления ее были самыми разными, но всегда человек выглядел, потерявшим рассудок. Он совершал непонятные поступки, мог долгими часами сидеть в оцепенении, а иногда убегал из дому и скитался где-то ... Кроме

того, в течении ряда дней человек лежал без сил, ощущая ужасные боли. Ему чудилось, что духи преследуют и терзают его. Эта мучительная болезнь, предшествовавшая началу шаманской деятельности, нередко объяснялась упрямством избранника: ведь он сопротивляется призыванию, и духам ничего не остается, как наслать на него болезнь. Но это позднее объяснение, появившееся тогда, когда истинная причина шаманских страданий начала забываться. Что же это за причина? Почему духи подвергают избранника изощренным пыткам? А без мучений просто нельзя обойтись – духи должны убить, разрезать на кусочки, сварить и съесть будущего шамана, чтобы переделать, «пересотворить» его и воскресить уже новым человеком, стоящим выше простых смертных» [2, с. 53]. Здесь ярко описаны не просто нервно-психическое расстройство будущего шамана, а особый период в обретении нового статуса, т. е. бремя избранничества, когда избранник подвергался тяжелым «телесным истязаниям» (расчленение тела и заново его собирание) смысл которых состоял в перерождении и перевоплощении в новом статусе через смерть и новое рождение.

Таким образом, согласно мифоритуальной практике, «избранники духов» как люди, отмеченные печатью «инаковости», в данном случае шаман и сказитель подвергаются одинаковым испытаниям в виде шаманской болезни. Иначе говоря, «между миром людей и миром духов происходит обмен: сказитель отдает свою жизнь, но получает взамен волшебный дар, которым и «живет». Рассказывают, что духи «принуждали» сказителя петь, и отказывающийся от призвания, как и шаман, испытывал физические мучения» [7, с. 94]. Однако следует отметить, что по тем рассказам и «легендам», которые известны от кыргызских сказителей, мы не обнаруживаем полного комплекса тех испытаний, который проходит шаман. Между тем отдельные отголоски в виде угроз со стороны сподвижников Манаса наказать (разрубить, прикончить) непослушного, строптивого «избранника» за отказ исполнять эпос и следовать делу отцов встречаются довольно часто. Данной проблеме посвящена статья В. М. Жирмунского «Легенда о призвании певца», в которой он на основе анализа широкого круга этнографических материалов архаических культур более убедительно раскрывает веру в чудесную силу песни, тесным образом связанную с магическим обрядом. В этой связи он пишет: «Вера эта связана с обычным на ранних ступенях общественного развития совмещением профессии певца и прорицателя-шамана, предшествующим окончательному выделению эпической поэзии из связи с обрядовой. Там, где эта связь еще существует, возникает и получает широкое распространение представление о поэтическом вдохновении как чудесном пророческом даре, порождаемом наитием – вдохновением свыше» [3, с. 400–401]. Здесь, как мы видим, В. М. Жирмунский отмечает широкое типологическое распространение во многих культурах веры в чудесную силу песни, которая в архаических культурах тесным образом была связана с магическим обрядом. Отсюда и слитность функции

шамана-прорицателя и сказителя. Вывод, сделанный ученым, подтверждается учеными фольклористами и этнографами. «Пользуясь всем богатством устного народного творчества, – пишет В. Н. Басилов, – шаман выработывал и свой собственный стиль, умело вводил в речь новые эпитеты и сравнения. Он знал, что его речь должна радовать слух не только людей, но и духов... Сочетая в себе поэтический дар со знанием мифов и преданий, шаман был, по существу, и народным сказителем» [2, с. 121].

Что же касается кыргызских сказителей, то они вряд ли догадывались о том, что их призвание и поэтический дар находятся в тесной генетической взаимосвязи с представлениями шаманского характера. Однако ряд свидетельств, приведенных этнографами, показывает, что иногда манасчи приглашали и в качестве лекаря (бакшы) во время стихийных бедствий, массового падежа скота, тяжелых родах, усматривая в них способность, общаться с духами и магически влиять на них посредством слова. В этом смысле сказители предстают создателями, творцами мира в слове. Поэтому В. Н. Топоров подчеркивает, что «сама деятельность жреца, шамана, поэта ... осознается как освоение мира словом: через имянаречение элементы мира вызываются из небытия к бытию, из Хаоса в Космос и усваиваются коллективом» [8, с. 147]. Поскольку «способность человека видеть, слышать, узнавать больше, чем окружающие, свидетельствовала о его «отличности». Знание-видение-слышание выступали в неразрывном единстве, а еще больше ценилась способность облекать увиденное и услышанное в слово. Совокупность этих признаков определяло место человека в сакральной иерархии» [7, с. 98]. Поэтому не случайно считается, что сказители и шаманы обладают сверхъестественными способностями, отличающими их от простых людей не только в духовном аспекте, но и в социальной иерархии. Отсюда, в сознании кочевников поэтическое слово приравнивалось по силе своего воздействия к природным стихиям и обладало громадной действенной, магической силой, тем самым, выражая глубинные, архетипические основы их сознания. Так, например, М. Ауэзов приводит легенду о знаменитом манасчи первой половины XIX века Кельдибеке, в которой отчетливо выступает представление о магической силе песни, слова, приравнивающейся по силе своего воздействия к землетрясению, урагану: «Говорят, что когда Кельдибек пел, дрожала юрта, в которой он сидел; силой своего пения он потрясал стихии, на аул неожиданно налетал ураган, и среди бушующей стихии наезжали неведомые всадники (Манас и его дружинники), от топота их коней содрогалась земля» [1, с. 18].

Таким образом, в идее избранничества манасчи (явление духа Манаса и его сподвижников во сне), прохождение через испытание («шаманская болезнь»), получение чудесного дара во сне (наитие) все это в совокупности дает основание утверждать о связи сказительного творчества манасчи с комплексом шаманизма. Отсюда и мистический характер творческого процесса сказителя, который берет свое начало в мифоритуальной

практике и связан архетипическими пластами коллективной памяти человечества. Поэтому феномен сказительного творчества тесно связан с идеей о божественном наитии и, не случайно «певец сам считает себя «боговдохновенным», и таким же считают его окружающие». Здесь мы отчетливо видим следы влияния архаической веры в одержимость, видения, транс, которые в психологической антропологии определяются как измененные состояния сознания. При этих состояниях изменяются ощущения, восприятия, эмоции и они изменяют отношение индивида к самому себе, своему телу, чувство тождественности собственного «Я» и восприятия времени, пространства и других людей. В данном контексте следует упомянуть концепцию Платона о природе творческого процесса поэта, согласно которой источником и причиной творчества является одержимость или иступление как особый вид вдохновения, сообщаемого поэту божественными силами, в результате чего он становится божественным прорицателем. Поэтому, Платон считает, что прекрасные произведения поэтов принадлежат не им, а богам, которые ими владеют. В момент творчества поэт не отдает себе отчета в том, как он творит. Акт творчества демонстрирует умение поэта выйти за пределы себя (*ex-stasis*), когда его душа проникает в мир запредельных сущностей. Конечно, экстаз – это в некотором смысле безумие, изменение нормального состояния души, но это, по словам Платона, божественное безумие, божественная одержимость.

Таким образом, рассмотренный нами феномен дает основание утверждать, что в своем выступлении, в часы сказания сказитель – манасчи, так же как и шаман в процессе камлания выступает в роли посредника, медиума, живой нитью связывающего два мира: здешний и потусторонний, выражая, тем самым, преемственную связь времен и поколений, прошлого и настоящего. Поэтому деятельность манасчи представляет собой постоянное балансирование между человеческим и природным, сознательным и бессознательным. Раздваиваясь между двумя мирами, он ни одному из них не принадлежит, он находится как бы на «ничейной земле», на зыбкой пространственно-временной границе, где сливаются два мира – мир предков и мир живых людей. Поэтому в часы сказания эпоса «Манас» порождается иллюзия объективности когда-то происшедших событий, о которых повествует манасчи через свое субъективное выражение. Следовательно, мы можем утверждать, что в моменты творчества манасчи в глубинных пластах его психики происходит процесс бессознательного воспроизведения в памяти коллективного опыта, прошлых событий, людей и героев, то есть тех архетипических образов, которые заложены в его памяти как слепки прошедшего опыта предков. Между тем во время своего выступления манасчи может оказывать сильное магическое воздействие на слушателей, что они одновременно с ним могут перенестись во вневременную плоскость, которая позволяет им приблизиться, говоря словами

М. Элиаде, в Великое, Священное время, недостижимого в условиях индивидуального и мирского состояния.

Итак, мы в ходе анализа выяснили, что с одной стороны, именно благодаря субъективному творчеству манасчи, которому дух Манаса дарит вдохновение и является питательной почвой его творческой энергии, воображения и импровизаторского мастерства, мы можем сегодня прислушаться к голосу наших предков и приобщиться к такому уникальному явлению как эпос «Манас». Именно через силу воображения и магию слова сказители всякий раз заново, на глазах у сородичей творили картину мира, создавали ощущение живого присутствия вызываемых к жизни объектов, людей и событий. Данный процесс не мог развиваться вне чувства сопереживания, «вчувствования», сотворчества между сказителем и многочисленной аудиторией слушателей. Поэтому, с другой стороны, эпос «Манас» – это коллективное творение кочевого сознания, духовное сокровище, завещанное нашими предками, в котором отразились вековые традиции и ценности, уникальность художественного мироощущения, символические образы и архетипы. В этом смысле сказитель-манасчи выступает одновременно, и выразителем «народного духа», живым воплощением архетипической памяти, и «избранником духа» со своей нелегкой судьбой.

Библиографический список

1. Ауэзов М. Киргизская народная героическая поэма «Манас» // Киргизский героический эпос «Манас». – М. : Изд-во АН СССР, 1961. – С. 14–84.
2. Басилов В. Н. Избранники духов. – М. : Наука, 1984.
3. Жирмунский В. М. Легенда о призвании певца // Сравнительное литературоведение: Восток и Запад. – Л. : Наука, 1979. – С. 397–407.
4. Кыдырбаева Р. З. Сказительное мастерство манасчи. – Ф. : Илим, 1984.
5. Радлов В. В. Предисловие к V тому «Образцов народной литературы северных тюркских племен», изданному в 1885 г. В С.-Петербурге // «Манас» – героический эпос киргизского народа. – Ф. : Илим, 1968. – С. 14–38.
6. Рахматуллин К. А. Творчество манасчи // «Манас» – героический эпос киргизского народа. – Ф. : Илим, 1968. – С. 75–103.
7. Сагалаев А. М., Октябрьская И. В. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Знак и ритуал. – Новосибирск : Наука, Сиб. отд., 1990. – 209 с.
8. Топоров В. Н. О некоторых предпосылках формирования категории посессивности // Славянское и балканское языкознание: Проблемы диалектологии. Категория посессивности. – М. : Наука, 1986. – С. 140–158.
9. Юнг К. Г. Об отношении аналитической психологии к поэтическому художественному творчеству // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв.: трактаты, статьи, эссе. – М. : Изд-во МГУ, 1987. – С. 214–231.
10. Юнг К. Г. Психология бессознательного. – М., 1994.
11. Юнг К. Г. Архетип и символ. – М. : Ренессанс, 1991.
12. Юнг К. Г. К феноменологии духа в сказке // Культурология. XX век. Антология. – М. : Юрист, 1995. – С. 331–378.

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ТВОРЧЕСКОГО СТИЛЯ М. КАЖЛАЕВА

Г. С. Юнусова
С. У. Ибрагимова

*Старший преподаватель,
студентка,
Дагестанский государственный
педагогический университет,
г. Махачкала, Республика Дагестан,
Россия*

Summary. The article considers the ethno-cultural identity of the creative style of the Dagestani composer Murad Kazhlaeva in terms of interaction ethnomusical complex pan-European traditions and musical expression. Marked dominant features of his work, stylistic features, genres, in the context of the Dagestani musical culture in the second half of the XX century.

Keywords: ethno-cultural identity; Dagestan music; folklore; genres; national culture.

Этническая история как один из факторов содержания этнической идентичности личности художника является определяющим для понимания его творчества.

Дагестан как этнокультурный регион представляет собой особый социокультурный ландшафт, в котором его многочисленные народности вошли в особый подтип этнонациональной общности. Уникальность многонациональной музыкальной культуры республики заключается в творениях выдающихся мастеров, опирающихся на глубочайшие пласты этнокультуры.

В истории российской музыкальной культуры XX века творчество одного из ярких композиторов Дагестана – Мурада Магомедовича Кажлаева – относится к тем знаковым именам, которые символизируют её достижения. Композитор, пианист, педагог, дирижер, выдающийся общественный деятель и музыкант-просветитель, М. Кажлаев вошел в историю дагестанской музыки как композитор, в творчестве которого получило претворение органическое соединение традиций этнокультурного искусства и достижений современного профессионального искусства. В беседах с корреспондентами, М. Кажлаев отмечал, что «композитору необходимо обладать искусством ювелира, способного раскрыть богатства народной песни, поднять её до уровня больших художественных обобщений» [3, с. 147].

Этнокультурная социализация дагестанского искусства в конце XX века была обусловлена интересом к национальной истории, духовному наследию; пристальным вниманием к сложным социальным и мировоззренческим проблемам современности, к психологическому и нравственному миру горцев. В этом получила отражение общая тенденция развития позднесоветской культуры – «поиск национального своеобразия внутри общей системы советской многонациональной музыкальной культуры» [1, с. 28].

Мурад Кажлаев, как и другие мастера культуры, стремился осмыслить жизнь сквозь призму исторического духовного опыта народа и осознать его этническую культуру как часть «большого» мира.

Анализ национальной сущности природы творчества Кажлаева следует рассматривать в процессе становления творческого стиля и музыкального языка будущего композитора.

Выпускник Бакинской консерватории по классу профессора Б. Зейдмана, Кажлаев переезжает в Дагестан, где сближается с молодыми дагестанскими композиторами – Г. Гасановым, С. Агабабовым, Н. Дагировым, С. Керимовым. В 1955 году став членом Союза композиторов СССР, Кажлаев знакомится с виднейшими композиторами страны разных поколений. Среди них: А. Хачатурян, Д. Кабалевский, Ю. Шапорин, В. Мурадели, В. Соловьев-Седой, А. Эшпай, Р. Щедрин, Д. Шостакович.

Это был потрясающий период в судьбе молодого талантливого композитора на пути к самовыражению и обретения признания. Этнонациональную идентичность мелодий и ритмов М. Кажлаева определила яркая, темпераментная, красочная музыка основных народностей Дагестана. Его мышление, музыкальный язык обогатились свежими мелодическими интонациями, национальными ритмами, терпкими созвучиями народного инструментализма.

Ключевой идеей понимания процесса этнокультурной принадлежности личности художника, является идея синтеза взаимоотношений музыки коренных народностей Дагестана, и достижений творчества российских и западно-европейских композиторов.

Интонации дагестанского этномызыкального фольклора, соединяются в его сочинениях с острыми джазовыми красками и строгой логикой баховской полифонии. В его гармониях несложно уловить отзвуки творчества Дебюсси и Равеля, в манере развития симфонического повествования несомненны воздействия Кара Караева и Шостаковича. Композитор блестяще проявляет себя в самых различных жанрах от инструментальной миниатюры до произведений крупной формы.

Композитор, с чутко развитым симфоническим мышлением, насыщает свои произведения острыми и сложными звучаниями современного оркестра, с его напряженной динамикой, гармонией, тембрами и яркими контрастами.

Особенным колоритом отличается ритмическая сторона музыки Кажлаева, истоки которой также коренятся в фольклоре. Ритм, организующе активный и жизнерадостный, проникает во все клетки его музыкальной ткани.

Творчество композитора жанрово многообразно, список сочинений М. Кажлаева безграничен. Это – симфонические, вокально-симфонические произведения, произведения для струнного и духового оркестров, для музыкального театра, камерная музыка, инструментальные концерты, джазо-

вая, танцевальная музыка, легкая оркестровая музыка, музыка к кинофильмам, музыка к драматическим спектаклям и цирку. Особенно ярко этнокультурная идентификация композиторского творчества М. Кажлаева проявилась в жанре музыкального театра (балет «Горянка», ревю «Миллион новобрачных», оперетта «Валида»).

Благодаря обращению, в частности, в балете «Горянка» к обширным этнокультурным элементам, влияющих на точность создания художественного замысла, автор создает характерные звучания народного быта, обрядов, персонажей из народа. Так, например, сцена свадебного обряда (2 действие) насыщена мелодиями и ритмами разных народов Дагестана: аварский танец стариков и старух, акушинский – танец с бурками, лезгинский – «Касумкентские барабанщики», лезгинка девушек, даргинский танец кунаков, кумыкский танец девушек. В народном творчестве почерпнул композитор и ритмоинтонации рожковых наигрышей, танцевальных мелодий, ладовые обороты с четвертой повышенной и седьмой пониженной ступенями мажора, фигурированные органые пункты и «барабанные» бабы, квартовые гармонии и многое другое.

Углубленный интерес автора к истокам национального фольклора определил характер многочисленных инструментальных произведений композитора, таких как, Концертная лезгинка, «Восточная баллада», Симфоническая картина «Дагестан»; концертные пьесы «Голос Дагестана», «Снова в горы», «Пьесы на дагестанские народные темы» и многие другие.

Синтез современных средств музыкальной выразительности с национальной основой музыки определил творческий стиль композитора, в котором национально окрашенный тематизм служит объединяющим началом ладогармонических структур, темброво-фактурных средств и не только в силу мастерского владения композиторской техникой, но и вследствие рационального профессионального подхода к изучению этнокультурных вопросов современной музыки

По творчеству и многогранной деятельности композитора отчетливо ясно, насколько цельное единство составляют Кажлаев – художник и Кажлаев – человек, и сколь полна не только музыка, но и личность композитора, страстной любви к своей Родине.

Эстетико-мировоззренческие возможности, как особая значимость самобытности опыта этнонациональной, исторической и эстетико-художественной традиции, и духовно-ценностные ориентиры в жизни дагестанских народов получили свое убедительное подтверждение в творчестве выдающегося дагестанского композитора М. Кажлаева.

Библиографический список

1. Абдулгамидова Н. А. Состояние и проблемы современной музыкальной культуры // Абдулгамидова Н. А. Вопросы развития культуры Дагестана в период 80–90-х годов (статьи, выступления, интервью). – Махачкала, 1988

2. Абдуллаева Э. Б. Дагестанское музыкальное искусство постсоветского времени: основные тенденции // Современное искусство Дагестана в контексте реалий новой России: Сборник научных статей / Сост. и отв. ред. А. Дж. Магомедов. – Махачкала, 2008.
3. Якубов М. А. Мурад Кажлаев. Страницы творческой биографии. – М. : «Эхо Кавказа», 2002.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ КОД ОБРЯДОВЫХ ПЕСЕН СЛАВЯН

Л. Ю. Черенкова

*Магистр,
Московский государственный
гуманитарный университет
им. М. А. Шолохова, пос. Нерастанное,
Московская область, Россия*

Summary. This article is devoted to the understanding of music and ritual songs code Slavs. Analyzes the main functions and characteristics of folk songs. Emphasizes the syncretic musical code.

Keywords: music code; ceremonial songs; culture of the Slavs.

Культура – это набор кодов, которые устанавливают человеку конкретный образ действий, демонстрируя, тем самым, управленческое влияние [1].

Народная культура славян всегда имела музыкальный, песенный характер, синкретичный с обрядовыми действиями. Все музыкальные элементы имели знаковую форму (мелодическая форма как базовая единица музыкального кода), которая хорошо понималась носителями традиции.

Музыкальный код (язык) – это своего рода музыкальная (песенная) *репрезентация*, то есть воспроизведение виденного, слышанного, прочувствованного человеком с вероятным преобразованием представляемого материала ввиду воздействия времени, состояния памяти, эмоционального расположения в момент первичного восприятия информации и других психологических и физических факторов, способных исказить поступающую в мозг человека информацию.

При помощи музыкального языка, как наиболее действенного с точки зрения славян, происходило общение с иным миром, с духами и предками.

Еще с древности во всех культурах шаманы, волхвы, жрецы знали силу воздействия звука не только на духов, но и на время и людей. Только владея определенными музыкальными кодами, они могли получать информацию с «того» света и воздействовать на него.

Музыка (и песня в частности) имела несколько функций [2]:

- 1) Упорядочивание и организация времени – при помощи музыкального кода происходит управление временем, изменение его хода.
- 2) Компрессия времени – сжатие его в одну точку.

3) Утверждение и поддержание социальной структуры общества, а также включение ее в космический порядок через уподобление стадий человеческой жизни этапам годового цикла.

4) Структурирование и организация пространства в зоне распространения звука – пение на высоком месте, над водой, в движении.

5) Продуцирующая функция, направленная на вызывание роста и созревания культурных растений.

6) Антропоическая (обереговая) функция.

7) Социально-регулирующая функция, направленная на утверждение социального статуса определенных лиц – величание молодоженов, осуждение не вступивших в брак на масленичной неделе.

Как отмечают многие исследователи, музыкальный код в силу своего синкретизма в древних культурах невозможно рассматривать вне связи с другими кодами, составляющие единую систему:

1) Словесный (вербальный) – реализуется в текстах;

2) Акциональный («язык» действий) – реализуется в ритуалах;

3) Временной – связан с восприятием периодов времени с позиций концепции существования двух миров (музыка – временное искусство);

4) Пространственный – связан с идеей двумирности;

5) Предметный – использует различные предметы как символы;

6) Растительный – связан с культом растений;

7) Акустический – включает в себя звуки природы и звуки, производимые человеком.

Также многими исследователями отмечался особый статус музыкантов-инструменталистов как людей, обладающих магическими функциями и способных своей игрой воздействовать на природу и людей. Исполняемая ими музыка, как и обрядовое пение, имела свои особенности [3]:

1) Узкий звуковой диапазон мелодии.

2) Гетерофонное многоголосие (иногда с элементами бурдона).

Гетерофония – многоголосие, образуемое подголосками вариантно-орнаментального или мелизматического типа к основному напеву (когда в одном или нескольких голосах происходят отступления от основного напева).

Бурдонное (волыночное) *пение* – пение на выдержанном (педальном) звуке. Ранняя форма многоголосия.

3) Особая манера звукоизвлечения и тембра – громким напряженным голосом, рассчитанным на максимальный охват открытого пространства.

В музыкальном коде традиционной народной культуры славян большое значение имеет пауза – то, что не сказано. Она-то, как часть музыкального кода, и создает возможность получения информации, а также организует определенное действие во времени.

Оппозиция звук/тишина в традиционной народной культуре славян является основополагающей для звукового кода. Тут следует отметить, что понятия абсолютной тишины у славян не существовало [4]. Как отмечает

О. А. Пашина, в традиционной культуре только обрядовое пение несет семантическую нагрузку, поэтому необрядовое пение, не несущее никакой информации для потусторонних сил, может расцениваться как тишина.

Каждое музыкальное произведение имеет свой собственный уникальный код, который, вместе с другими музыкальными произведениями, образует музыкальный код всей культуры в целом.

Библиографический список

1. Еникеева Д. Н. Культурология. Справочник. – М. : Феникс, 2008.
2. Народное музыкальное творчество / под ред. О. А. Пашиной. – С.-Пб, 2005. – 568 с.
3. Фиденко Ю. Л. Русский календарный обрядовый музыкальный фольклор: учебное пособие. – 2-е изд., дополнен. – Владивосток, 2014. – 33 с.
4. Цивьян Т. Оппозиция шум / тишина в ритуале // Фольклор: проблемы сохранения, изучения, пропаганды. Тезисы Всесоюзной научно-практической конференции. – М., 1988.

VIII. AESTHETIC CONSCIOUSNESS: ARCHETYPIC FUNDAMENTALS AND INNOVATIVE TENDENCIES OF ART

АРХЕТИП ГЕРОЯ В ТВОРЧЕСТВЕ А.Н.СКРЯБИНА

Е. Г. Плетухина

*Кандидат философских наук, доцент,
Институт искусств Саратовского госу-
дарственного университета
им. Н. Г. Чернышевского, г. Саратов,
Россия*

Summary. The article is devoted to the creative work of A. N. Scriabin. Presents a brief analysis of the manifestation of the archetype of the hero in the musical works of Scriabin: the First Symphony and the symphonic poem «Prometheus». The archetype of the hero in the conception of «Mystery».

Keywords: the art of music; the archetype of the hero; the philosophy of subjective idealism; A. N. Scriabin.

Наш гениальный соотечественник Александр Николаевич Скрябин жил на рубеже XIX–XX веков – в сложное время, предшествовавшее восстанию декабристов в России, Первой мировой войне, Революции 1917 года. Практически во всех произведениях Скрябина в той или иной степени проявляется архетип героя, но героем, строящим новый лучший мир и осуществляющим победу Света над силами тьмы, по его убеждению, может и должен стать каждый человек, и в первую очередь творец, служитель искусства. Слова композитора, которые часто приводятся в качестве эпиграфа ко всему его творчеству: «Иду сказать людям, что они сильны и могучи», – были рождены именно верой в людей, желанием и уверенностью в возможности помочь им стать счастливыми.

Первая симфония, написанная для хора, солистов и оркестра, обращенная ко «всем народам мира», воспевает искусство, преображающее людей, зовущее их совершать подвиги во имя высших идеалов. Герой симфонии – молодой композитор, который силой своего искусства стремится изменить мир. Поэтическим гимном искусству, написанным самим Александром Николаевичем, заканчивается симфония.

Скрябин серьезно интересовался философией. Согласно его субъективно-идеалистическим убеждениям, мир, который окружает человека, существует только в его сознании. Эти философские взгляды композитора повлияли и на его художественное творчество, являющееся для Скрябина созданием самого мира. Он был убежден в том, что любой человек по сво-

ей природе – свободная личность, способная преодолевать могучей волей горе и страдания.

Эти убеждения, соединившись с уверенностью композитора в могучей, изменяющей жизнь силе искусства, подвели Скрябина к замыслу, ставшему развитием идей финала Первой симфонии. Это была *«Мистерия»*, которая стала для Скрябина делом всей его жизни. Александр Николаевич был убежден, что на него, как и на всякого Художника, возложена миссия преобразования жизни на земле силой искусства. "Мистерия" виделась ему грандиозным синтезом искусств, неким совместным действием, в котором должно будет принять участие все человечество! Исполнение «Мистерии», по мысли Скрябина, повлечет за собой грандиозный мировой переворот и наступление Новой Светлой эры. И совершат этот переворот сами люди, участвующие в этом героическом действе.

Местом исполнения «Мистерии» Скрябину представлялась Индия. Действие будет происходить в храме «прозрачной текучей архитектуры» с колоннами из благовоний. Композитору виделось, что к световой симфонии присоединятся еще и «краски восхода и заката солнца», потому что «Мистерия» будет продолжаться семь дней. Правда, когда будет исполняться «Мистерия», само время ускорит свой бег и человечество за эту неделю переживет целые миллиарды лет.

Никогда еще ни у кого идея синтеза не достигала таких грандиозных масштабов как у Скрябина. «Вселенский размах» музыки Скрябина заключается в том, что она стремилась выйти и за пределы музыки, и за пределы искусства вообще, что было характерно для всех видов искусства начала века. Так идеи Александра Николаевича были созвучны представлениям А.Белого, который так же видел целью искусства «пересоздание человечества».

Еще одним ярким воплощением архетипа героя стала симфоническая поэма *«Прометей»*. Это произведение не является программным в полном смысле этого слова. Здесь нет иллюстрации сюжета греческого мифа, для Скрябина важна была сама идея подвига. В греческом мифе о Прометее, посмевавшем ради людей похитить у богов небесный огонь, воплощена сама идея дерзновенного подвига. Именно с «промеевским» началом для Скрябина было связано представление о беспрестанном стремлении к постоянной деятельности, к борьбе против застоя, к победе над самим собой, которым бала пронизана вся его жизнь.

Таким образом, на основе анализа некоторых произведений А. Н. Скрябина, мы можем сделать предположение, что потребность в героических архетипах-символах возникает, когда сознанию людей необходимо укрепление – например, когда рассудок не может самостоятельно решить какую-либо задачу, и нуждается в опоре на источники силы, находящиеся в подсознательной части разума. В данном случае на примере творчества Скрябина мы увидели, что героические образы выявились в русском искусстве как стремление помочь людям найти в себе силы не по-

никнуть духом перед теми трудными условиями, в которые их поставила жизнь.

ARCHETYPÁLNÍ V KULTUŘE A SYMBOLICKÉ V SOCIÁLNÍCH VZTAZÍCH

M. Sapík

*Doc. PhDr.,
Academia Rerum Civilium –
Vysoká škola politických a
společenských věd Kolín,
Česká republika*

Summary. The development of culture in relation to the company dates back to the ancient times. Culture forms the basis for civilization. Civilization currently has different aspects by which we can classify and evaluate. Each company creates symbolic manifestations of cultural heritage. Archetypal reflecting the fact that people in societies create and experience.

Keywords: culture; society; civilization; symbolic; knowledge; man; ancient; archetypal.

Vývoj a interpretace lidského dění a bytí má velmi rozsáhlý historický kontext a představuje hlubokou studnu poznání jedince a společnosti v různých dobách a v jednotlivých obdobích společenského vývoje. Klasickým příkladem jedné takové interpretace je pojetí kultury, které se stalo předlohou mnohých autorů a jejich opus. Stěžejní díla těchto autorů se stala na dlouhou dobu jediným a navíc teoretickým zdrojem informací a vědomostí z aspektu společenského a filosofického. Výjimečné pojetí kultury má své nezastupitelné místo v prostředí antického světa. I když se nedá přímo mluvit o tom, že by právě v tomto období vznikalo standardní pojetí kultury, tolik typické pro všechna další období. Pojetím kultury se zabývali antropologové, filosofové, sociologové, politologové, kulturologové aj. Interpretace kultury má a bude mít různé aspekty, které se stávají předmětem studia dotyčného odborného výkladu tohoto pojmu.

Tradiční kolébkou evropské kultury je starověké Řecko. «Když se řekne antický starověk, vybaví se starověké Řecko a starověký Řím v rámci jejich pětadvacet století trvající existence, tj. regionem Středomoří a Černomoří a s nimi sousedících zemí. Starověké Řecko je převážně chápáno jako jižní část Balkánského poloostrova. Kromě této pevninské části se však Řecko skládalo z ostrovů v Egejském a Iónském moři a ze západního pobřeží Malé Asie (dnešní Turecko). Specifikem řecké krajiny byly hory. Horské hřbety se táhnou od severu k jihu (Pindos – Parnásson). Na Peloponnésu se pak rozkládá ... vyvýšenina, která se na jihu rozvětňuje na dvě horská pásma: Parnón a Táygetos. Na severu, na hranici Makedonie a Thessalie, je nejvyšší pohoří Olympos (asi 3000 m)» [1, s. 6]. Místo, kde se zrodila tradice evropské kultury,

je spojená hned s několika významnými událostmi tehdejší doby, které ovšem mají přesah až do současnosti. Starověké Řecko a Řím jsou původní civilizační okruhy, které vytvořily základ moderního chápání kulturního pokroku a systematického řízení státu a společnosti. V těchto prostředích vzniká i tradiční pojetí společnosti, společenství, prvních sociálních útvarů, které se dále specifikují a zakládají tím dominantní model kultury a důkaz fungování civilizace s jejími technologickými úspěchy a institucemi řízení.

«Řecko bylo bohaté na horniny, jako je mramor a jiné nerosty (horský reliéf zaujímal více než dvě třetiny všeho území; jsou ostrovy, na kterých není voda). V Lakónii se těžila železná ruda, na Euboi a na Kypru měď, v Attice se zpracovávala stříbrná ruda. Nedaleko Attiky, v Korintu, v Bióti a na Euboi byla ložiska výborné hrnčířské hlíny. ... Obyvatelstvo Řecka nemluvalo jednotným jazykem, nýbrž několika příbuznými nářečmi (dialekty). Obvykle se rozlišují čtyři hlavní skupiny těchto nářečí: iónsko – attická, arkádo – kyperská, aiolská a západořecká čili dórská» [1, s. 7]. Řecká kultura se stala vzorem i pro dnešní dobu. Apriori nebyla zakládána tato kultura s cílem dosáhnout jejího maximálního rozvoje. Ba naopak. Společnost se v této tíživé době, kdy většina území byla stíhána válkami a neklidem, snažila především přežít a navíc se jí dařilo vytvořit takové hodnoty, které ovlivňovaly všechny následující kulturní okruhy, které se různým způsobem dostaly na řecká území. Řecko, jako kulturní okruh je země na jednu stranu velmi bohatá, na druhé straně reliéf země je převážně hornatý, což znesnadňovalo produkci a chov, tím i ztížené podmínky pro zajištění základních potravinových řetězců.

Po vypálení Atén Peršany na konci 5. stol. př. Kr.: «Začal se uskutečňovat grandiózní plán architektonické obrody Akropole. V čele této práce stál slavný sochař, Perikleův přítel, Feidiás. Právě on vytvořil dvě sochy Athény, Promachos a Parthenos. Spolu se svými žáky pracoval na výzdobě vlysu na Parthenónu. Kromě toho byl na Akropoli vybudován lehký a elegantní chrámek Athény Níké, nové Propylaje a dokonce i Erechtheion. Koncem 5. stol. př. Kr. zde vznikly nové búleutérion, stratégeion, sloupořadí (stoy) a kašny. Agora se stala střediskem městského obchodu. Velkolepost athénské Akropole vyjadřovala nádheru města, které usilovalo o slávu přední řecké metropole. Řečník Démosthenés právem řekl o uměleckých památkách Periklovy doby, že jsou tak nádherné a velkolepé, že se žádnému z potomků nepodaří je předstihnout. Vše zde bylo tak dokonalé, že žádný z vládců si nedovolil na Akropoli něco pozměnit. Není divu, že Athénám této doby se přezdívalo «Hellas Hellady» (řec. Hellados Hellas Athénai)» [2, s. 13]. V tomto ohledu vytvořila athénská společnost jedinečný úkaz, který se v celé lidské historii již neopakoval. Řekové byli několikrát pokořeni různými národy, ale podstatné je to, že hmotná kultura a dědictví předcházející doby zůstaly zachované po celé další generace. Původní plán obnovy Akropole se uskutečnil do největších detailů. I v tomto směru se Řekové, Řecko a řečtí stalo symbolem celého starověkého světa a rovněž doby moderní. Výjimečnost doby byla dána i tím, že řecká společnost

respektovala lidský život jako nejvyšší hodnotu a byla plně oddána řeckému polyteismu. Poslušnost nejen panovníkovi, ale i božstvu. To činilo zásadní rozdíl ve vývoji řecké a jiné starověké společnosti.

«Antickému myšlení bývá tradičně vytýkán ahistorismus. Skutečnost, že řecko – římskému starověku bylo historické myšlení cizí, bývá vyvozována z toho, že ve vědomí Řeků se prožitek minulosti měnil v mýtus, v přírodu, v nevyvíjející se, statickou přítomnost. Kosmos řeckého člověka byl obraz světa, který se nemění ani nevyvíjí, který je. Je statický a uzavřený, nezná dramatického napětí historického dění. Skutečnost, že Řekové poznali v babylonské a egyptské kultuře přesnou chronologii, kalendář, polaritu věčného a časného, nezměnila jejich přístup k dějinné reflexi» [3, s. 123]. Antický způsob myšlení řeší přítomnost, nezabývá se minulostí a neshlíží s úctou k budoucnosti. Tomuto významu odpovídá i skutečnost, že celá antika je spojena s mytologií. Mýtus slovem o slově popírá přítomnost a nezabývá se historismem a nehodnotí chronologii historických událostí v čase. Řecké myšlení má svá ohraničená specifika. Starověké myšlení je zaměřeno na přítomnost, kterou se snaží vyloučit omyl a nejasnost, které by mohly vzniknout na základě komparace a dalších metod užívaných v tehdejší době. Skutečnost se v řeckém myšlení uskutečňuje a nemění.

Na počátku 20. století vznikly akademické diskuse k problematice kultury a civilizace. Zajímavé byly různé pohledy a náměty, které byly zpracovávány v odborné a vědecké literatuře. «Dějiny jsou dějinami civilizací, vývoj lidstva si ani není možné představit jinak. V tomto příběhu vystupují celé generace civilizací, od starého Sumeru a Egypta přes antiku až po civilizace křesťanské, islámské a postupné výrazné projevy civilizací čínských a hinduistických. V dějinách byly civilizace vždy tím, s čím se lidé mohli nejsnadněji ztotožnit. I proto se příčinami, vznikem, vzestupem, vzájemnými vztahy, úspěchy, úpadkem a pádem jednotlivých civilizací zabývali významní historici, sociologové i antropologové, jako například Max Weber, Emile Durkheim, Oswald Spengler, Pitirim Sorokin, Arnold Toynbee, Alfred Weber, A. L. Kroeber, ...Výsledkem jejich práce je bohatá literatura na vysoké odborné úrovni zaměřená na srovnávací analýzu civilizací, literatura, která se vyznačuje rozdíly v perspektivě, metodologii, zaměření i pojmech» [4, s. 31]. Dějiny jako kontinuální sled civilizací s jejich osobitým vývojem v různých časových dobách a v odlišných lokacích jsou představeny v nejstarší starověké literatuře prostřednictvím klasických autorů. Počátky formování historické paměti jsou spojeny se vznikem nejstarších starověkých států jako např. Egypt, Mezopotámie, Egypt, Babylónie aj. Autoři počátku 20. století zásadním způsobem rozlišují civilizaci východní a západní a zavádí z různých důvodů další klasifikaci civilizací. Z počátku 20. století jsou známé badatelské pokusy autorů v oblasti antropologie, sociologie, historie a sociální filosofie, které byly zároveň prvními vědeckými pracemi teoretického rozsahu se zaměřením na kulturu a civilizaci. V těchto prvních dílech jsou použity i rozsáhlé práce s velmi

pečlivým užitím srovnávacích metodologických postupů a závěrů, které jsou adekvátní zaměření a pojmům, s nimiž autoři pracují ve vědecké práci.

S. Huntington píše, že: «... civilizace je určitou kulturní entitou, tedy alespoň mimo území Německa. Němečtí myslitelé devatenáctého století totiž důrazně rozlišovali mezi civilizací, do které spadala mechanika, technologie a hmotné faktory, a na druhé straně kulturou, která označovala hodnoty, ideály i vyšší intelektuální, umělecké a morální kvality společnosti. Civilizace a kultura se vztahují k celkovému způsobu života toho či onoho národa, civilizace je kultura ve velkém. ... pro Durkheima a Mausse je typem morálního prostředí obsahujícího jistý počet národů, jejichž jednotlivé národní kultury jsou pouze zvláštní formou kultury obecné. Podle Spenglera je civilizace nevyhnutelným osudem kultury, ... výsledek procesu» [4, s. 32 – 33]. V badatelské činnosti se výrazným způsobem projeví němečtí autoři. Právem v této souvislosti je uváděna souvislost s tzv. klasickou německou školou. Výrazným projevem byla skutečnost, že většina autorů odlišovala mezi pojmy kultura a civilizace. Typickým představitelem tohoto myšlení byl O. Spengler, který ve svém díle *Zánik západu* líčí fatální důsledky událostí po první světové válce pro Německo. Spengler uvádí, že nad kulturou a civilizací vládne osud. Kultura je postupný vývoj společnosti a zároveň dosahování úspěchů v různých oblastech společenského života a techniky. Kultury prochází vlastním vývojem, postupným zdokonalováním a pády ve vývoji. Civilizace je poslední fází ve vývoji kultury a předzvěstí pádu kultury a jejím zánikem. Spengler také rozlišuje osm kultur, které existují od samotného počátku vzniku společenských útvarů. Jejich odlišnost je dána územím a náboženskou příslušností. V zásadě dalším pokusem, který byl učiněn v této oblasti, bylo dílo A. J. Toynbeeho. Toynbee se ve *Studiu dějin* zabývá velmi zevrubnou klasifikací civilizací, kterých je podle něj 21 základních civilizačních okruhů. Už jenom tato skutečnost poukazuje na skutečnost, že jednotliví autoři dávají do kontextu různé aspekty analýzy pojmu civilizace. O tom vypovídá následující poznámka.

«Ve dvacátém století tedy vztahy mezi civilizacemi doznaly změn. Místo toho, aby jedna civilizace jednosměrně působila na všechny ostatní, dochází nyní k intenzivním, trvalým a mnohosemým interakcím mezi všemi civilizacemi. Pomalu se tedy začínají vytrácet oba faktory charakteristické pro první fázi mezicivilizačních vztahů. Za prvé, jak rádi zdůrazňují historici, západní expanze již skončila a naopak začala revolta proti Západu. Nezápadní společnosti již zdaleka nebyly pouhými objekty Západem tvořených dějin. Tyto společnosti hrají stále významnější roli a utvářejí nejen své vlastní dějiny, nýbrž i ty západní» [4, s. 47]. Původní rozdělení civilizací z hlediska místa a původu vzniku doznaly zásadních proměn. Civilizace nejsou chápány jako uzavřené celku vůči sobě navzájem, ale začínají mezi nimi fungovat vztahy vzájemné propojenosti a prvních interakcí v rámci sociálního a kulturního vlivu. Civilizační komparace řeší rovněž otázku společenské prestiže a priority v rámci mezinárodních vztahů. Je to období studeného soupeření mezi světovými

velmocemi a dokazování výjimečnosti jednoho kulturního celku nad druhým. Novým předmětem studia se stávají nezápadní země, které byly po dlouhá desetiletí objektem výzkumu západních badatelů a vědeckých týmů. Poprvé se tak nezápadní kultura dostává do popředí zájmu a vytváří samostatné výsledky individuálních pozorování z oblasti kulturní a sociální antropologie. Těmito výzkumy jsou ovlivněni i západní autoři. Odkrývá se tu velký prostor pro komparace a analýzy konkrétních subjektů. Z hlediska výsledků byli velmi překvapivě ovlivněni západní badatelé výstupy především orientálních kultur a civilizací Východu.

O tomto projevu nesnadného přístupu k podstatě člověka psal už M. Eliade: «Primitivní archaický člověk neuznává v dílčích projevech svého vědomého jednání žádný úkon, který dříve nepředvedl nebo nezažil někdo, kdo nebyl člověkem. Toto vědomé opakování určitých paradigmatických gest je projevem původní ontologie. Nezpracovaný produkt přírody či předmět upravený člověkem získává svou realitu, svou totožnost jedině potud, pokud se podílí na transcendentní realitě. Gesto nabývá smyslu, reality jedině a výlučně tehdy, když produkuje prvotní úkon» [5, s. 10]. Vezmeme-li v úvahu, že primitivní člověk je člověk bez písma, nezpracovává nic, co by nevycházelo z předchozí zkušenosti a v zásadě musí být vědomým aktem lidského bytí. Eliadeho filosofie dějin v podání vědomého opakování původních a nově koncipovaných projevů lidské existence má do jisté míry i vztah k diferencí mezi společnostmi a společenstvím. Eliade to nazývá projevem původní ontologie. To, že člověk je disponibilní proměna světového řádu je fakticky způsobeno i tím, že člověk je nadán inteligencí a podstata věcí spočívá v jejím naplňování.

«Obecně bychom mohli říci, že archaický svět nezná žádné profánní činnosti: každá činnost, která má určitý smysl – lov, rybolov, zemědělství, hry, konflikty – se nějakým způsobem podílejí na posvátném» [5, s. 25]. To, co bylo fakticky uvedené u starověku, že se nezabývá historicismem, ale staví do popředí otázku přítomnosti a prožívaného dějství na základě nutnosti a zachování lidského rodu. Archaický svět je do jisté míry závislý na otevřenosti vůči všemu, co je formované v závislosti na produkci, která má zabezpečovat základní funkce lidské společnosti. Eliade si v tomto ohledu všimá podstaty a rozdílnosti mezi symbolem a archetypem. «... předmět nebo úkon může být reálný, jen když napodobuje nebo opakuje archetyp. Reality se dosáhne výlučně opakováním nebo účastí; všechno to, co nemá exemplární vzor, je zbaveno smyslu, to znamená, že nemá realitu. Lidé by se tedy měli snažit, aby byli archetypní a paradigmatictí. Tato snaha může působit v jistém smyslu paradoxně, protože člověk tradičních kultur se pokládá za reálného jen tehdy, když přestává být sám sebou a spokojuje se napodobováním a opakováním gest nikoho jiného. Mohlo by se říci, že tato primitivní ontologie má platónskou strukturu a že Platón může být pokládán v tomto případě za filosofa primitivního myšlení par excellence, tzn. za myslitele, kterému se podařilo filosoficky valorizovat způsob existence a chování archaického lidstva. Platón tak má

velkou zásluhu, že se snažil teoreticky ospravedlnit tuto vizi archaického lidstva dialektickými prostředky, které mu poskytovala duchovní výzbroj jeho doby» [5, s. 29]. V archetypu můžeme vidět původnost, společný symbolický vzor, konkrétní vzorce a stěžejní abstrakce v podobě obrazů a idejí.

Lidé se od svého počátku existence snaží o zachování základních hodnot, které jsou důležité pro jejich život. Archetypální jako původní je možné označit snahu člověka o přežití, otázku zachování lidského rodu a vytvoření společenských podmínek života ve společnosti. Je známý fakt, že Řecko je v evropském kontextu považováno za počátek další etapy lidského myšlení. Smysl řečtví se stal symbolem platným pro další období vývoje v Evropě. Symbolické a archetypální můžeme pozorovat hned z několika aspektů, vždy se ovšem jedná už o zprostředkovaný pohled, kterým se badatel bude zabývat. V našem životě je symbolika běžnou součástí našeho dorozumívání a myšlení. Archetypálnost např. lidského myšlení můžeme vnímat jako původnost a samozřejmě jeho originalita. I pro další období zůstane důležitým projevem ve společnosti symbolika, která je rovněž zrcadlem kultury a úrovně sociálních vztahů.

Seznam použité literatury

1. Lisový I.: Významné osobnosti antického starověku. – FU OU v Ostravě, Ostrava 2007.
2. Lisový I.: Athény, neklidné srdce Hellady. – Ostrava: Vlastním nákladem, 2011.
3. Pešková J., Schücková, L.: Já, člověk ...SPN. – Praha 1991.
4. Huntington S. P.: Střet civilizací. Bój kultur a proměna světového řádu. – Praha : Rybka Publishers, 2001.
5. Eliade M. Mýtus o věčném návratu. – Praha : Oikoymenh, 1993.

АРХЕТИПЫ И ЭТНИЧЕСКИЕ СИМВОЛЫ В НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

Г. В. Сёмина

*Студентка 3-го курса,
Северо-Кавказский государственный
институт искусств, г. Нальчик,
Кабардино-Балкарская Республика,
Россия*

Summary. Any national culture is traditions of it own ethnical, archetypal images. It's necessary to revive interest in archetypal ideas in traditional culture. At this moment, the history of North Caucasus' nation have difficult period, that's why it needs to reveal art and culture of nation by understanding of traditional symbols, to prioritize and establish a system of development of human society in the future.

Keywords: national culture; archetypal representation; traditional symbols; spiritual space; ornament; simple motif; composition.

Любая культура – это, прежде всего, трансляция традиций со своими этническими корнями, в основе которых заложены архетипические образы. С помощью архетипа происходит образование личностных этнических стереотипов и определенного менталитета у представителей любого народа. В. Г. Крысько дает такое определение: «Социально-психологический (этнический) архетип – набор специфически направленных ценностных ориентаций и ожиданий представителей конкретных этнических общностей, вызывающих привычную для них гамму чувств и способов поведения, проявляемых при реакции на воздействия предметов и явлений окружающего мира» [1]. Социально-психологические архетипы связаны с историческим опытом и культурой. Они находятся на подсознательном уровне, так как передаются по наследству от поколения к поколению и помогают адаптироваться человеку в своем окружении, развивая при этом мировоззренческие установки.

Сохранение и выражение своего миропонимания, социально-исторических и художественно-эстетических взглядов в истории и культуре этноса происходит через такие архетипические формы как родной язык, фольклор и, конечно же, народное художественное творчество.

Сегодня в социокультурной деятельности стоит задача повышения духовно-нравственного потенциала через любовь к истории своего народа, приобщения к опыту прошлых эпох через свои этнические корни, через понятие символичности в искусстве своего региона.

Воспитание любви к народным традициям должно возрождаться через незаслуженно забытые обычаи, обряды и ритуалы, в которых необходимо искать те фундаментальные устои, которые помогут этносу выжить и набраться энергии для развития.

Культура каждого народа оставляет свой отпечаток в изделиях народного художественного творчества, как бы наполняя их духом самобытности. Это творчество – важный, неотъемлемый *элемент* культуры, через который прослеживается вся многовековая история народа. Например, *ковроделие* – это народный промысел, отличающийся очень яркой высокохудожественной многообразностью. Всегда, во все времена, ценилась оригинальность ручной работы, так как мастер вкладывал свою душу в создаваемое изделие. Перенявшие и сохранившие опыт и мастерство своих предков, они в домашних условиях создавали настоящие произведения искусства, ценившиеся очень высоко. В создании нового изделия обязательно использовались традиции предыдущих поколений со своими архетипическими представлениями, выраженными в орнаментаций изделий. Возникновение орнамента уходит корнями в глубокую древность – чело-

век на всех ступенях своего развития всегда стремился к эстетическому восприятию окружающих его предметов. С самого момента возникновения, он выполнял роль главного средства художественного оформления всех произведений народного художественного творчества и был всегда неразрывно связан с материалом, из которого выполнялось изделие, и с теми общими тенденциями в развитии этнического творчества, которые существовали в определенный временной отрезок. Все это проявлялось в композиционном построении орнамента, выражающем эстетическую сторону рисунка. Композиция – это, можно сказать, «язык» художественного произведения. Линия, пятно, точка, фактура, цвет – это все элементы орнаментальной композиции, выражающие эмоционально-смысловое и образное содержание. Композиционные мотивы брали из фауны, флоры или из геометрии. Из фауны мотивы заимствовали гораздо реже, что связано с трудностью художественной обработки, а также – запретами ислама на такие изображения. Орнаменты бывают геометрические, растительные и комбинированные. Геометрический орнамент сформировался на основе символов и мог состоять из точек, различных линий, кругов, ромбов, многогранников, звезд, крестов, спиралей. Первооснова практически любой геометрической формы – реально существующая форма, до предела обобщенная и упрощенная: круг – солнце; зигзаг – волна. Растительный орнамент – это наиболее часто встречающийся у всех народов архетип горы и «дерева жизни». В зигзаге – прообразе горы (кургана), символизировавшего подобие священных гор, с обитающими там богами и олицетворяющие связь «человек – бог», находит выражение архетип мировой горы – образа мира (мир людей и богов), выраженного в изделиях народного творчества у многих этносов. А, например, в одном из самых популярных символов на протяжении многих веков у балкарцев, мы видим древний знак мироздания – стилизованный квадрат, вписанный в круг, где центр выделен точкой, обозначающей в космологии – первопричину мира и его единичность, а в богословии – Божественную Силу творца, создавшую мир и управляющую им. Это знак отличия (в бою на щите, либо как подпись или обозначение территории), использовавшийся как тамга, печать или знак отличия предков. Такие космогонические символы говорят о представлениях мироустройства наших предков. Являясь связанным с архаической моделью мира, эти знаки считаются космологическими: бесконечный мир или Вселенную издревле олицетворял круг – символ святости и гармонии, а квадрат – землю, отражал горизонтальное деление пространства, обозначая четыре стороны света. Мы видим, что здесь архетип мирового дерева, который имея не только вертикальную, но и горизонтальную структуру, образует квадрат и обозначает четыре пространственных направления. Как совершенная фигура, квадрат – это символ целостности, абсолютного равенства, единообразия и порядка. Вся древняя культурная традиция балкарцев была связана с четырьмя элементами-стихиями, создавшими мир: это сти-

хии земли, воды, неба-воздуха и солнца-огня [4]. Все эти космогонические символы довольно популярны в орнаментации балкарских войлочных изделий и говорят о представлениях мироустройства их предков.

Все кавказские народы издревле занимались изготовлением войлочных изделий: вайнахи и кумыки предпочитали мозаичную технику, ногайцы выполняли узоры стежками, а балкарцы делали войлоки с двусторонне вваленным узором. Широко была известна аппликационная техника узора. На Северном Кавказе войлоки валяли женщины, катая его по земле руками, а в других районах валение было мужским делом, и его катали ногами. Изготовление войлочных ковров – *киййзов*, с определенной орнаментацией – это один из самых древних видов народных промыслов на Северном Кавказе, который сложился еще во времена их кочевого образа жизни, когда скотоводство было одним из главных занятий.

В народных промыслах Кавказа можно выделить три основных вида киййзов, рисунки которых создавались и видоизменялись из столетия в столетие и отличались большим совершенством и богатой орнаментацией. Творческая мысль мастеров дополняла и трактовала по своему вкусу широко известные ковровые орнаменты, отсюда и величайшее множество композиционных и орнаментальных решений. *Ала-киййиз* – это войлоки с двухсторонним валяным узором, отличающихся от односторонних войлоков многих народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. В основе композиционного орнамента – ромб, с вписанным в него еще другим ромбом или квадратом, или без них, который получил название «кёз», что в переводе означает «глаз». Ромбы, в сочетании черно-белого контраста на сером фоне, являются основным символом в мотивах балкарских ковров. «Киййиз кёз – глазчатая кошма – одна из самых популярных ковровых композиций в Балкарии и Карачае» [2].

Жыйгыч киййиз – аппликационный войлок, означающий в дословном переводе, «кошма для полок». Он имел как утилитарное, так и эстетическое назначение и использовался для накрывания длинных полок с одеждой и посудой. Их орнамент более разнообразен, хотя, композиционный узор более устойчив: крупные орнаментальные мотивы – тамги, идущие по краям войлока с обязательной горизонтальной вытянутостью. Тамги, вписанные в форму ромба или круг, образовывали сложные композиции с характерным ленточным орнаментальным типом в виде симметричной каймы, представляющей собой узорную полосу, которая обрамляла данную плоскость изделия. Нижняя сторона ковра обязательно украшалась бахромой.

Бичген-киййиз – это кошма с врезанным орнаментом, в переводе означающая «войлоки-мозаики». Их делали из двух войлоков разного цвета: в каждом вырезались совершенно одинаковые узоры, а затем один вшивался на место другого. Эту композицию, как правило, обрамлял другой тип ленточного орнамента – бордюр, имеющий ритмические повторы растительных элементов в две противоположные стороны, образуя при

этом орнаментальную полоску. Конечно, в настоящее время, функциональное использование войлочных изделий претерпело заметные изменения, но эти ковры, в которых узор является обязательным элементом украшения, существует не только как элемент быта, но и как элемент сознания человека, представляя сложный синтез духовного и материального.

Изучая промыслы Северного Кавказа, мы сразу же видим, что утилитарная роль войлочных ковров не является определяющей. Народные промыслы и культура этноса, неотделимые друг от друга, транслируются из поколения в поколение, выполняя роль передачи потомкам определенной информации о созданной материальной и социальной его культуре на разных исторических промежутках. Возрождая традиции, которые еще сохранились в народной памяти или в произведениях искусств, выражающих дух народа, его мировосприятие и этническое своеобразие, мы в итоге преодолеем существующую отстраненность от реальной действительности. Именно на современном этапе развития остро чувствуется всеобщая потребность, сначала в переосмыслении существующих духовных ценностей, а затем уже в получении необходимых знаний о своем культурном наследии. Но этот интерес к народной культуре не появится ниоткуда, его необходимо формировать на различных этапах развития, особенно у подрастающего поколения. Современное общество заинтересовано в формировании творческой, социально адаптированной личности, нуждается в инициативных, думающих людях, способных выполнять творчески любой вид деятельности. В связи с этим встают и новые задачи – развитие индивидуальности и повышение интеллектуального потенциала каждого члена общества через обращение к своим этнокультурным корням. Без этого всего невозможно представить сегодня развитие гармоничной творческой личности.

Библиографический список

1. Крысько В. Г. Этнопсихологический словарь. – М., 1999 – 343с.
2. Кузнецова А. Я. Народное искусство карачаевцев и балкарцев. – Нальчик : Эльбрус, 1982. – 65 с.
3. Лескова И. А. Лекции по курсу «Мировая художественная культура» : учеб. пособие. – Волгоград : Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. – 147 с.
4. Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. – М., 1994. – 302 с.

ФИЛОСОФСКИЕ КОНЦЕПЦИИ В МУЗЫКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Т. И. Чупахина

*Кандидат философских наук, доцент,
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского,
г. Омск, Россия*

Summary. In this article the author makes an attempt to address the fundamental ideas and values and attitudes of Russian musical culture of the Silver age. With positions axiological content analyzed the works of leading Russian composers: A. N. Scriabin, S. C. Rachmaninoff and others. Identified the fundamental setup of their creativity.

Keywords: Russian culture of the Silver age; the art of music; art; theocentrism.

Социально-философское осмысление русской музыкальной культуры Серебряного века представляется нам через обращение к такого рода фундаментальным проблемам, как национальное бытие, или же мировосприятие народа. Русская философия призвана рассматривать специфические грани музыкального искусства, рожденные и взращенные на русской почве, поскольку у нее были свои на то причины и исходные предпосылки в определении своего пути развития. Говоря иными словами, русская философия являет нам целый спектр социально-философских идей, многомерных взглядов и концепций, присутствующих во всем многообразии отечественной музыкальной культуры в контексте ее исторического развития.

Русский культурный Ренессанс создавался целым созвездием блестящих гуманистических имен – Н. А. Бердяевым, С. Н. Булгаковым, Д. С. Мережковским, С. Н. Трубецким, И. А. Ильиным, П. А. Флоренским и др. Ум, образованность, романтическая страстность были спутниками их трудов. Духовный Ренессанс в России или эпоха Серебряного века – период в русской культуре, создавший свою особую социокультурную среду, в которой вопросы философии, культуры, театра, музыки, поэзии обсуждались, становясь чертами сознания или форматом мышления. Русская религиозная философия, по сути своей, реакцией на негативные стороны рационалистического антропоцентризма Нового времени. Религиозно-философская мысль этого периода мучительно искала ответы на «больные вопросы» российской действительности, пытаясь соединить несоединимое – материальное и духовное, отрицание христианских догм и христианскую этику. Никогда еще философская мысль так непосредственно и глубоко не прорастала в русское искусство.

Эта философия представляла важным для себя, прежде всего, духовные качества человека, такие как: творчество, любовь, добро, благо. Смысл жизни им представлялся в отрицании Зла посредством творения Добра, которое, по мнению русских мыслителей, и было условием жизни на земле.

Человек интерпретировался ими как центр мироздания, но не противопоставлялся ему. Это была активная, созидающая сила, творящая самую себя, традиций в обществе. Реакцией на новые идеи в обществе, культуре, науке стали мощные потрясения в сфере монументальных жанров в музыке – опере, симфонии, камерном жанре. Именно поэтому в музыкально-инструментальных опусах XIX–XX столетий мы воочию убеждаемся в величии, грандиозности, четком сбалансировании в своих исходных и итоговых точках драматического действия, хорошо знакомого симфонического «героя» со времен Н. А. Римского-Корсакова, С. И. Танеева, С. В. Рахманинова, А. К. Глазунова, А. Н. Скрябина, М. К. Чюрлениса, Н. К. Метнера, А. К. Лядова, И. Ф. Стравинского, идущего и познающего, физические и духовные устремления, которого всегда согласованы с собственным разумом и совестью. Это было возрождение человека, деятельного начала в нем, его духовности, воли к жизни. Основными слагаемыми русской философии как культурно-исторической целостности на рубеже XIX–XX вв. явились: «спасение не от мира», а мира; категоризация «любви»; схождение ума в сердце; ценность и «смысл жизни», сращенность гносеологии и онтологии; исихазма; Личность и Личность соборная.

Для России во все времена было актуальным и жизненно важным, чтобы каждый индивид, живущий в обществе, осознал себя личностью человеческой в абсолютном значении этого слова и являлся частью русской нации. В этом контексте сугубо метафизическое звучание музыкальных произведений русских композиторов нуждается в особой интерпретации для демонстрации философского смысла, так естественно присутствующего на уровне чистой мысли.

Художники творили свои произведения с общечеловеческим содержанием, с гуманистической окраской, призывая мир к свету и свободе. Русской философской мысли XIX–XX вв. было очень важным представлять духовное как истинное бытие, поэтому вера в Бога, в силу цельного знания определяет порядок мироустройства в понимании русских композиторов.

В работе «Смысл истории» Н. А. Бердяев в 1923 г. напишет о том, что «в русской литературе всегда есть жажда выхода за пределы искусства, она «бессистемная философия» России. Подобные слова можно в полной уверенности отнести и к музыкальному искусству. Для религиозно-философского Ренессанса было особенно характерным «русское иночество», «монахи в миру», «человеко-боги». Это было важным побудительным внутренним мотивом для всей музыкальной философии и для композиторов эпохи русского Ренессанса. Столь уникального синтеза как: философия – музыка – литература не знала доселе мировая культура.

Другой мыслитель – Вяч. Иванов – поэт-символист, определивший направление философской русской мысли России и Европы, на заре XX века писал, что «искусство не подчинено никакой религиозной догме; наоборот, в процессе живого творчества создаются символы религий; и

только потом, умирая, они догматизируются. Религиозный смысл искусства эзотеричен: содержание искусства здесь – содержание преображенной жизни. К такой жизни искусство зовет» [1, с. 122–123]. Размышляя о природе творчества Вяч. Иванов отмечал: «Без внутреннего творчества жизнь религии сохранена быть не может, – она уже мертва. Творчество же религиозное есть тем самым и охранение религии, – если оно не выражается в творчестве суррогатов и подобий религии... Религия есть связь и знание реальностей [2, с. 253].

Согласно философской концепции Ильина, православная культура есть форма творческой реализации посредством сердца, совести и разума, своей иррациональной силой духа евангельской любви, смирения и готовности к страданиям противостоит побочному продукту созидательной энергии человека – культ утилитарного знания.

В арсенале русской музыкальной философии Серебряного века – органическое соединение правды-истины и правды творчества. Отсюда мы наблюдаем органику в русском музыкальном искусстве, где соединены вера и искусство, религиозное и этическое, светское и духовное начала.

Философская антропология А. Н. Скрябина родилась не без влияния научных поисков Н. А. Бердяева, которому была близка идея о человеке, о свободе духа. С точки зрения такого учения прогресс Человечества заключается в постепенном приближении к духовному началу, освобождения от власти материи (в религии – от власти к плоти) то есть «дематериализации». Философия Скрябина отразила родовые черты отечественного космизма. Представления человека о мире, в котором он живёт, и о Высшем мире, к которому надлежит стремиться, дают ему извне, свыше, в так называемом «внутреннем опыте». Рассуждения о внутреннем опыте широко открывали двери в мистицизм, который стал особенно модным в конце XIX – начале XX века. В одних случаях он венчал союз идеалистической философии и христианства, как у В. С. Соловьёва, Д. С. Мережковского, в других вёл к оккультным теориям, приукрашенным фантастикой.

Подходя к музыке с онтологической точки зрения, Скрябин имел в виду два вида музыки. Музыка универсума («музыка небесных сфер») и музыка человеческого бытия, через ритмичный, проявленный звук. Его музыка не «изобретается», не «выдумывается», а рождается и вырастает подобно живым существам в природе. Именно поэтому его музыкальное творчество следует рассматривать как космогонический и теогонический процессы.

Философией сердца (сердцеведением) можно назвать музыку С. В. Рахманинова, который в своих произведениях обобщил весь духовный опыт русского народа. Его крупным музыкальным полотнам (симфониям, операм, концертам) присущи софийные мотивы, интуитивизм как духовное созерцание, идея соборности, эсхатологизм. Вот почему, в силу своей духовности, музыку русского композитора С. В. Рахманинова по

праву можно считать источником жизненных сил национальной культуры, возрождением России.

Историософия и пристальное внимание к историческому прошлому прослеживается в оперном творчестве С. И. Танеева и Н. А. Римского-Корсакова.

Космоцентризм присутствует в произведениях А. Н. Скрябина, А. К. Лядова, И. Ф. Стравинского, раннего С. С. Прокофьева.

Теоцентризм в музыкально-философских опусах С. И. Танеева. «Тема спасения», рожденная русской религиозной философией проникает в музыкальные полотна А. Т. Гречанинова.

Фундаментальные философско-эстетические категории мы находим в лучших полотнах русских композиторов религиозно-духовного Ренессанса: Любовь, Добро, Вера, Красота, Истина, Гармония, Благо, ибо панморализм в русской философской мысли присутствовал изначально.

Итак, гениальность представителей Серебряного века в музыкальном искусстве неоспорима, ведь им удалось держать в едином поле философию и искусство, развивая при этом идеи эстетического и этического порядка, а затем преобразуя их в некий этико-эстетический синтез.

Основными чертами русской музыкальной мысли является ее онтологизм, где в центре внимания проблемы бытия, место человека в мире, пути достижения гармонии человека, природы и социума; антропоцентризм, обращенный к человеку и его внутреннему миру; экзистенциализм, выражающий идею духовной личности (индивида); антирационализм; вопрос о социальном идеале; гуманизм.

Современная социокультурная ситуация в России во многом схожа с ситуацией рубежа XIX–XX веков: поиск выхода из кризисного состояния общества, смена культурных парадигм, ценностных ориентаций, что и обуславливает необходимость аналитической актуализации наследия Золотого и Серебряного веков.

Русская музыкальная культура это не только наше достояние, но и жизненный ориентир, который позволит выйти из перипетии «кризиса очевидности», который мы наблюдаем в начале XXI века. За истекшее десятилетие, при всем многообразии и интенсивности развития отечественной музыкально-философской мысли, мы наблюдаем глубокое и кардинальное переосмысление оценок художественной жизни и русского музыкального искусства второй половины XIX – начала XX века.

Библиографический список

1. Бердяев Русская идея // Вопросы философии. – М., 1990. – № 2.
2. Иванов Вяч. Мысли о символизме // Родное и вселенское. – М., 1994. – 452 с.

IX. PHILOSOPHIC ISSUES OF SECURITY IN SOCIETY: POLITIC-IDEOLOGIC AND LEGAL FUNDAMENTALS

THE ROLE OF THE NATIONAL LEGAL SYSTEM IN ASSURANCE OF HUMAN RIGHTS AND LIBERTIES

B. M. Qandov

*Teacher,
Tashkent Irrigation and Melioration
Institute, Tashkent, Uzbekistan*

Summary. In this article globalization acts as a positive phenomena in possibility of complete realization of human rights and freedom, and it is expressed as a negative, contradictory phenomena in enrichment of national and legal system with norms, laws, and appropriate global changes.

Keywords: globalization; global world; human rights; international law; international global cooperation; global open society; right; national-legal system; legal value; legal culture.

Although globalization processes are realities related to assurance of universal legal values, they do not deny national right, but prevail through the national legal systems, objectify in a real entity. Therefore, in our opinion, study of the role of the national legal systems in globalization processes requires an attitude to a problem in a manner related to a certain national environment, legal values applicable in it.

In fact, there is a harmonicity between globalization and national-legal systems. This harmonicity is in proceeding of globalization processes and national legal systems from dependency of on the human and development interests. Occurrence of globalization processes as an expression of planetary, universal interests stands without saying, it does not rouse a protest, however national-legal systems do not always meet universal requirements. In this case, there would be no need to call it «national». So, based on what aspects and mechanisms of the national-legal system, do we say that it proceeds from human and development interests?

Firstly, national legal systems like universal legal norms serve to minimize violence, injustice. The social entity of the law is not aimed at strengthening of violence, injustice in the society, but, on the contrary, it is aimed at minimizing them.

Secondly, both globalization and national legal systems supports creativity in the humanity, society, people's, nations' initiatives, endeavors with respect to this. They form universal values, wealth through supporting modernization of the creative activity, society based on legal equality.

Thirdly, no national law does not exist «on its own account» and has not appeared from an absolute nowhere. Each national legal system has adopted some idea, norm from other legal systems. This cooperation, intimacy performs the task of «springboard» for future cooperation, intimacy. As a result, there is always an opportunity for expansion, development towards universal (international) legal values in each national legal system. And with development of the social legal framework, national legal norms expand, verge towards international legal norms or become more exact.

Fourthly, the law is a mechanism of society and state management, mending of interpersonal relations. The law grows from these relations, their requirements. While globalization is an exhibition of these relations on a planetary scale. Therefore, globalization processes, planetary interests, international and interstate integration needs determine the role of the law in the social entity. To be more exact, the law serves the interests of globalization.

Fifthly, both globalization and national legal systems are aimed at conservation, increase, protection of humanistic values. Globalization is a supporter of sooner establishing of humanistic values on a planetary scale, and national legal systems serve their establishing in a certain national cultural environment, a local area. However, global and local act as close realities as a matter of fact.

«The law system of any state, – writes Doctor in Law, Professor A. Saidov, –cannot be studied without connecting with other national legal systems and international law. Such a legal «triangle» serves as a general legal territory. In it, different normative legal documents interact, conflict and operate together. There is legitimacy and stability, contradictoriness and coincidence in such relations. General integration processes strengthening the cooperation in economic, social and other fields of the countries underlie in their basis»[8].

We will reason about «legitimateness and stability» noted by A. Saidov on this subject, «contradictoriness and coincidence» is not included in the objective of our research, studying them is a task of legal science.

«A national legal system is a social legal reality which has an internal law of a certain state, directly related to the state history, economic and political system, covering a legal system, legal ideology, legal relations, legal culture, legal practice and legal science, possessing singular applicable properties as well as in constant development» [5]. Scientists include firstly, legal norms, principles and institutions (normative aspect); secondly, body of legal organizations, legal practice (organizational aspect); thirdly, legal sights, ideas characteristic to a certain society, legal culture, body of legal ideology into a national legal system [7]. The international law is not mentioned in these descriptions. This does not lead to an idea that national legal systems have no relevance to the international law, but it means that it has turned into national legal wealth, norms, transforming as a part having an inviolable significance characteristic to universal legal values of the international law. Therefore,

national legal system include a complex of legal norms, institutions and ideas formed and applicable in the territory of a certain state.

The Uzbek national legal system is included into the Roman-Germanic legal family. This is evident in the following characteristics with respect to the human rights and liberties:

1. All the legal norms, laws are codified in Uzbekistan. Legislation being the main source of the law, is statutory instruments passed special organizations and institutions. Nowadays the Roman-Germanic legal system has become a global reality due to its spreading in the states of the Western part of European continent, Central and Southern America, Japan, South Korea, Indonesia, Thailand, many Asian countries, Africa, Middle East, Scandinavia, the Baltic and the CIS states. «And in the first place the Uzbek national legal system is characterized by its belonging to the zonal and Roman-Germanic legal family. A legislative provision put into a certain form and abstracted to a sufficient degree prevails other legal sources in this respect and there is a possibility of their complete replacement». However, notwithstanding the closeness of the legal sources system of Uzbekistan and European continent countries, it is natural that they differ in a number of aspects» [8, p. 373].

2. There is a basis of legislative provisions, legal sources and hierarchy relating them to each other. For example, the Uzbek national legal system's basis is formed by the Constitution of the Republic of Uzbekistan. Therefore, the constitutional aspects of the national legal system are shown in the following: Contains the constitution, laws and other legal documents; all statutory instruments having legal force are interrelated an hierarchic relevance has been established between them; the stability of the Constitution, laws in internal social-normative and legal systems has been ensured; establishing a conciliation commission to solve legal conflicts which may emerge among different statutory instruments, appeal to the Constitutional court, mechanisms for change or cancelation of legal documents are specified; the precedence of the rules, norms, principles of high renown of the international law from the national laws has been acknowledged [5, p. 17]. It can be seen that the national legal system is a system formed from the perspective of point of view of the external (international) and internal (national) legal normative provisions, laws

Globalization processes do not consist of only reflecting standards, norms of high renown of the international law in legal documents, but it is the result of implementation of certain international documents into a real life. Therefore, the Republic of Uzbekistan brings its all legal documents into compliance with the Universal Declaration of Human Rights, International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights, statutory documents of Organization for Security and Co-operation in Europe as well as other international Covenants by acceding to them, thus it has established the legal basis for assurance of the human rights. Through these documents, our Republic guarantees the protection of its citizens' human rights all over the world, their living, obtaining of the

education, conduct of activity as a free citizen, person. As a matter of fact, human rights being as a global reality is related to the acknowledgement of these legal documents by all states.

3. Personal right and liberties are considered as the main positions of human liberties, violation of these liberties by governmental agencies is not allowed. Being of subjective nature, these rights are exercised by persons independently. For example, according to Chapter VII of the Constitution of the Republic of Uzbekistan, personal rights and liberties include a person's right to life (article 24), right to liberty and security of person (article 25), presumption of innocence (article 26), right of privacy and privacy of home (article 27), right of migration (article 28), freedom of thought, speech and belief (article 29), the right of a citizen to get introduced with documents directly affecting his/her rights and interests (article 30), right of freedom of conscience (article 31).

These rights are wider than the national-legal system, are not dependent on which country the citizens belong to, they are considered to be norms and standards essentially having international (global) importance. Also, these human rights are inviolable, because they were designated in the Universal Declaration of human rights and the international pact of Citizenship and political rights. It is known that a person possesses his inviolable rights since his birth, prohibition and breaking of these rights is permitted neither in international law, nor in any national-legal system. It comes to light that national-legal systems' assurance of human rights and liberties serves to obtaining a global, planetary reality of human rights and liberties of national legal systems and the creation of a planetary social-legal site by all legal systems' provision and assurance of them. Herein, globalisation as a positive reality is observed to be urging national-legal systems to conform with universal legal values. If a global civil society is formed in the world [4], unification process of national-legal norms will take place. But, the occurrence of these processes in the nearest ten years, even in the nearest one or two centuries is a fairly difficult event to happen.

4. In Uzbek national-legal system political rights of a person are treated as the most important legal values and they are mentioned as an indicator of democratic development. Although politics and law are different realities, essentially they are close. «Since, right strengthens the bases of a society's life, social structure and order by law; and politics, in its turn, establishes right and is considered one of the means of fortifying it» [6]. Therefore, both in national-legal systems, in international legal norms and documents a notion «political right» is used.

«The objective essence of political rights of a person is denoted by the fact that they are not dependent on some or on a group of people's preferences. Political rights like other rights of a person are not an aggregate of measures brought from outside into society or introduced by any political strength.

Person's political rights are a set of arrangement and regulations which have a common essence. What it means is that political rights do not belong to only a separate nation or people, or to a particular race, these rights are associated to all nations, peoples and men belonging to various races» [1]. Participation of people in governance of society and state affairs, demonstrations and meetings, various political parties and non-state social organizations' activities are the events associated to political right. One can tell a thought about the provision of democratic values in a country according to the necessary opportunities created for the realisation of this political right into real life.

Chapter VIII of the Constitution of the Republic of Uzbekistan is devoted to political rights of people, and there are almost all of the political rights mentioned in international documents in it.

Political rights denoted in international documents such as «The World Declaration of Human Rights» adopted in 1948 by the United Nations' Main Assembly, «The Declaration of the rights of children» adopted in 1959, «The International Pact of Citizenship and political rights» adopted in 1966 prove that political rights of people have a global importance. That is why Uzbekistan considers the efforts of provision of political rights of people to be the factors of building a civil society and democratic legal state. I. A. Karimov made a special speech named «Uzbekistan is striving towards XXI century» in Uzbekistan Republic's Oliy Majlis's first summons' fourteenth session about it. «On the subject of the liberalization of political field: first of all, it is necessary to strengthen the population's political activity, develop strong mechanisms which provide a balance between benefits and conflicting strengths in society.

Democracy's most important principle is that it must create a genuine opportunity, lawful-legal ground for the provision of people's rights to vote, expressing their preferences freely, the realisation of their benefits and their protection» [4].

5. In national-legal systems an important attention is paid to a person's economic and social rights, because exactly these measures, norms fully describe an individual's status in society, his evidence as a human being. Globalisation includes social-economic relations, too, and is granting a universal essence and scale to interstate, international and intercultural relations.

While the Republic of Uzbekistan passes to market economy it reaches out towards using positive-constructive aspects of private property confessed on a global scale. Because market economy, fitting all-democratic principles, helps accomplish the following and provides:

- choosing an activity type freely;
- owning a private property;
- conducting economy independently;
- existence of free relations between a producer and a customer (consumer);
- conducting economic activity in cooperation with the world community;
- participating in the development of global economic relations;

- improving his material life.

Especially poverty and destitution today are serious obstacles to social development and full realisation of human rights. For instance, almost half of the world's population (2.8 billion people) get by for less than 2 US dollars, 20 percent (1.2 billion people) get by for even less than 1 US dollars every day. Most of the poor (552 million people) are from the Southern Asia region[8]. Therefore, United Nations is trying to bring about market democracy in them by using market economy mechanisms, especially by using economic freedom widely, not only by having countries to feed themselves, but by rich countries' support for poor, just-developing countries as well. Because «according to the signs of a free market all sellers and customers have same rights and opportunities. Nobody and nothing can prevent this. Hence, in a free market environment all consumers and producers are equal according to their conditions in market» [9, p. 67]. Along with this, as academician M. Sharifkhujiev demonstrates, «in spite of the fact that the model of free market economy looks so attractive, it can not solve a number of important problems. Specifically, preventing negative external factors, producing social goods, providing economy with a necessary amount of money and so on. State is obligated to interfere with market relations to reduce the inequality emerging because of negative external factors, since market is not able to settle these problems in its own sphere of possibilities... State's main principle in creating social goods is to ensure that social goods are equally related to all society's members» [9, p. 68]. So, Uzbek national-legal system is directed at increasing state's status and role, the support of its rational governance activity of social-economic relations during the process of passing to market economy. The conception «strong state» does not mean to turn state into a totalitarian governance institution, instead it does mean that state should originate all reforms. Because as the President of the Republic of Uzbekistan I. A. Karimov emphasized: «If there is no strong execution government nowadays, the most fair and the most wise laws and decrees might not be fulfilled, they would just be left on papers. This circumstance forces to strengthen the presidential government which is able to implement laws, protect the rights and liberties of citizens, conduct political and economic reforms» [3].

Abovementioned examples demonstrate that provision of human rights is one of the global problems, their solution is a requirement of universal development. Uzbekistan's national-legal system represents the norms of human rights indicated in international documents, and also, they are filled with the standards and norms which correspond to the benefits of our people and to the ideas of making our society more humanitarian. The most important thing is that uzbek national-legal system originates from democratic principles that are obtaining planetary importance, striving for demonstrating these principles as fully as possible, it considers realisation of human rights in a scale of international standards. «Establishing its national-legal system, young

independent Uzbekistan admits the primacy of international legal norms in its internal national laws. Our independent country while not losing its guise enters the world community, is ready to obey international requirements» [3]. And this proves that the Republic of Uzbekistan is ready to solve international problems regarding human rights and liberties, to collaborate with the world community and international organizations in this sphere. The analysis of the matter of an indissoluble connection of globalisation process with human rights is one of the main problems of legal philosophy, its social-philosophic study has a particular practical and scientific-theoretical importance.

Human rights and liberties are being recognized as realities having global importance as a sign of democratic development. However, in real life, objective and subjective barriers are remaining in the process of their realization. They include destitution, social-demographic and ecological problems, absence of production's modernization, various feuds and wars, terrorism, religious fanaticism, absence of enough conditions for little boys and girls to study at school.

Positive changes are being realized concerning the provision of human rights and liberties in Uzbekistan. The Republic of Uzbekistan has ratified more than 70 international documents in this field and is carrying out reforms regarding the formation of universal democratic values. According to the Constitution of the Republic of Uzbekistan, building a democratic legal state is a strategic purpose of our society. Moreover, our country, which is going along the national democratic development way, is aspiring to find solutions of problems that have global importance, to produce social, political, economic, cultural and legal mechanisms which are directed at solving those problems. These are forcing it to collaborate with the world community yet more widely, to contribute to the global development by deepening the integration.

Bibliography

1. Boboev H. B. Human rights. – T. : Uzbekistan, 1997. – p. 112.
2. Karimov I.A. The independence way: problems and plans // Uzbekistan: national independence, politics, ideology. Volume 1. – T. : Uzbekistan, 1996. – p. 15.
3. Karimov I.A. Uzbekistan's own independence and development way // Uzbekistan: national independence, economy, politics, ideology. Volume 1. – T. : Uzbekistan, 1996. – p. 51.
4. Karimov I. A. Uzbekistan is striving towards XXI century // We will build our future by our own hands. T. 7. – T. : Uzbekistan, 1999. – p. 308.
5. Khayotboev F. P. Formation of Uzbekistan's national legal system. The thesis work of Candidate of legal sciences ... Author's thesis. – T. : 2004. – P. 10.
6. Odilkoriev X. T., Gyoibnazarov Sh. G. Political culture: theoretical-comparative research. – T., 2004. – p. 104.
7. Protasov V. N. Theory of law and state. Issues of theory of law and state. – M. : Norma, 2001. – P. 251–252.
8. Saidov A. H. Modern basic legal systems. – T.: Adolat, 2004. – P. 387.

9. Sharifkhujaev M. The formulation of open civil society in Uzbekistan. – Т.: Sharq, 2003. – Р. 67–68.
10. Tursunov A. The provision of safety during globalisation process // Society and governance. – 2005. – №. 3. – р. 54
11. UN's Main secretary's speech. – 2003. – р. 12.

МОДЕРНИЗАЦИЯ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ КОНФЛИКТОГЕННЫХ ПРОЦЕССОВ В РЕГИОНАХ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА)

А. В. Смирнова

*Аспирант,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ,
филиал в г. Волгоград, Россия*

Summary. The article considers the problems of modernization in the regions of Russia, with the specificity of socio-cultural development: the regions of the North Caucasus. The author analyzes the main socio-economic indicators, quality of life, interaction between government and society, religious culture – all those aspects, which form the basis of social modernization of society. The basic obstacles to the modernization process in the study area and outlines ways to overcome them.

Keywords: modernization; civilization; socio-economic development; regional authorities; civil society; religious organizations.

Российская Федерация – исторически многонациональное государство, в ее состав входят не только региональные, но и национальные административные образования. В этих регионах вполне закономерно происходит своя специфическая реакция на внешние и внутренние вызовы современности, которых нет или которые не столь остры в других регионах. Совершенно иначе здесь могут выглядеть пути решения единых для всего российского общества задач социальной и политической модернизации, основой которых и одновременно инструментом является развитие демократических институтов, гражданского общества, повышение уровня самоорганизации и самоуправления. В настоящей статье хотелось бы остановиться на примере модернизации Северного Кавказа, который имеет свои специфические особенности. В культуре народов Северного Кавказа прослеживаются характерные черты арабского, иранского и тюркского влияния, а различные стороны ислама отражаются на формировании культурного ландшафта. Такие ученые, как Р. Г. Абдулатипов [1], Т. У. Кцоева [5], Б. Х. Бгажноков [3] придерживаются мнения, что за много веков проживания на одной территории разных этносов их взаимодействие, взаимопроникновение послужили возникновению и развитию уникальной кавказ-

ской цивилизации. Есть и противоположная точка зрения, что Кавказ – это не самостоятельный культурный феномен, а контактная зона между европейской и азиатской цивилизациями, поэтому ее уникальные черты являются лишь следствием их неоднозначного влияния. Эта точка зрения находит отражение в исследованиях Л. Н. Гумилева и В. В. Черноуса [8, с. 30]. В условиях горных ущелий, когда люди вынуждены были проживать малыми изолированными группами, была велика роль непосредственного общения [8, с. 16–18]. В этой ситуации особое значение приобретала роль старшего группы, клана, и других локальных социальных структур.

Политические элиты Северокавказских республик продолжают сохранять присущие менталитету горских народов черты, которые служат препятствием на пути формирования ценностей, институтов и отношений современного демократического общества: приверженность групповым, родственным, коллективистским и иерархическим интересам и ценностям. По большинству социально-экономических показателей республики Северного Кавказа демонстрируют существенное отставание, как от России в целом, так и от соседних регионов Юга России. Например, уровень регистрируемой безработицы на Северном Кавказе составляет 7,2 % от экономически активного населения (в среднем по стране – около 2 %). А по методологии Международной организации труда доля безработных в округе – 14,3 % (в среднем по России – 6,2 %) [Данные Росстата <http://www.gks.ru/>].

Виной тому ряд особенностей Северного Кавказа – здесь более высокие, чем в среднем по стране, показатели плотности населения, естественно-го прироста, много молодежи, преобладает сельский тип расселения.

Решение проблемы занятости на Северном Кавказе власти считают одной из приоритетных задач в регионе, поскольку отсутствие постоянной работы и стабильного заработка провоцирует рост социальной напряженности, создает питательную среду для экстремистских настроений. То есть экономическое положение Северокавказских республик весьма неустойчивое и серьезно зависит от средств федерального бюджета. Данное обстоятельство выступает тормозом для наращивания производственного потенциала, развития инфраструктуры, привлечения инвестиций и инноваций, освоения имеющихся природных ресурсов, развития рыночных институтов, структурной перестройки региональной экономики. По уровню ежемесячных среднедушевых доходов большинство субъектов Северного Кавказа находятся в конце списка субъектов Российской Федерации. Северный Кавказ является и самым беспокойным регионом РФ, где часто происходят преступления террористического характера [9, с. 139]. Решение социально-экономических и политических проблем региона, эффективная борьба с проявлениями терроризма и экстремизма невозможны без совместных и согласованных действий институтов власти и гражданского общества. Построение гражданского общества является одним из непре-

менных условий социальной модернизации. Важной характеристикой развитости гражданского общества является количество общественных организаций. Особенность формирования институтов гражданского общества на Северном Кавказе связана с доминированием ислама и традиционализма в жизни народов региона. В связи с тем, что религия играет такую важную роль в жизни северокавказского социума, религиозные организации выступают как один из основных институтов гражданского общества [7, с. 79–84]. Следует отметить огромную роль религиозных организаций в жизни региона. Поэтому важной задачей на современном этапе является развитие других видов гражданских объединений – социальных, экологических, правозащитных и других общественных организаций. На наш взгляд, в целях модернизации регионов России со сложным полиэтничным составом населения и преодоления их социокультурной обособленности необходимы определенные изменения в социальной сфере. В первую очередь это сокращение уровня безработицы и увеличения доходов населения, создание новых рабочих мест. В регионах Северного Кавказа следует более активно проводить пропаганду светских ценностей. Очевидно, что реформа власти руками исключительно самих представителей власти неэффективна, поэтому нужно искать новые формы и механизмы согласования интересов и действий власти и общества. Очевидно, что все эти проблемы в полиэтничных регионах России создают препятствия для модернизации общественной жизни.

Но, несмотря на все негативные процессы, сопровождающие социокультурную модернизацию, необходимость и неизбежность ее для полноценного развития народов и стран очевидны. И Кавказ не является исключением. Повышения качества жизни невозможно достигнуть без модернизации экономики, а для модернизации экономики необходимы современные социокультурные установки, зачастую противоречащие установкам традиционного общества. На смену традиционным связям должны придти корпоративные связи, человек XXI века должен быть мобильным, готовым к перемещениям на большие расстояния, отрыву от традиционной среды обитания, способным к быстрой адаптации в новой среде. В условиях многокультурной и поликонфессиональной России, успешное проведение культурной модернизации возможно только при учете региональной, социокультурной и экономической специфики, в то время как создание некой универсальной модели для всего этого пространства невозможно.

В случае Северного Кавказа необходима модель, предполагающая разумное сочетание «модерна» и «традиции», достижение баланса между ними. В противном случае вместо положительного эффекта модернизации мы получим маргинализацию общества. И если для прошедших индустриализацию урбанизированных регионов центральной России, использование западноевропейского опыта еще как-то возможно, то для Кавказа гораздо ближе модели модернизации Малайзии, Индии или Японии, которые

успешно вошли в список развитых стран, сумев при этом сохранить свои традиционные устои.

Библиографический список

1. Абдулатипов Р. Г. Кавказская цивилизация: самобытность и целостность // Научная мысль Кавказа. – 1995. – № 1.
2. Аствацатурова М. А., Тишков В. А., Хоперская Л. Л. Конфликтологические модели и мониторинг конфликтов в Северо-Кавказском регионе. – М., 2010.
3. Бгажноков Б. Х. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик, 1983.
4. Курбанова М. Сделать контроль действенным // Дагестанская правда. – 2011. – 22 апр.
5. Кцоева Т. У. Кавказский суперэтнос // Эхо Кавказа. 1994. – № 2.
6. Литвинова Т. Н. Региональные органы власти Северного Кавказа в контексте развития федеративных отношений в России // Власть. – 2013. – № 11.
7. Халидов Д. Гражданское общество на Северном Кавказе: мифы и реальность // Северный Кавказ. – 2010. – 22 февр.
8. Черноус В. В. Кавказ – контактная зона цивилизаций и культур // Научная мысль Кавказа. – 2000. – № 2.
9. Эмиров Э. Д. Религиозные объединения в условиях формирования гражданского общества в Республике Дагестан // Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Т. 1. – Махачкала, 2008.

X. TOLERANCE OF SPIRITUAL AND MORAL PROBLEMS OF SOCIETY

КУЛЬТУРА ТОЛЕРАНТНОСТИ КАК ОСНОВА СЕМЕЙНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

И. Г. Дорошина

*Кандидат психологических наук, доцент,
Генеральный директор
Научно-издательского центра
«Социосфера», г. Пенза, Россия*

Summary. The article is devoted to important factor of harmonious family relations – a culture of tolerance. The culture of tolerance is a complex concept and is determined by the quality of relationships such as love, respect, understanding, sincerity, caring, loyalty. In turn, the opposite qualities such as indifference, selfishness, lies, betrayal, treachery are very negatively on family relationships and can lead to family breakdown.

Keywords: culture of tolerance; family; love; respect; understanding; sincerity; care; loyalty.

Семья занимает главное место в жизни каждого человека, на протяжении всей жизни в ней накапливается осуществления таких чувств и качеств: любовь или равнодушие, поддержка или игнорирование, забота или пренебрежение. Можно утверждать, что только семья, в которой все члены находятся в тесном, дружеском взаимодействии, готовы понимать друг друга и поддерживать, уважают и интересуются друг другом, дает человеку ощущение психологического комфорта, защищенности, нужности и счастья.

Значимость влияния семьи на личность, сложность, многогранность и проблемность этого понятия обуславливают большое количество различных подходов к ее изучению. Понятие «семья» предназначено для характеристики сложной системы взаимоотношений супругов, их детей, других родственников.

Мы рассматриваем семью как общность людей, основанную на единой общесемейной деятельности, связанной узами супружества, родительства или родства, осуществляющую воспроизводство населения и преемственность семейных поколений, а также социализацию детей и поддержку своих членов. Любовь, уважение, взаимопомощь, сопереживание, поддержка и другие толерантные качества в полной мере проявляются в семейном кругу. Поддержание и укрепление семейных отношений чрезвычайно важно для развития социальной толерантности во всем обществе. Семья всегда подразумевает сосуществование близких родственников людей в тесном взаимодействии и взаимоотношении. В этом смысле культура то-

лерантности выступает залогом стабильности, справедливости и равенства в такой насыщенной системе взаимоотношений между людьми.

Важной психологической составляющей семьи являются супружеские отношения – система связей и контактов между супругами, основанная на браке и характеризующаяся наличием эмоциональной привязанности и доверия, взаимораскрытием внутреннего мира, отсутствием социальной маски поведения, снижением самоконтроля, раскованностью в контакте и т. д. В отличие от обычного сожительства именно супружеские отношения на брачной основе можно считать мощным базисом в построении здоровой семьи, основанной на равенстве, справедливости и взаимности между её членами.

В плане развития толерантной атмосферы в кругу семьи брачные отношения являются системообразующими для всех остальных внутрисемейных связей и выполнения членами семьи их функций. С этой точки зрения, супружеские отношения являются важным звеном всей системы взаимоотношений человека с окружающими, посредством которого он в процессе жизни приобретает необходимые качества терпимости и толерантности, а именно чувства взаимности, сопричастности, справедливости, вырабатывает навыки эмпатического слушания, уступки, сдерживания негативных эмоций и т. д.

Как было указано выше, основой здоровых, гармоничных семейных отношений можно считать культуру толерантности. Культура толерантности – понятие, означающее процесс выработки и формирования таких человеческих качеств, как открытость, искренность, честность, правдивость, уважение, снисходительность и т. п., а также поведение человека, социальной группы, слоя, народа, нации, общества в целом, основанное на них [2, с. 207]. Культура толерантности как особая форма проявления общей культуры человечества формируется и развивается в диалектической взаимосвязи с такими другими формами культуры, как духовная, нравственная, интеллектуальная, политическая, правовая, экономическая, семейно-бытовая, повседневная и т. д. В плане подчеркивания системы культуры толерантности высоких образцов поведения она, прежде всего, связана с культурой нравственной. Так, открытость, искренность, добродушие, благородство, милосердие и т. п. качества непосредственно характеризуют нравственную культуру. Невозможно представить полноценное проявление культуры толерантности в семье, быту, не учитывая её тесную связь с семейно-бытовой культурой. В современном мире в условиях правопорядка и законности нельзя постичь истинное место и роль других людей и групп, не зная их прав, обязанностей и свобод, зафиксированных законами. Это означает взаимодополняемость культуры толерантности и правовой культуры. Подобные рассуждения можно излагать и по поводу её взаимосвязи с другими формами общей культуры. Кроме этого, культура толерантности имеет сложную взаимосвязь с культурой общения и терпимости,

которые в действительности выступают как основные контуры общей схемы толерантности.

По мнению У. Р. Кушаева, «толерантность – это, прежде всего, осознанное отношение к действительности, это признание универсальных прав и свобод человека и практические действия, направленные на их укрепление» [1, с. 19].

Исходя из этого, следует утверждать, что культура толерантности, по своей сути, означает открытость и снисходительность к любому здоровому проявлению индивидуальности, возвышение чести и достоинства человека, уважение к различным методам и средствам, позволяющим реализовать человеку свою личность и индивидуальные черты.

Культура толерантности в семейных взаимоотношениях включает в себя следующие компоненты: любовь, взаимность, взаимоуважение, искренность, заботу, взаимопонимание, терпимость, преданность.

В рамках вопросов, связанных с семьей и стабильными семейными отношениями немаловажное место занимает такое мощное духовно-психологическое явление, как любовь. Любовь – в самом общем смысле – отношение к кому-либо или чему-либо как безусловно ценному, объединение и соединенность с кем (чем) воспринимается как благо, т. е. одна из высших ценностей [3]. Любовь связана с аттракцией в отношении объекта любви, симпатией в отношении его качеств, поступков, его личности и деятельности. Любовь, с точки зрения толерантных взаимоотношений между членами семьи, является своеобразным торжеством бескорыстных связей, которое позволяет обоим полностью раскрываться в чувствах и эмоциях, в поступках и действиях и во всех других аспектах совместной жизни.

Не менее важным чувством, необходимым для полноценной, духовной жизни членов семьи является взаимоуважение, которое представляет собой яркое проявление социальной толерантности, признак стабильных, морально-нравственных взаимоотношений, показатель уровня человечности и гуманности [2, с. 56]. Взаимоуважение как толерантный феномен, несомненно, способствует развитию других качеств терпимости, как справедливость, равенство, внимание, согласие, доверие и т. п. Взаимоуважение имеет общечеловеческий смысл и является одной из высших духовных ценностей. Немецкий философ И. Кант рассматривал уважение как основную норму человеческих отношений и считал, что только на основе уважения может появиться взаимопонимание. На самом деле, уважение – это необходимый моральный долг и верная нравственная позиция человека перед другими.

Взаимоуважение – результат воспитания. Склонности к уважению, пониманию близких и других людей с ранних лет присутствуют у всех, но достойное уважительное отношение к окружающим достигается посредством непрерывного систематического воспитательного процесса и этому способствует окружающая социальная среда. И этому во многом способ-

ствует семейная среда. Как говорил французский философ Рене Декарт: «Уважение других даёт повод к уважению самого себя».

Любовь и уважение невозможны без такого важного человеческого качества, как искренность, которое, в свою очередь, выражается в чистосердечном, откровенном и бескорыстном отношении человека и социальной группы с другими, возникает на эмоциональном уровне, подразумевает простодушие, характеризует справедливый подход к окружающим. Искренность проявляется в словах, поведении и поступках. Важной особенностью искренности является то, что она поддерживает успех в построении прочных взаимоотношений с другими. В плане развития культуры толерантности еще одной важной особенностью данного качества является то, что она поддерживает, сохраняет и способствует развитию множества других толерантных качеств у членов семьи и одновременно выступает как условие терпимых отношений.

Искренность близких людей влечет за собой доверие к ним. Доверие – психическое состояние, характеризующее определенный качественный уровень толерантных отношений между людьми. Доверие, как своеобразная открытость и доброжелательность контакта, подразумевает уверенность участника общения в надежности и порядочности других. Доверие является фундаментом, на основе которого формируются уникальные и неповторимые взаимоотношения. Оно не возникает в один момент, а складывается в процессе многочисленных ситуаций взаимодействия. Отсутствие доверия, сомнения, подозрения являются сильным препятствием на пути общего успеха. Взаимное доверие – необходимое условие гармоничных взаимоотношений, обеспечивает психологический комфорт, спокойствие и уверенность. Хотя полное взаимное доверие во всех вопросах очень сложно достичь, но стремление к этому является признаком толерантного человека.

Появление ребенка в семье обязательно сопровождается заботой о нем со стороны родителей. В правильной семье ее члены заботятся друг о друге на протяжении всей жизни и, особенно, в случае нездоровья или в старости. Отсюда вытекает еще одна важная составляющая культуры толерантности как забота, представляющая собой высокое качество социальной толерантности, проявляющееся во внимании, уважении, понимании, оказании помощи и поддержке родным и близким. В частности, действия и поступки заботливого отца, направленные на облегчение жизни супруги и детей, одновременно доставляют огромное душевное удовольствие и ему самому, вдохновляют его на новые добрые дела. В этом смысле забота выступает как приятные хлопоты настоящего семьянина. Забота есть веление души, проявление духовной потребности человека, один из главных смыслов толерантных взаимоотношений.

Забота непосредственно вытекает из таких человеческих качеств, как любовь, дружба, сострадание, сотрудничество, долг, совесть и т. п. Другими

словами, заботливость – залог воспитания в семье нравственного, культурного человека. Сопровождаясь добровольными действиями, направленными на облегчение трудностей в семейном кругу, на создание благоприятных бытовых условий жизни и содействие свершению добрых, благих дел, забота является одним из основных факторов, укрепляющих семейные узы.

Семья объединяет в себе людей разных поколений, разного характера, разного эмоционального склада, с разным мировоззрением и т.д., поэтому важнейшей основой семейных отношений является взаимопонимание.

Это универсальный компонент культуры толерантности, означающий чувство взаимности, основанное на познании смыслов и причин поведения участников взаимоотношений, подразумевающий адекватные реакции на конкретные поступки партнёра и готовность к осознанию ситуации. Как утверждают психологи, понимание – это способность постичь смысл и значение чего-либо и достигнутый благодаря этому результат, а также вызванное внешними или внутренними воздействиями специфическое состояние сознания, фиксируемое субъектом как уверенность в адекватности воссозданных представлений и содержания воздействий [4, с. 419].

В связи с этим, взаимопонимание является глубоким социально-психологическим феноменом, без которого невозможно представить стабильные, равномерные семейные связи. Бытие человека представляет собой совокупность интеллекта и души, поэтому понимание со стороны, извне является для него важной потребностью. У человека, лишённого понимания окружающих в жизненно важных вопросах, возникает состояние психической подавленности, отчуждённости, снижаются коммуникативные возможности, даже, несмотря на наличие у него высоких человеческих и профессиональных качеств. Иначе говоря, отсутствие понимания отдаляет человека от других.

Достижение полного взаимопонимания во всех вопросах невозможно. У людей могут быть схожие взгляды по тем или иным вопросам, при этом состояния взаимопонимания между ними может и не быть. Важным фактором достижения взаимопонимания является осознанный, активный образ жизни. Именно глубокая социализация, высокая мобильность членов семьи служат прочной основой формирования чувства взаимопонимания. С этой точки зрения, взаимопонимание имеет более универсальный характер по отношению к другим компонентам культуры толерантности. Так, взаимопонимание необходимо каждый день во всех формах и уровнях взаимодействия родных и близких. Даже наличие любви, дружбы и других высоких чувств между людьми обязательно требует взаимопонимания для их полной реализации. Исходя из этого, следует отметить, что взаимопонимание является важнейшим моментом в психологии семьи.

Наряду с взаимопониманием, необходимой составляющей семейных отношений является терпимость, признаваемая как одна из основных категорий философии толерантности, отражающая отношения человека, соци-

альной группы, слоя, народа, нации, государства к другим себе подобным общностям, основанные на понимании, уважении, согласии, сопричастности. Терпимость как важное человеческое качество, характеризует безупречное воспитание, высокую культуру, широкий кругозор и развитое мировоззрение личности. В семейных отношениях, данное качество подразумевает терпение, которое, в свою очередь, подчёркивает выносливость членов семьи в различных сложных, тяжёлых жизненных ситуациях и состояниях. Она может проявляться в отношении к действиям и поступкам родных, а также событиям и явлениям, связанных с ними.

Из-за индивидуальных, духовно-психологических, нравственных особенностей разные люди имеют разные уровни терпимости. Однако развитие взаимоотношений между людьми невозможно представить без этого необходимого в повседневной жизни качества. Хотя отдельные поступки и действия родных и близких в общем смысле могут соответствовать моральным, нравственным нормам, они не всегда бывают приятны и приемлемы. Тогда на первый план выходят терпимые качества человека, в противном случае, при открытом, дерзком проявлении своей антипатии взаимоотношения точно пострадают.

Говоря о составляющих культуры толерантности, нельзя не упомянуть такие факторы, наносящие невосполнимый урон семейным отношениям, как равнодушие, эгоизм, ложь, измена, предательство. Построение семейного очага предполагает постоянные действия, направленные на недопущение и полное искоренение этих нравственных пороков из семейной жизни, потому что они полностью противоречат истинной сути семьи как социального института.

Подводя итог, следует утверждать, что формирование культуры толерантности в семье сложный, но необходимый процесс, так как первичные навыки толерантного социального взаимодействия, полученные в семье, переносятся человеком и на общение с другими людьми, на построение полноценных взаимоотношений в социуме.

Библиографический список

1. Кушаев У. Р. Сущность и структура культуры толерантности // The culture of tolerance in the context of globalization: methodology of research, reality and prospect : materials of the international scientific conference on May 13–14, 2014. – Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2014. – 240 p.
2. Кушаев У. Р., Дорошина И. Г. Толерантность : энциклопедический словарь. – Пенза : Научно-издательский центр «Социосфера», 2014. – 484 с.
3. Новая философская энциклопедия / под редакцией В. С. Стёпина. В 4 тт. – М. : Мысль, 2001.
4. Словарь практического психолога / сост. С. Ю. Головин. – Минск: Харвест, 1998. – 800 с.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ И ПРОГРЕССА

К. С. Камиров

*Кандидат философских наук, доцент,
Ташкентский исламский университет
при Кабинете Министров
Республики Узбекистан
г. Ташкент, Узбекистан*

Summary. The article reveals the social foundations and mechanisms of development of tolerance relations. Through the prism of tolerance the structure of society and its constituent elements are analyzed. Scientific, ideological and international conditions of a culture of peace and tolerance are substantiated.

Keywords: society; social structure; tolerance; threats; violence; culture of peace.

Толерантность, прежде всего, означает уважительное отношение друг к другу и, самое главное, понимание друг друга.

Ислам Каримов

История показывает, что человечество во все периоды своей эволюции жило в условиях противостояний, конфликтов и кровавых войн. Сегодня все прекрасно осознают, что мировое сообщество – это один единый социальный организм и любое проявление насилия, агрессии и конфронтации в отдельно взятом обществе наносит урон целостности структуры этой глобальной системы. В этом смысле формирование толерантной атмосферы во всемирном масштабе выступает как единственный правильный путь решения острых проблем, стоящих перед всеми.

Достижение толерантности в обществе – очень сложный и противоречивый процесс, потому что оно состоит из социальных единств, которые не всегда имеют одинаковые интересы, ценности и нормы нравственного поведения. Нынешняя сложная структура общества тоже имеет свою длительную эволюцию. В частности, разделение труда на интеллектуальный от физический, также развитие имущественных отношений привели к становлению социальных слоев в обществе. В свою очередь, специализация промышленности на аграрную и индустриальную выступили предпосылками формирования особенностей образа жизни сельского и городского населения. В результате этнокультурного развития человечества появились племена, народности и национальности, что обеспечило сложную этническую структуру общества. С этой точки зрения, в общем смысле, толерантность означает позитивный характер взаимоотношений между различными группами общества.

Следует отметить, что внутри каждой социальной группы формирование толерантности имеет свои черты. Это подтверждают и такие понятия, как, например, этническая толерантность, религиозная толерантность и т. п. В этом отношении понятие толерантности в узком смысле означает характеристику взаимоотношений между социальными группами, слоями и классами. Кроме этого, в содержание этого термина входят правильное понимание, осознание и объективная оценка особенностей различных групп и слоев, а также практическая деятельность, основанная на них.

С развитием сфер деятельности социальная структура общества приобретает все более сложный характер. Это особенно заметно в период перехода с одной социально-экономической системы на другую, когда место и статус социальных групп в структуре может сильно поменяться.

Коренные социальные преобразования нередко выступают причиной возникновения вертикальной и горизонтальной мобильности социальных групп, как на межгрупповом уровне, так и внутри одной группы. Примечательно то, что такие изменения могут длиться в течение двух-трех поколений.

Серьезные изменения внутри социальной структуры, с одной стороны, могут привести к нестабильности в общественном сознании и в духовной жизни и, как следствие этого, интолерантности и нетерпимости. С другой стороны, они могут послужить мощным импульсом формирования качественно новых общественных отношений, основанных на социальном партнерстве и толерантности. Из истории известно, что сильное социальное расслоение общества создает условия для повышения уровня бедности, увеличения числа малообеспеченных людей, нарушения норм социальной справедливости, формирования разнообразных идей нетерпимости и насилия. В общем плане, социальное неравенство, пренебрежительное отношение к представителям иных групп и слоев, превалирование антагонизма в обществе являются яркими признаками негативного смысла общественных отношений [1, с. 16].

Сегодня мы проживаем в таких условиях, когда права и свободы человека провозглашены как общечеловеческие ценности и связанные с этим общепринятые положения закреплены в международных документах. В частности, «Всеобщая декларация прав человека» гласит:

- «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства.

- Каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными настоящей Декларацией, без какого бы то ни было различия, как-то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения.

- Кроме того, не должно проводиться никакого различия на основе политического, правового или международного статуса страны или

территории, к которой человек принадлежит, независимо от того, является ли эта территория независимой, подопечной, самоуправляющейся или как-либо иначе ограниченной в своем суверенитете.

- Каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность.
- Никто не должен содержаться в рабстве или в подневольном состоянии; рабство и работорговля запрещаются во всех их видах.
- Никто не должен подвергаться пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему его достоинство обращению и наказанию» [2].

Однако несмотря на это, нет серьезных оснований утверждать, что проблемы глобального уровня находят свои оптимальные решения на сегодняшний день. Так, согласно Докладу о Развитии человека ООН 2010 года «приблизительно 1,75 миллиарда человек живут в абсолютной бедности, имея недоступность в образовании, охране здоровье, и низком уровне жизни; 1,44 миллиарда человек из 6,9 миллиардов человек развивающихся стран живут на 1,25 \$ в день; 2.6 миллиарда человек, как оценивается, живут меньше чем на 2 \$ в день» [3].

Кроме того как сообщается в аналитическом материале: «За последнее десятилетие возросло число успешно осуществленных терактов. В 2011 году был успешно осуществлен 91 % терактов: по всему миру террористы осуществили 4564 нападения, жертвами которых стало 7473 человека, а 13961 получили ранения» [5].

Конечно, еще долго можно приводить мрачную статистику с весомыми цифрами по поводу разных конфликтов, разногласий и угроз. Все подобные сложности и потрясения несомненно имеют прямое отношение к вопросам развития культуры мира и толерантности. Для оптимального решения каждой из таких проблем могут выдвигаться множество вариантов политического, экономического и финансового плана. Однако культура толерантности выступает как единственно возможная морально-нравственная основа всех мер, предпринимаемых в данных направлениях.

Как утверждается в исследованиях, «культура толерантности по своей сути означает открытость и снисходительность к любому здоровому проявлению индивидуальности, возвышение чести и достоинства человека, уважение к различным методам и средствам, позволяющим реализовать человеку свою личность и индивидуальные черты» [4, с. 19].

С этой точки зрения в наши дни, когда все более сложный и острый характер приобретают проблемы, связанные с обеспечением мира и безопасности, культура толерантности является гарантом предотвращения разнообразных форм терпимости, насилия и террора. Культура толерантности как важнейшая ценность должна укрепиться в сердце каждого человека и искоренить нездоровое стремление разрушительных сил, потому что в условиях полиэтничности, поликонфессиональности, культурного и языкового разнообразия современного общества именно культура толе-

рантности является важным фактором здорового диалога между группами, спокойствия в обществе и его последовательного развития.

Библиографический список

1. Бағрикенглик – барқарорлик ва тараққиёт омили. / Масъул муҳ. А. Очилдиев. – Т. : «Тошкент ислом университети» нашриёт-матбаа бирлашмаси, 2007. – 124 б.
2. Всеобщая декларация прав человека. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.
3. Доклад о развитии человека 2010 года. URL: <http://www.un.org/ru/development/hdr/2010>.
4. Кушаев У. Р. Сущность и структура культуры толерантности // The culture of tolerance in a context of globalization: methodology of research, reality and prospect : materials of the international scientific conference on May 13–14, 2014. – Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ». – 240 p.
5. Российский совет по международным делам. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1781#top.

АРТ-МЕНЕДЖМЕНТ КАК МЕХАНИЗМ ТРАНСЛЯЦИИ ЭТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

С. В. Костылев

*Старший преподаватель,
Сибирский федеральный университет,
г. Красноярск, Россия*

Summary. The article considers the problem of the functioning and development of value orientations of students in terms of educational space. It examines the moral, vital, social, aesthetic value as an important component of professional culture of future specialists in the sphere of culture and art.

Keywords: moral philosophy; art management; value orientation.

Анализ сущности содержания, функциональных характеристик и основных направлений развития арт-менеджмента позволяет утверждать, что он направлен на создание благоприятных условий для формирования ценностных установок и ориентаций учащейся молодежи в различных сферах экономической, социальной, политической и духовно-культурной жизни.

Современное этическое пространство арт-менеджмента – это научно управляемая система формирования ценностных ориентаций учащейся молодежи, готовой к осознанной творческой деятельности во всех сферах современного производства.

Данная этическая сфера представляет собой органическую целостность, в которой сочетается *общее* (формирование ценностных ориентаций обучающихся учебных заведений), *особенное* (характерное только для

учебных заведений сферы культуры и искусства) и *единичное* (присущее отдельным образовательным учреждениям художественного профиля).

Важной составляющей социализации выступает этическое становление молодежи, поскольку необходимость формирования ценностных ориентаций декларируется во многих нормативных документах, программах, научных и популярных публикациях, посвященных проблеме ценностного самоопределения подрастающего поколения.

Основная цель этического воспитания состоит в формировании гуманистических ценностных ориентаций как предпочтений личности, заключающих в себе внутреннюю свободу и уважение к государственной власти, любовь к Родине и стремление к миру, чувство собственного достоинства и дисциплинированность, гармоническое проявление патриотических чувств и культуры межнационального общения [3, с. 23].

В контексте современного этического осмысления и анализа ценностных ориентаций характерно отсутствие единого общепризнанного научного определения понятия «ценность», что объясняется сложностью самого объекта исследования, а также различием подходов к данной проблеме. В философии данная категория рассматривалась со стороны аксиологии – как сущность и условие полноценного бытия объекта, в этике – как необходимый нравственный элемент в структуре личности, в культурологии – как ментальный и гносеологический компонент культуросодержащих форм и процессов.

Функционирование моральных ценностных ориентаций является существенным аспектом этического пространства арт-менеджмента, связанным с приобщением обучающихся к ценностям художественной культуры.

В Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России [2, с. 18–19] представлены базовые национальные ценности, хранимые в социально-исторических, культурных, семейных традициях многонационального народа России, передаваемые от поколения к поколению и обеспечивающие успешное развитие страны в современных условиях и представленные в таблице 1.

По своему этическому предназначению арт-менеджмент должен отвечать трём основным требованиям – формировать общественно и лично значимые морально-нравственные потребности, интересы, запросы и обеспечивать их удовлетворение в соответствии с социальными и культурными нормами; создавать условия для самореализации духовных сил личности и социальных общностей; обеспечивать воспроизводство культурного и этического потенциала [4, с. 18–19].

Базовые национальные ценности
(А. Я. Данилюк, А. М. Кондаков, В.А. Тишков)

Ценности	Содержание
Патриотизм	Любовь к России, к своему народу, к своей малой родине, служение Отечеству
Социальная солидарность	Свобода личная и национальная, доверие к людям, институтам государства и гражданского общества, справедливость, милосердие, честь, достоинство
Гражданственность	Служение Отечеству, правовое государство, гражданское общество, закон и правопорядок, поликультурный мир, свобода совести и вероисповедания
Семья	Любовь и верность, здоровье, достаток, уважение к родителям, забота о старших и младших, забота о продолжении рода
Труд и творчество	Уважение к труду, творчество и созидание, целеустремлённость и настойчивость
Наука	Ценность знания, стремление к истине, научная картина мира
Традиционные российские религии	Представления о вере, духовности, религиозной жизни человека, ценности религиозного мировоззрения, толерантности, формируемые на основе межконфессионального диалога
Искусство и литература	Красота, гармония, духовный мир человека, нравственный выбор, смысл жизни, эстетическое развитие, этическое развитие
Природа	Эволюция, родная земля, заповедная природа, планета земля, экологическое сознание
Человечество	Мир во всём мире, многообразие культур и народов, прогресс человечества, международное сотрудничество

В представленной типологии важное значение имеют моральные ценности, направленные на формирование духовно-нравственных идеалов и образцов на основе творческого освоения лучших традиций искусства, художественной культуры и практики.

В современных условиях важнейшими признаками гуманистической, аксиологической и этико-ориентированной образовательной системы являются:

– философия и идеология системы – совокупность идей, концепций, мировоззренческих установок, лежащих в основе социокультурного пространства;

– этические, антропологические и гуманистические цели образовательной системы, особенности процесса целеполагания, планирования, организации и управления; участие в этой деятельности педагогов, обучающихся, родителей.

- базовые и фундаментальные ценности, которые интегрируют разнообразную деятельность педагогических работников, учащуюся молодежь, их родителей в единый совместный творческий процесс;
- нравственные партнерские отношения между субъектами образовательной системы, способствующие утверждению позитивного взаимодействия с целью исключения конфронтации и агрессии;
- наличие чувства корпоративной общности и организационной культуры участников (обряды, нормы, ценности, традиции, ритуалы, знаки, символы и др.);
- арт-менеджмент социокультурного образовательного пространства (управленческие органы, принципы организации, функции и формы реализации).

Таким образом, целью арт-менеджмента в условиях социокультурного образовательного пространства является выявление и тиражирование актуальных педагогических, художественных технологий и образовательных ресурсов, инновационных методик и современных практик, обеспечивающих устойчивое функционирование и развитие профессионально-образовательной среды, направленной на формирование конкурентоспособных и высококвалифицированных специалистов.

Библиографический список

1. Бекузарова Н. В., Миронов А. Г. Особенности педагогической поддержки профессионального самоопределения старшеклассников в новой парадигме образования // Инновации в непрерывном образовании. – 2013. – Том 6–7. – С. 88–94.
2. Данилюк А. Я., Кондаков А. М., Тишков В. А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. – М. : Просвещение, 2009. – 24 с.
3. Коваленко В. М., Викторук Е. Н. Технологии формирования управленческих качеств и профессионально-этических компетенций в образовательном процессе // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. – 2013. – Т. 2. – № 2 (3). – С. 21–25.
4. Костылев С. В. Арт-менеджмент как комплексная система управленческой деятельности в области культуры, искусства и образования [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 1.
5. Костылев С. В. Институциональные основы арт-менеджмента в образовательной сфере профессиональной подготовки специалистов культурно-досуговой деятельности // Профессиональное самоопределение молодежи инновационного региона: проблемы и перспективы: сборник статей по материалам научно-практической конференции / под общей ред. Смоляниновой О. Г. – Красноярск, 2013. – С. 111–115.

ПРИНЦИПЫ ТЕОРИИ ТОЛЕРАНТНОСТИ

У. Р. Кушаев

*Кандидат философских наук,
старший научный сотрудник,
соискатель,
Ташкентский исламский университет
при Кабинете Министров
Республики Узбекистан
г. Ташкент, Узбекистан*

Summary. The article represents an attempt to justify the formation of now the methodological foundations of the theory of tolerance. A general description of trends in the development of modern philosophy of science is expounded. Individual points of view of scientists about the nature of the phenomenon of tolerance are critically analyzed. Author's definition of this category is suggested; a number of ideas related to tolerance, are nominated as the principles of the theory of tolerance.

Keywords: philosophy of tolerance; tolerance theory; principles of tolerance; Me and Others; The right to be different; Unity in diversity.

Философия как наука во все времена выполняет методологическую функцию по отношению к другим отраслям общественных наук. Каждый исторический период в силу глубоких и сильных преобразований в жизни общества характеризуется проявлением вечных философских проблем, обновленных по форме и содержанию. Благодаря усердию отзывчивых и талантливых философов выдвигаются конструктивные идеи, разрабатываются новые парадигмы, предъявляются эффективные пути и средства решения жизненно важных проблем. Разумеется, из-за объективных и субъективных причин не все философские взгляды и не всегда дают ожидаемые результаты. Однако, бесспорно и то, что развитие общефилософской мысли дает мощный импульс, служит прочной предпосылкой возникновению новых философских теорий, большинство которых на сегодняшний день выступают как относительно самостоятельная общественная наука.

Анализ показывает, что в рамках современной философской науки интенсивно и систематично развиваются исследования, посвященные проблеме толерантности. Так, за последние четверть века в бывших союзных республиках были защищены более 500 диссертаций по множеству гуманитарных наук, в которых раскрываются разные аспекты многогранного феномена толерантности. В связи с этим, естественно, непрерывно растет количество интерпретаций данного термина, расширяется предмет исследований. Разумеется, так и должно быть, ведь, разнообразие идей и взглядов, наличие альтернативных видений создает атмосферу плюрализма в науке, что является первичным условием развития философской мысли.

В рамках одной статьи практически невозможно проанализировать все существующие на сегодняшний день трактовки толерантности. Тем не

менее, считаем целесообразным обратить внимание на некоторые из них. В коллективной монографии толерантность определяется следующим образом: «Толерантность по своей сути социокультурное явление, включающее в себе знания и оценок по «иным» и «другим» ценностям, а также практическая деятельность, основанная на них» [2, с. 9.]. Данное рассуждение имеет общий характер, и, одновременно, нуждается в усовершенствовании. «Толерантность – четкое проявление уважения к различным взглядам, убеждениям, мировой культуре, восприятие общечеловеческих ценностей на основе терпимости, а также индивидуальности человека, направленная на проявление своей самости», – вот так пишет М. Хажиева [8, с. 5]. Это определение, с одной стороны, претендует на всесторонность, но, с другой стороны, заметно, что в нем нечетко соблюдается логическая последовательность в структуризации положений дефиниции.

Специалист И. Г. Арцыбашев в рассмотрении вопросов толерантности склоняется к такому подходу, который, по его мнению, характеризует критическим восприятием толерантности. И с этой точки зрения, понятие определяется таким образом: «проявление низкой социально-психологической чувствительности личности к «инаковости», вплоть до равнодушия; идеология, претендующая на роль универсального средства регулирования социокультурных отношений, удовлетворения духовных потребностей, основывающаяся на двойных стандартах, не приемлющая плюрализма во мнениях, формирующая в сознании индивида индифферентность к проявлениям безнравственности не совпадающая с этикой общечеловеческой солидарности; формальное отношение к другому субъекту, оцениваемому как неизбежное, но полезное «зло»; терпимость к другому, лишённую любви и сострадания; что-то среднее между полным принятием и гонением; относительная ценность, поскольку может представлять лишь внешнее проявление доброжелательности при смирении с поведением, убеждениями и ценностями других; понятие, не предполагающее четкой границы между добром и злом; путь к утрате элементов своей культурной самобытности» [1, с. 19]. Научная оценка ученого проявлений данного феномена с разных сторон заслуживает внимания, но, на наш взгляд, такая трактовка не соответствует истинной сути такого созидательного явления как толерантность, так как при таком подходе он представляется как некое состояние маргинальности в то время, когда всем известно, что толерантность – это бдительная, активная, целесообразная жизненная позиция.

Согласно, Н. Г. Степановой, толерантность – это «позитивная установка в общественном сознании, которая определяет продуктивно деятельный характер отношений между носителями различных культур» [6, с. 8]. Толерантность – громадный феномен, социальное явление, имеющее место во всех сферах жизни общества и на всех уровнях взаимоотношений субъектов. С этой точки зрения, по нашему мнению, неперспективно ин-

терпретировать толерантность как позитивную установку, которая имеет смысл исключительно между носителями разных культур.

Вызывает интерес мнение Е. Н. Третьяковой по данной проблеме. «Толерантность мы рассматриваем как духовно-нравственное качество личности, выраженное в принятии «другого» как личности, принятии его независимо от национальности, языка, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным организациям, социального, имущественного и должностного положения (социальные и культурные характеристики), а также возраста, состояния здоровья, пола, расы (антропологические характеристики)» [7, с. 4–5], – утверждает она. Здесь примечательно то, что ученый анализирует толерантность как моральное качество, как результат длительного и сложного воспитательного процесса и как основную характеристику личности. И этим автор хорошо раскрывает множество специфических черт толерантности.

Одно из следующих определений сформулировано так: «Толерантность есть естественная социокультурная норма, положительная установка индивида по отношению к окружающему его дифференцированному социуму, заключающаяся в конструктивно-доброжелательной оценке других и отказе от противостояния» [5, с. 16]. А в исследовании К. В. Василюк мы видим достаточно развернутый анализ толерантности. В частности, ученый предлагает разделить толерантность по типам: «первый тип можно назвать толерантностью чужого, второй – толерантностью развития, третий – толерантностью заимствования, а четвертый – предельной толерантностью». Развивая свою мысль, она утверждает, что «типология толерантности позволяет сформулировать упрощенную схему типов и высказать гипотезу, что переход от первого типа толерантности ко второму является универсальной предпосылкой разрешения конфликтов в существовании человека. Для обыденности этого достаточно» [3, с. 64].

Кроме вышеприведенных существуют еще сотни определений, каждое из которых можно и, когда целесообразно, нужно критически оценить. Однако, все они вместе рисуют общую картину современной теории толерантности и каждая из них проявляет те или иные неотъемлемые части общей истины толерантности.

Как следствие такой мощной тенденции в философской науке нами тоже было предложено определенное видение проблемы. В частности, в вышедшем в свет в 2014 году энциклопедическом словаре «Толерантность», нами была предложена следующая дефиниция понятия. «Толерантность – центральное понятие философии толерантности, отражающее открытые, искренние, бескорыстные, безвозмездные, беспристрастные отношения среди людей, социальных групп, народов, наций, государств и др. субъектов социальных взаимоотношений, основанные на внимании, уважении, дружбе, любви, снисходительности, сочувствии, солидарности, взаимном интересе, равноправии, справедливости, терпимости и др. высо-

ких нравственных качествах» [4, с. 403]. Кроме этого были использованы и проанализированы определенные выражения, которые, на наш взгляд, могут служить методологическими принципами философии толерантности. Остановимся на некоторых из них.

«Право быть иным» – принцип толерантности, означающий необходимость признания и уважения социальными субъектами индивидуальных, непохожих черт других людей, социальных групп, общностей, этносов, народов, государств и т. д. и терпимого отношения к ним. Это право созвучно естественному и позитивному праву. С этим принципом гармонично сочетается другой принцип толерантности «единство во многообразии», который означает действительное торжество соблюдения данного права. Принцип «право быть иным» включает в себя следующие основополагающие моменты:

- наличие необходимых условий для реализации своих творческих способностей;
- создание возможностей для самовыражения, самореализации;
- право на выражение альтернативных мнений, точек зрения и взглядов;
- способствование сосуществованию на равноправных и справедливых основах среди других рас, национальностей и народов носителей иных культур;
- поддержка и поощрение полноценного общения, диалога, контакта между разными людьми, группами, культурами;
- свободное пользование материальными и духовными благами наравне с другими независимо от пола, расы, религии, языка, культуры и социального происхождения и т. п.

Каждый человек с самого рождения представляет собой индивидуальность, уникальность, имеет особенные генетические, физиологические черты, унаследованные от своих предков и собственную, непохожую ни на кого душу. А в процессе становления личности, социализации наряду с общими для всех знаниями, умениями, навыками развивает имеющиеся и дополняет новые индивидуальные особенности, которые присущи только ему. Иначе говоря, социальное бытие человека в ходе жизни приобретает очень пёструю картину, но при этом представляет собой характеристику неповторимого человека. Объектом и субъектом принципа «право быть иным» выступают все социальные структуры, и такое право должно соблюдаться всеми социальными субъектами, только в этом случае можно говорить о толерантности и терпимости [4, с. 312–313].

Следующим принципом философии толерантности выступает идея «Я и Другой». Данный принцип означает подход в межличностных отношениях, складывающийся в процессе осознания индивидом своего места в системе социального взаимодействия, значимости и характерных черт, и связанное с этим понимание места, отличия и нравственно-культурных свойств другого, себе подобного человека. «Я и Другой» – это общая фор-

мула, позволяющая выявить объект толерантных, терпимых действий, поступков, подходов и отношений на межличностном уровне взаимодействия. В качестве «Другого» может выступить любой человек, который отличается чертами характера, особенностями поведения, полом, возрастом, расой, национальностью, религией, социальным происхождением и т. д.

Значимость данной схемы заключается в том, что осознание субъектом себя и «Другого» является начальным, основополагающим этапом формирования у него определённого отношения к окружающим людям. В этом смысле можно сказать, что момент возникновения такого состояния совпадает с моментом осознания индивидом своего «Я». Однако чёткое различие себя и других, разумеется, ещё не означает полного толерантного его отношения к другим. В этом определяющее значение приобретает уровень нравственной культуры и воспитания, социальная мобильность, активность и коммуникативные способности индивида. «Я и Другой» как синтез необходимых представлений, знаний и опыта предполагает определённый уровень общественного сознания индивида. Так, познание других, иных людей совершенствуется с развитием нравственного, эстетического, правового, политического, идеологического, экономического и т. п. форм сознания человека.

Кроме прочего, осознавая своё место и место «Другого» в определённой социальной среде, культурном пространстве и обществе в целом, человек начинает рационально понимать свою сопричастность к происходящим событиям вокруг него. Это, в свою очередь, способствует развитию чувств согласия, солидарности, сотрудничества, которые выступают залогом стабильных, терпимых и толерантных взаимоотношений между людьми [4, с. 474–475].

По нашему мнению, перспективно использовать в качестве принципа теории толерантности такую методологическую формулу как «Единство и многообразие культур».

Этот главный принцип философии толерантности означает, с одной стороны, культурную целостность, единство человечества, с другой стороны, его разнообразие в культурном плане. Демократия, обеспечение основных прав и свобод человека и другие принципы общечеловеческого характера дают новый импульс процессу этнического, национального самосознания, самовыражения народов мира. Учитывая то, что в настоящее время в мире насчитывается более 3000 этносов, народов и народностей, а число государств достигает чуть более 200, можно сказать, что этот процесс будет длительным и сложным, потому что народы мира находятся на разных уровнях своего развития и имеют разные возможности для формирования своих независимых государств.

Следует отметить, что национальные культуры составляют основу общечеловеческих ценностей. Однако при этом национальная культура не исчезает, а в рамках общечеловеческих ценностей проявляет себя ещё яр-

че. Всем известно, что если имеющийся на сегодняшний день ядерный арсенал государств мира будет применён, то его мощи теоретически хватит для уничтожения биосферы Земли несколько раз. Кроме этого, обострение нездоровыми в плане толерантности силами существующих этнических и религиозных разногласий и конфликтных ситуаций искусственным образом сделает бесполезными все усилия отдельно взятых народов и сотен международных организаций, направленные на обеспечение равноправия, справедливости и открытости во взаимоотношениях. Это говорит о том, осознание всеми культурами себя в качестве уникального проявления единой человеческой цивилизации детерминировано объективными и субъективными обстоятельствами.

Открытость, повышенное внимание к другим культурам, уважительное, терпимое отношение к ним – важные требования толерантной сферы мира сегодня. Внимательное изучение друг друга, налаживание взаимных контактов, направленных на партнёрство, сотрудничество способствуют сближению культурных ценностей, расширению процесса взаимодействия, взаимовлияния. Другого пути для мирного сосуществования кроме непрерывного повышения уровня культуры толерантности всех народов у человечества нет. В данном контексте смысл понятия культуры толерантности приравнивается к смыслу понятия культуры мира.

Интеграционные процессы, развитие средств массовой коммуникации, информационных технологий, с одной стороны, представляют собой сильный фактор тесного взаимовлияния культур мира, с другой стороны, они как возможность и ресурс используются в корыстных целях – провоцирование межнациональных, межрелигиозных конфликтов, использование этнических и религиозных факторов в осуществлении геополитических интересов и т. д. А современные реалии требуют от человечества развития терпимых взаимосвязей между разными культурами. Эти всевозможные удобные условия, ресурсы, достижения науки и техники должны использоваться в мирных целях – укреплять дружеские узы между народами и странами, разрабатывать новые эффективные механизмы межкультурного диалога, открывать новые пути к взаимообогащению культурных ценностей и, тем самым, расширять горизонты сферы толерантности в мировом масштабе.

Всё более глубоко должно осознаться то, что культура той или иной нации, национальности не может достичь прогресса без взаимодействия с общечеловеческими ценностями, с успехами мировой науки и техники. Сегодня социально-экономическое развитие, материальный и духовный прогресс всех народов и наций основывается на общесоциальной закономерности взаимодополнения и взаимообогащения. В этом плане, «единство и многообразие культур» выступает центральной категорией философии толерантности, которая представляет собой плодотворное сотрудни-

чество между людьми, народами, этносами на пути достижения общего культурного прогресса [4, с. 126–128].

Таким образом, вышеперечисленные принципы позволяют рассматривать и интерпретировать поведение социальных субъектов по отношению друг к другу с точки зрения толерантности, а также наиболее четко выявить объективные и субъективные оценки такого поведения со стороны различных общественных сил. Кроме этого, следует отметить, что принципы толерантности наиболее эффективны тогда, когда они будут взаимодействовать с новейшими парадигмами общей философской теории, формирование которых, несомненно, продиктовано острыми глобальными проблемами современности, среди которых вопросы, касающиеся теории толерантности занимают особое место.

Библиографический список

1. Арцыбашев И. Г. Ценностное содержание религиозной толерантности и веротерпимости: российский опыт. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Арцыбашев Игорь Григорьевич. – Екатеринбург, 2008. – 25 с.
2. Бағрикенглик – барқарорлик ва тараққиёт омили. / Масъул муҳ. А. Очилдиев. – Т. : «Тошкент ислом университети» нашриёт-матбаа бирлашмаси, 2007. – 124 б.
3. Василюк К. В. Толерантность в символическом потреблении. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Василюк, Ксения Викторовна. – Омск, 2014. – 179 с.
4. Кушаев У. Р., Дорошина И. Г. Толерантность : энциклопедический словарь. – Пенза : Научно-издательский центр «Социосфера», 2014. – 484 с.
5. Пуртова А. С. Особенности толерантности в обществе социального транзита. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Пуртова Анна Сергеевна. – Архангельск, 2012. – 28 с.
6. Степанова Н. Г. Межэтническая толерантность в современном российском обществе (социально-философский анализ). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Степанова Нина Геннадьевна. – Барнаул, 2008. – 18 с.
7. Третьякова Е. Н. Толерантность как духовно-нравственное качество личности: автореф. дис. ...канд. философских наук / Третьякова Елена Николаевна. – СПб, 2011. – 25 с.
8. Хажиева М. Ўзбекистонда толерантлик жараёни. – Тошкент : ABU MATBUOT-KONSALT, 2008. – 128 б.

МЫСЛИТЕЛИ О ПРАВСТВЕННОЙ СВОБОДЕ

Д. С. Рузматова

*Студентка,
Национальный университет
Узбекистана имени Мирзо Улугбека,
г. Ташкент, Узбекистан*

Summary. In article it is considered views of philosophical thinkers about freedom and need. Their views of specifics of development and tendency of this problem.

Keywords: freedom; need; opportunity; responsibility; moral choice.

Вопрос о свободе считается в философии одной из самых сложных проблем. В своё время Гегель отметил, что «свобода подобно своей идее многозначна, легко приводит к бесконечным недоразумениям и по этой причине нельзя с полной уверенностью сказать о другой идее, вбирающей в себя подобные недоразумения; редко можно судить о какой-либо идее, недостаточно поняв её» [1, с. 291].

Есть несколько аспектов понятия свободы: философский, социально-экономический, политический, правовой, психологический, эстетический, нравственный и т.д. Например, в общефилософском смысле, свобода выражает степень господства человека, основанного на знании закономерностей, над силами природы, общественными процессами и над собой. Нас интересует только один аспект данной общей проблемы – вопрос о нравственной свободе и её отношении к нравственной необходимости.

Понятие «свобода» и «нравственная свобода» взаимосвязаны как в общем, так и в частности. Если «свобода» выражает состояние общества, реальные условия, которые оно может дать личности для свободного раскрытия своих способностей, то «нравственная свобода» выражает внутреннее духовное состояние личности, понятие, принятие и добровольное подчинение личности нравственным требованиям в созданных обществом условиях. Проблема нравственной свободы личности может быть решена только с учётом ее общефилософских и социологических сторон.

Когда мы говорим «нравственная свобода», то в первую очередь должны понимать возможности и способности человека быть свободной и творческой личностью, проявлять свою человеческую сущность в нравственной деятельности. Нравственную свободу нельзя рассматривать в отрыве от нравственной необходимости. Под необходимостью в философии понимается развитие событий, неизбежно вытекаемых согласно внутренним объективным законам природы и общества. Нравственная необходимость – это система исторически необходимых, имеющих объективный характер, соответствующих социальным отношениям нравственных требований.

Нравственная свобода требует понятия личностью нравственной необходимости и приспособления к ней своей деятельности. В связи с этим важное значение имеет научное решение взаимоотношения свободы и необходимости. Нельзя говорить о нравственности, не указав на свободу воли во взаимоотношениях свободы и необходимости.

Проблема взаимоотношения объективных процессов социального прогресса (исторической необходимости) и свободы воли (субъективной деятельности людей в истории) в разные периоды интересовала представителей разных нравственных течений. Впервые вопросом свободы воли занялся древнегреческий философ Сократ. Свободу воли он понимал как обязанность человека устранять неразумные действия, мешающие ему идти по разумно выбранному пути, и как обеспечение победы разума над чувственными влечениями. По его мнению, свободы воли можно достичь путём умственного развития, в частности, путём овладения нравственными знаниями. Например, каждое достоинство состоит из знаний тех или иных видов. Мужество учит устранять боязнь, мудрость – соблюдать законы, воздержанность – не давать воли чувствам, справедливость – как осуществить благодеяние.

В философии Канта уделено много места вопросам свободы воли и ответственности. Он старался объединить свободу и необходимость. В истории этики Кант оставил след своей теорией о «нравственном законе», категорическом приказе – категорическом императиве. Кант требует от людей категорического соблюдения норм морали, анализа своей деятельности и поступков.

Он повторяет: «Жизнь восторгающегося собой человека, не анализирующего свою деятельность и не соблюдающего нормы морали, не имеет достоинства» [2, с. 224]. Потому что подчинение моральным законам является основным условием достижения личностью моральной зрелости и моральной свободы. О соблюдении моральных законов он отмечает, что для философов, всех людей и для всех времён, в любых ситуациях существует только одна мораль.

Спиноза отмечает отсутствие абсолютной свободы воли человека, что всё определяется острой необходимостью. «По-моему, свобода не в свободном решении..., а это свободная необходимость» [3, с. 155], – писал он, то есть свободного выбора не бывает без опоры на необходимость. Если определится необходимость, она превращается в свободу. Свобода – это выявленная необходимость. Если человек, осознав явления и склонности природы, найдёт в себе силы для господства над ними, он становится свободным. Свобода не отвергает необходимость, а необходимость не отрицает свободу. Великая заслуга мыслителя в признании этого.

Мыслитель, сказав, что свобода – это выявленная необходимость, понял, что процесс состоит из чистых наблюдений и её можно постичь только с помощью разума. «Я называю свободным того человека, который

руководствуется разумом» [3, с. 156], – говорит он. Волю он показывал одинаково с разумом. По мнению Спинозы, стремление к самозащите и стремление к своей выгоде приводит в движение поведение человека. Он признаёт, что воля всегда связана с мотивами, и считает, что свобода может иметь место в качестве поступка, основанного на познании необходимости. Мыслитель Востока Фараби и великий поэт и мыслитель Алишер Навои в своих произведениях возвеличивали нравственную свободу.

Таким образом, свободная моральная деятельность человека осуществляется только на основе познания необходимости. Необходимость не превращает личность в неживую куклу – она может поставить себя рабом обстоятельств или же может сознательно противопоставить себя им. Человек, знающий необходимость, действует в соответствии с ней – это его свобода. Он может не подчиняться осознанной необходимости и действовать против неё, а это – его самоуправство.

Библиографический список

1. Гегель. Сочинения.– Т. 3. – М. : Мысль, 1966.
2. Кант И. Лекции по этике / под ред. А. А.Гусейнова. – М. : Республика, 2000.
3. Спиноза Б. Избранные произведения в 2-х томах. – М. : Мысль, 1957.

**План международных конференций, проводимых вузами России,
Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Ирана,
Казахстана, Узбекистана и Чехии на базе
Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» в 2015 году**

25–26 марта 2015 г.

V международная научно-практическая конференция **«Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований»**
(К-03.25.15)

27–28 марта 2015 г.

II международная научно-практическая конференция **«Современные инфокоммуникационные и дистанционные технологии в образовательном пространстве»**
(К-03.27.15)

29–30 марта 2015 г.

III международная научно-практическая конференция **«Развитие личности: психологические основы и социальные условия»**
(К-03.29.15)

1–2 апреля 2015 г.

Международная научно-практическая конференция **«Формирование культуры самостоятельного мышления в образовательном процессе»**
(К-04.01.15)

5–6 апреля 2015 г.

V международная научно-практическая конференция **«Народы Евразии: история, культура и проблемы взаимодействия»**
(К-04.05.15)

7–8 апреля 2015 г.

Международная научно-практическая конференция **«Миграционная политика и социально-демографическое развитие стран мира»**
(К-04.07.15)

10–11 апреля 2015 г.

V международная научно-практическая конференция **«Проблемы и перспективы развития профессионального образования в XXI веке»**
(К-04.10.15)

15–16 апреля 2015 г.

V международная научно-практическая конференция **«Информационно-коммуникационное пространство и человек»**
(К-04.15.15)

18–19 апреля 2015 г.

II международная научно-практическая конференция **«Преемственность уровней образования: содержание, управление, мониторинг»**
(К-04.18.15)

20–21 апреля 2015 г.

Международная научно-практическая конференция **«Здоровье человека как проблема медицинских и социально-гуманитарных наук»**
(К-04.20.15)

22–23 апреля 2015 г.

III международная научно-практическая конференция **«Социально-культурные институты в современном мире»**
(К-04.22.15)

25–26 апреля 2015 г.

V международная научно-практическая конференция **«Детство, отрочество и юность в контексте научного знания»**
(К-04.25.15)

28–29 апреля 2015 г.

Международная научно-практическая конференция **«Культура, цивилизация, общество: парадигмы исследования и тенденции взаимодействия»**
(К-04.28.15)

2–3 мая 2015 г.

III международная научно-практическая конференция **«Современные технологии в системе дополнительного и профессионального образования»**
(К-05.02.15)

5–6 мая 2015 г.

VI международная научно-практическая конференция **«Теория и практика гендерных исследований в мировой науке»**
(К-05.05.15)

7–8 мая 2015 г.

Международная научно-практическая конференция **«Социосфера в современном мире: актуальные проблемы и аспекты гуманитарного осмысления»**
(К-05.07.15)

10–11 мая 2015 г.

III международная научно-практическая конференция **«Риски и безопасность в интенсивно меняющемся мире»**
(К-05.10.15)

13–14 мая 2015 г.

II международная научно-практическая конференция **«Культура толерантности в контексте процессов глобализации: методология исследования, реалии и перспективы»**
(К-05.13.15)

15–16 мая 2015 г.

VI международная научно-практическая конференция **«Психолого-педагогические проблемы личности и социального взаимодействия»**
(К-05.15.15)

20–21 мая 2015 г.

III международная научно-практическая конференция «**Текст. Производство.**

Читатель»

(К-05.20.15)

22–23 мая 2015 г.

II международная научно-практическая конференция «**Реклама**

в современном мире: история, теория и практика»

(К-05.22.15)

25–26 мая 2015 г.

V международная научно-практическая конференция «**Инновационные процессы в экономической, социальной и духовной сферах жизни общества»**

(К-05.25.15)

1–2 июня 2015 г.

IV международная научно-практическая конференция «**Социально-экономические проблемы современного общества»**

(К-06.01.15)

10–11 сентября 2015 г.

VI международная научно-практическая конференция «**Проблемы современного образования»**

(К-09.10.15)

15–16 сентября 2015 г.

V международная научно-практическая конференция «**Новые подходы в экономике и управлении»**

(К-09.15.15)

20–21 сентября 2015 г.

V международная научно-практическая конференция «**Традиционная и современная культура: история, актуальное положение и перспективы»**

(К-09.20.15)

25–26 сентября 2015 г.

III международная научно-практическая конференция «**Проблемы становления профессионала: теоретические принципы анализа и практические решения»**

(К-09.25.15)

28–29 сентября 2015 г.

III международная научно-практическая конференция «**Этнокультурная идентичность – фактор самосознания общества в условиях глобализации»**

(К-09.28.15)

1–2 октября 2015 г.

V международная научно-практическая конференция «**Иностранный язык в системе среднего и высшего образования»**

(К-10.01.15)

5–6 октября 2015 г.

VI международная научно-практическая конференция «**Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований**»
(К-10.05.15)

10–11 октября 2015 г.

II международная научно-практическая конференция «**Актуальные проблемы связей с общественностью**»
(К-10.10.15)

12–13 октября 2015 г.

Международная научно-практическая конференция «**Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития**»
(К-10.12.15)

13–14 октября 2015 г.

II международная научно-практическая конференция «**Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях**»
(К-10.13.15)

15–16 октября 2015 г.

V международная научно-практическая конференция «**Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия**»
(К-10.15.15)

20–21 октября 2015 г.

Международная научно-практическая конференция «**Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования**»
(К-10.20.15)

25–26 октября 2015 г.

V международная научно-практическая конференция «**Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов**»
(К-10.25.15)

1–2 ноября 2015 г.

V международная научно-практическая конференция «**Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия**»
(К-11.01.15)

3–4 ноября 2015 г.

Международная научно-практическая конференция «**Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования**»
(К-11.03.15)

5–6 ноября 2015 г.

II международная научно-практическая конференция «**Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы**»
(К-11.05.15)

15–16 ноября 2015 г.

III международная научно-практическая конференция **«Проблемы развития личности: многообразие подходов»**

(К-11.15.15)

20–21 ноября 2015 г.

V международная научно-практическая конференция **«Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования»**

(К-11.20.15)

25–26 ноября 2015 г.

IV международная научно-практическая конференция **«История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему»**

(К-11.25.15)

1–2 декабря 2015 г.

VI международная научно-практическая конференция **«Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях»**

(К-12.01.15)

3–14 декабря 2015 г.

III международная научно-практическая конференция **«Проблемы и перспективы развития экономики и управления»**

(К-12.03.15)

5–6 декабря 2015 г.

II международная научно-практическая конференция **«Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук»**

(К-12.05.15)

Plan of the international conferences organized by Universities of Russia, Armenia, Azerbaijan, Belarus, Bulgaria, Iran, Kazakhstan, Uzbekistan and the Czech Republic on the basis of Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» in 2015

March, 25–26, 2015.

VI international scientific conference **«Current issues of the theory and practice of philological researches»**

(К-03.25.15)

March, 27–28, 2015.

III international scientific conference **«Modern infocommunication and remote technologies in the educational space of school and higher education institution»**

(К-03.27.15)

March, 29–30, 2015.

III international scientific conference **«Personal development: psychological basis and social conditions»**

(К-03.29.15)

April, 1–2, 2015.

International scientific conference «**Building a culture of independent thinking in the educational process**»

(K-04.01.15)

April, 5–6, 2015.

V international scientific conference «**Peoples of Eurasia: history, culture and interaction problems**»

(K-04.05.15)

April, 7–8, 2015.

International scientific conference «**Migration policy and socio-demographic development of the world**»

(K-04.07.15)

April, 10–11, 2015.

V international scientific conference «**Problems and prospects of professional education in the 21st century**»

(K-04.10.15)

April, 15–16, 2015.

V international scientific conference «**Informative and communicative space and a person**»

(K-04.15.15)

April, 18–19, 2015.

II international scientific conference «**Continuity of education levels: contents, management, monitoring**»

(K-04.18.15)

April, 20–21, 2015.

International scientific conference «**Human health as an issue of medical and social sciences and humanities**»

(K-04.20.15)

April, 22–23, 2015.

III international scientific conference «**Social and cultural institutions in the modern world**»

(K-04.22.15)

April, 25–26, 2015.

V international scientific conference «**The childhood, adolescence and youth in a context of scientific knowledge**»

(K-04.25.15)

April, 28–29, 2015.

International scientific conference «**Culture, civilization and society: a paradigm of research and trends in interaction**»

(K-04.28.15)

May, 2–3, 2015.

III international scientific conference «**Modern technologies in system of additional and professional education**»

(K-05.02.15)

May, 5–6, 2015.

VI international scientific conference «**The theory and practice of gender researches in world science**»

(K-05.05.15)

May, 7–8, 2015.

international scientific conference «**Sociosphere in the modern world: current problems and aspects of humanitarian comprehension**»

(K-05.07.15)

May, 10–11, 2015.

III international scientific conference «**Risks and safety in rapidly changing world**»

(K-05.10.15)

May, 13–14, 2015.

II international scientific conference «**The culture of tolerance in a context of globalization: methodology of research, reality and prospect**»

(K-05.13.15)

May, 15–16, 2015.

VI international scientific conference «**Psycho-pedagogical problems of a personality and social interaction**»

(K-05.15.15)

May, 20–21, 2015.

III international scientific conference «**Text. Literary work. Reader**»

(K-05.20.15)

May, 22–23, 2015.

II international scientific conference «**Advertizing in the modern world: history, theory and practice**»

(K-05.22.15)

May, 25–26, 2015.

V international scientific conference «**Innovative processes in economic, social and spiritual spheres of life of society**»

(K-05.25.15)

June, 1–2, 2015.

IV international scientific conference «**Social and economic problems of modern society**»

(K-06.01.15)

September, 10–11, 2015.

VI international scientific conference «**Problems of modern education**»

(K-09.10.15)

September, 15–16, 2015.

V international scientific conference «**New approaches in economy and management**»
(K-09.15.15)

September, 20–21, 2015.

V international scientific conference «**Traditional and modern culture: history, actual situation, prospects**»
(K-09.20.15)

September, 25–26, 2015.

III international scientific conference «**Problems of formation of a professional: theoretical analysis principles and practical solutions**»
(K-09. 25.15)

September, 28–29, 2015.

III international scientific conference «**Ethnocultural identity as a strategic resource of consciousness of society in the conditions of globalization**»
(K-09.28.15)

October, 1–2, 2015.

V international scientific conference «**Foreign language in the system of secondary and higher education**»
(K-10.01.15)

October, 5–6, 2015

VI international scientific conference «**Family in a context of pedagogical, psychological and sociological researches**»
(K-10.05.15)

October, 10–11, 2015.

II international scientific conference «**Current issues of public relations**»
(K-10.10.15)

October, 12–13, 2015.

International scientific conference «**Computerisation of higher education: current situation and development prospects**»
(K-10.12.15)

October, 13–14, 2015.

III international scientific conference «**Purposes, tasks and values of education in modern conditions**»
(K-10.13.15)

October, 15–16, 2015.

V international scientific conference «**Personality, society, state, law: problems of correlation and interaction**»
(K-10.15.15)

October, 20–21, 2015.

International scientific conference «**Modern developmental psychology: main trends and prospects of research**»

(K-10.20.15)

October, 25–26, 2015.

V international scientific conference «**Socio-economic, sociopolitical and sociocultural development of regions**»

(K-10.25.15)

November, 1–2, 2015.

V international scientific conference «**Religion – science – society: problems and prospects of interaction**»

(K-11.01.15)

November, 3–4, 2015.

II international scientific conference «**Professionalism of a teacher in the information society: problems of formation and improvement**»

(K-11.03.15)

November, 5–6, 2015.

III international scientific conference «**Current issues of social researches and social work**»

(K-11.05.15)

November, 15–16, 2015.

III international scientific conference «**Problems of development of a personality**»

(K-11.15.15)

November, 20–21, 2015.

V international scientific conference «**Preparing a competitive specialist as a purpose of modern education**»

(K-11.20.15)

November, 25–26, 2015.

IV international scientific conference «**History, languages and cultures of the Slavic people: from origins to the future**»

(K-11.25.15)

December, 1–2, 2015.

VI international scientific conference «**Practice of communicative behavior in social and humanitarian researches**»

(K-12.01.15)

December, 3–4, 2015.

III international scientific conference «**Problems and prospects of development of economy and management**»

(K-12.03.15)

December, 5–6, 2015.

II international scientific conference «**Safety of a person and society**» (K-12.05.15)

ИНФОРМАЦИЯ О ЖУРНАЛАХ «СОЦИОСФЕРА» И «PARADIGMATA POZNÁNÍ»

Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера» (ISSN 2078-7081) публикует научные статьи и методические разработки занятий и дополнительных мероприятий по социально-гуманитарным дисциплинам для профессиональной и общеобразовательной школы. Тематика журнала охватывает широкий спектр проблем. Принимаются материалы по философии, социологии, истории, культурологии, искусствоведению, филологии, психологии, педагогике, праву, экономике и другим социально-гуманитарным направлениям.

Журнал приглашает к сотрудничеству российских и зарубежных авторов и принимает для опубликования материалы на русском и английском языках. Полнотекстовые версии всех номеров журнала размещаются на сайте НИЦ «Социосфера», а также на сайтах Электронной научной библиотеки и Directory of open access journals.

Содержание журнала включает следующие разделы:

- Наука.
- В помощь преподавателю.
- В помощь учителю.
- В помощь соискателю.

Периодичность выпуска – 4 раза в год (март, июнь, сентябрь, декабрь).

Главный редактор – Б. А. Дорошин, кандидат исторических наук, доцент.

Редакционная коллегия: Дорошина Илона Геннадьевна, кандидат психологических наук, доцент (ответственный за выпуск), Антипов Михаил Александрович, кандидат философских наук, доцент, Ефимова Диана Валерьевна, кандидат психологических наук, доцент, Саратовцева Надежда Валентиновна, кандидат педагогических наук, доцент.

Международный редакционный совет: Арабаджийски Николай, PhD., профессор (экономика – София, Болгария), Берберян Ася Суреновна, доктор психологических наук, профессор (Ереван, Армения), Большакова Алла Юрьевна, доктор филологических наук, (Москва, Россия), Волков Сергей Николаевич, доктор философских наук, профессор (Пенза, Россия), Голандам Араш Карим, доцент (филология – Решт, Иран), Гончаров Вадим Николаевич, доктор философских наук, доцент (Ставрополь, Россия), Гринин Леонид Ефимович, доктор философских наук, академик РАЕН (Волгоград, Россия), Исламов Захиджан Махмудович, доктор филологических наук, профессор (Ташкент, Узбекистан), Кашпарова Ева, PhD. (социология – Прага, Чехия), Кондрашин Виктор Викторович, доктор исторических наук, профессор (Пенза, Россия), Минияров Валерий Максимович, доктор педагогических наук, профессор (Самара, Россия), Мохначева Марина Петровна, доктор исторических наук, профессор (Москва, Россия), Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук, (г. Кызылорда, Казахстан), Сапик Мирослав, PhD., доцент (философия – Колин, Чехия), Сердобинцева Елена Николаевна, доктор филологических наук, профессор (Пенза, Россия), Танцошова Джудита, PhD. профессор (экономика – Братислава, Словакия), Христова Наталия Цветанова, PhD., профессор (история – София, Болгария), Хрусталькова Наталья Александровна, доктор педагогических наук, профессор (Пенза, Россия), Цибак Любош, PhD., MBA (экономика – Братислава, Словакия).

Чешский научный журнал «*Paradigmata poznání*» (Парадигмы познания) публикует научные статьи, теоретические обзоры и результаты эмпирических исследова-

ний, отзывы на книги, статьи, диссертации, рецензии, отчеты о научных мероприятиях по социально-гуманитарным, техническим и естественно-научным дисциплинам. Тематика журнала охватывает широкий спектр проблем.

Журнал приглашает к сотрудничеству российских и зарубежных авторов и принимает для опубликования материалы на чешском, английском и русском языках. Журнал «Социосфера» зарегистрирован Международным Центром ISSN (региональное отделение в г. Прага), ему присвоен номер ISSN 2336-2642. Полнотекстовые версии всех номеров журнала размещаются на сайте НИЦ «Социосфера» <http://sociosphere.com>, на сайте Электронной научной библиотеки по адресу <http://elibrary.ru>, а также на сайте Directory of open access journals по адресу <http://www.doaj.org>.

Содержание журнала включает следующие разделы:

- Теория и анализ.
- Эмпирические и прикладные исследования.
- Обзоры, рецензии и отзывы.
- Научная жизнь.

Периодичность выпуска – 4 номера в год (февраль, май, август, ноябрь).

Главный редактор – Дорошина Илона Геннадьевна,
кандидат психологических наук, доцент,
заместитель главного редактора – **Кушаев Умиджон Рахимович,**
кандидат философских наук.

Редакционная коллегия: Абдуллаев Равшан Вахидович, доктор экономических наук, профессор (Ташкент, Узбекистан), Бойцов Виктор, DrSc., профессор (информационные системы – Рига, Латвия), Вернигора Александр Николаевич, кандидат биологических наук, доцент (Пенза, Россия), Девярых Сергей Юрьевич, кандидат психологических наук, доцент (Витебск, Беларусь), Замаровский Петер, RNDr. (естественные науки – Прага, Чехия), Ивановска Божена, PhD. (социология – Варшава, Польша), Кашпарова Ева, PhD. (социология – Прага, Чехия), Крейчова Ленка, PhD. (психология – Прага, Чехия), Кобец Петр Николаевич, доктор юридических наук, профессор (Москва, Россия), Коротаев Андрей Витальевич, доктор исторических наук, профессор (Москва, Россия), Кэмп Марианне, PhD., доцент, (история – Вайоминг, США), Лидяк Ян, PhD., профессор (международные отношения – Колин, Чехия), Митюков Николай Витальевич, доктор технических наук, профессор (Ижевск, Россия), Сапик Мирослав, PhD., доцент (философия – Колин, Чехия), Сигмунд Томаш, PhD. (философия – Прага, Чехия), Сзуппе Мария, PhD. (история – Иври-сюр-Сен, Франция), Срб Владимир, PhD., (политология – Колин, Чехия), Танцошова Джудита, PhD., профессор (экономика – Братислава, Словакия), Хаджкова Ванда, DrPaed., доцент (педагогика – Прага, Чехия), Хайруллина Нурсафа Гафуровна, доктор социологических наук, профессор (Тюмень, Россия).

**Требования к оформлению материалов,
отправляемых в журналы «Социосфера» и «Paradigmata poznání»**

Материалы представляются в электронном виде на e-mail sociosphere@yandex.ru. Каждая статья должна иметь УДК (см. www.vak-journal.ru/spravochnikudc/; www.jscc.ru/informat/grnti/index.shtml). Формат страницы А4 (210 x 297 мм). Поля: верхнее, нижнее и правое – 2 см, левое – 3 см; интервал полуторный; отступ – 1,25; размер (кегель) – 14; тип – Times New Roman, стиль – Обычный. Название жирным

шрифтом, выравнивание по центру. На второй строчке печатаются инициалы и фамилия автора(ов), выравнивание по центру. На третьей строчке – полное название организации, город, страна, выравнивание по центру. В статьях методического характера следует указать дисциплину и специальность учащихся, для которых эти материалы разработаны. После пропущенной строки печатается название на английском языке. На следующей строке фамилия авторов на английском. Далее название организации, город и страна на английском языке. После пропущенной строки следует аннотация (3–4 предложения) и ключевые слова на английском языке. После пропущенной строки печатается текст статьи. Графики, рисунки, таблицы вставляются, как внедренный объект должны входить в общий объем тезисов. Номера библиографических ссылок в тексте даются в квадратных скобках, а их список – в конце текста со сплошной нумерацией. Ссылки расставляются вручную. Объем представляемого к публикации материала (сообщения, статьи) может составлять 4–25 страниц. Заявка располагается после текста статьи и не учитывается при подсчете объема публикации.

Имя файла, отправляемого по e-mail,
для журнала «Социосфера»

соответствует фамилии и инициалам первого автора, например: **Петров ИВ** или **German P**. Оплаченная квитанция присылается в отсканированном виде и должна называться, соответственно **Петров ИВ квитанция** или **German P receipt**.

для журнала «*Paradigmata poznání*» файл со статьей – **PP-Петров ИВ** или **PP-German P**, квитанция – **PP-Петров ИВ квитанция** или **PP-German P receipt**.

Материалы должны быть подготовлены в текстовом редакторе Microsoft Word, тщательно выверены и отредактированы.

Стоимость публикации в журналах составляет 250 рублей за 1 страницу. Выпущенная в свет статья предусматривает выдачу одного авторского экземпляра. Дополнительные экземпляры (в случае соавторства) могут быть выкуплены в необходимом количестве из расчета 250 рублей за один экземпляр.

INFORMATION ABOUT THE JOURNALS «SOCIOSPHERE» AND «PARADIGMATA POZNÁNÍ»

Methodological and theoretical journal «Sociosphere» publishes scientific articles and methodological books for lessons and complementary activities at social-humanitarian disciplines for professional and comprehensive schools. Themes of journal cover a wide range of problems. Materials about philosophy, sociology, history, culturology, study of art, philology, psychology, pedagogy, law, economics and other social-humanitarian areas are accepted.

The journal invites to cooperation Russian and foreign authors and accepts materials in Russian and English languages for publication. Full-text versions of all issues of journal will be placed on the website of Scientific Publishing Center «Sociosphere» <http://sociosphera.com> and on the website of Electronic research library at <http://elibrary.ru> and also on the website of Directory of open access journals at <http://www.doaj.org>.

The content of journal has following parts:

- Science
- In help to professors
- In help to teachers
- In help to doctoral candidates.

Periodicity of journal – 4 issues in a year (March, June, September, December).

Editor-in-Chief– Boris Doroshin,
candidate of historical sciences, assistant professor

Editorial board

Iлона G. Doroshina, candidate of psychological sciences, assistant professor (responsible for release), Michail A. Antipov, candidate of philosophical sciences, assistant professor, Diana V. Efimova, candidate of psychological sciences, assistant professor, Nadezhda V. Saratovceva, candidate of pedagogical sciences, assistant professor.

The international editorial council

Nikolay Arabadzhiiski, Ph.D, professor (Economics – Sofia, Bulgaria), Alla Yu. Bolshakova, Doctor of Philological Sciences, professor (Moscow, Russia), Asya S. Berberyan, Doctor of Psychological Sciences, professor (Erevan, Armenia), Sergey N. Volkov, Doctor of Philosophy, professor (Penza, Russia), Arash K. Golandam, assistant professor (Philology – Rasht, Iran), Vadim N. Goncharov, Doctor of Philosophy, assistant professor (Stavropol, Russia), Leonid E. Grinin, Doctor of Philosophy, academician of RANS (Volgograd, Russia), Zahidzhan M. Islamov, Doctor of Philological Sciences, professor (Tashkent, Uzbekistan), Eva Kashparova, Ph.D. (Sociology – Prague, Czech Republic), Natalia. Ts. Khristova, Ph.D, professor (History – Sofia, Bulgaria), Viktor V. Kondrashin, Doctor of Historical Sciences, professor (Penza, Russia), Valeriy M. Miniyarov, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (Samara, Russia), Marina P. Mokhnacheva, Doctor of Historical Sciences, professor (Moscow, Russia), Murat O. Nasimov, Candidate of Political Sciences (Kyzylorda, Kazakhstan), Miroslav Sapik, Ph.D, assistant professor (Philosophy – Kolin, Czech Republic), Elena N. Serdobintseva, Doctor of Philological Sciences, professor (Moscow, Russia), Judita Tancoshova, Ph.D, professor (Economics – Bratislava, Slovakia), Natalia A. Hrustalkova, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (Penza, Russia), Lubosh Cibak, Ph.D, MBA (Economics – Bratislava, Slovakia).

Czech science journal «**Paradigmata poznání**» (ISSN 2336-2642) publishes research papers, theoretical surveys and results of empirical studies, reviews for books, articles, dissertations, reviews, reports about scientific events at social-humanitarian, technical and natural-scientific disciplines. Themes of journal cover a wide range of problems.

The journal invites to cooperation Russian and foreign authors and accepts materials in Russian and English languages for publication. Full-text versions of all issues of journal will be placed on the website of Scientific Publishing Center «Sociosphere» <http://sociosphera.com> and on the website of Electronic research library at <http://elibrary.ru> and also on the website of Directory of open access journals at <http://www.doaj.org>.

The content of journal has following parts:

1. Theory and analyses.
2. Empirical and applied studies.
3. Surveys, reviews and comments.
4. Science life.

Periodicity of journal – 4 issues in a year (February, May, August, November).

Editor-in-Chief – Iлона G. Doroshina,
candidate of psychological sciences, assistant professor

Deputy Editor-in-Chief – Umidjon R. Kushaev, Ph.D. (philosophy),

International editorial board

Ravshan V. Abdullayev, doctor of economic sciences, professor (Tashkent, Uzbekistan), Victor Boicov, DrSc., professor (Information Systems – Riga, Latvia), Aleksandr N. Vernigora, candidate of biological sciences, assistant professor (Penza, Russia), Sergey Yu. Devyatych, candidate of psychological sciences, assistant professor (Vitebsk, Belarus), Bozhena Ivanovska, Ph.D. (Sociology – Warsaw, Poland), Vanda Hajkova, DrPaed., associate professor (Education – Prague, Czech Republic), Eva Kashparova, Ph.D. (Sociology – Prague, Czech Republic), Nursafa G. Khayrulina, doctor of sociological sciences, professor (Tyumen, Russia), Lenka Krejcová, Ph.D. (Psychology – Prague, Czech Republic), Petr N. Kobets, doctor of law, professor (Moscow, Russia), Andrey V. Korotayev, doctor of history, professor (Moscow, Russia), Marianne Kamp, Ph.D, associate professor (History – Wyoming, USA), Jan Lidyak, Ph.D. professor (Political science – Colin, Czech Republic), Nikolay V. Mityukov, doctor of technical sciences, professor (Izhevsk, Russia), Miroslav Sapik, Ph.D. associate professor (Philosophy – Kolin, Czech Republic), Tomash Sigmund, Ph.D. (Philosophy – Prague, Czech Republic), Mariya Szuppe, Ph.D. (History – Ivry-sur-Seine, France), Vladimir Srb, Ph.D. (Political Sciences – Colin, Czech Republic), Judita Tancoshova, Ph.D, professor (Economics – Bratislava, Slovakia), Peter Zamarovsky, RNDr. (Nature Sciences – Prague, Czech Republic).

Guidelines for publications sent to the journals «Sociosphere» and «Paradigmata poznání»

Articles are to be sent in electronic format to e-mail: sociosphere@yandex.ru or sociosfera@seznam.cz. Each article should have a UDC. Page format: A4 (210x297mm). Margins: top, bottom, right – 2cm, left – 3cm. The text should be typed in 14 point font Times New Roman, 1.5 spaced, indented line – 1.25, Normal style. The title is typed in central alignment. The second line comprises the initials and the family name of the author(s); central alignment. The third line comprises the name of the organization, city, country; central alignment. The methodical articles should indicate discipline and specialization of students for which these materials are developed. After a blank line the name of the article in English is printed. On the next line the name of the authors in English is printed. Next line name of the work place, city and country in English. After one line space comes the abstract in English (3–4 sentences) and a list of key words in English. The text itself is typed after one line space. Graphs, figures, charts are included in the body of the article and count in its total volume. References should be given in square brackets. Bibliography comes after the text as a numbered list, in alphabetical order, one item per number. References should be inserted manually. Footnotes are not acceptable. The size of the article is 4–25 pages. The registration form is placed after the text of the article and is not included in its total volume.

The name of the file

for the journal «Sociosphere» – family name and initials of the first author, for example: **German P**. The payment confirmation should be scanned and e-mailed, it should be entitled, for example **German P receipt**.

for the journal «Paradigmata poznání» – the file with an article – **PP-German P**, the payment confirmation – **PP-German P receipt**.

Materials should be prepared in Microsoft Word, thoroughly proof-read and edited.

Образец оформления статьи для журналов
«Социосфера» и «Paradigmata poznání»

Sample of articles for journals
«Sociosphere» and «Paradigmata poznání»

УДК 94(470)»17/18»

Культура г. Семиреченска в XIX веке

И. И. Иванов, кандидат исторических наук, доцент,

В. В. Петров, аспирант

Семиреченский институт экономики и права,

г. Семиреченск, N-ский край, Россия

Culture in Semirechensk in the XIX century

I. I. Ivanov, candidate of historical sciences, assistant professor;

V. V. Petrov, postgraduate student

Semirechensk Institute of Economics and Law,

Semirechensk, N-sk region, Russia

Summary. This article observes the periodicals of Semirechensk as written historical sources for its socio-economical history. Complex of publications in these periodicals are systematized depending on the latitude coverage and depth of analysis is described in these problems.

Keywords: local history; socio-economic history; periodicals.

Некоторые аспекты социально-экономического развития г. Семиреченска в XVIII–XIX вв. получили достаточно широкое освещение в местных периодических изданиях. В связи с этим представляется

актуальным произвести обобщение и систематизацию всех сохранившихся в них публикаций по данной проблематике. Некоторую часть из них включил в источниковую базу своего исследования Г. В. Нефедов [2, с. 7–8]. ...

Библиографический список

1. Богданов К. Ф. Из архивной старины. Материалы для истории местного края // Семиреченские ведомости. – 1911. – № 95.
2. Нефедов Г. В. Город-крепость Семиреченск. – М. : Издательство «Наука», 1979.
3. Рубанов А. Л. Очерки по истории Семиреченского края // История г. Семиреченска. URL: <http://semirechensk-history.ru/ocherki> (дата обращения: 20.04.2011).
4. Семенихин Р. С. Семиреченск // Города России. Словарь-справочник. В 3-х т. / Гл. ред. Т. П. Петров – СПб. : Новая энциклопедия, 1991. – Т. 3. – С. 67–68.
5. Johnson P. Local history in the Russian Empire, the post-reform period. – New York. : H-Studies, 2001. – 230 p.

Сведения об авторе

Фамилия, имя, отчество

Ученая степень, специальность

Ученое звание

Место работы

Должность

Домашний адрес

Домашний или сотовый телефон

E-mail

Согласен с публикацией статьи на сайте до выхода журнала из печати?

Да/нет (оставить нужное)

**ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- ✓ учебные пособия,
- ✓ авторефераты,
- ✓ диссертации,
- ✓ монографии,
- ✓ книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии
(в выходных данных издания будет значиться –
Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
или в России
(в выходных данных издания будет значиться –
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- Редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок).
- Изготовление оригинал-макета.
- Дизайн обложки.
- Печать тиража в типографии.

Данные виды работ могут быть осуществлены как отдельно, так и комплексно.

Полный пакет услуг «**Премиум**» включает:

- редактирование и корректуру текста,
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- печать мягкой цветной обложки,
- печать тиража в типографии,
- присвоение ISBN,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору по почте.

Тираж включает экземпляры, подлежащие обязательной отсылке в ведущие библиотеки Чехии (5 штук) или в Российскую книжную палату (16 штук).

Другие варианты будут рассмотрены в индивидуальном порядке.

PUBLISHING SERVICES
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- ✓ training manuals;
- ✓ autoabstracts;
- ✓ dissertations;
- ✓ monographs;
- ✓ books of poetry and prose, etc.

Books may be published in the Czech Republic
(in the output of the publication will be registered

Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»

or in Russia

(in the output of the publication will be registered

Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

We carry out the following activities:

- Editing and proofreading of the text (correct spelling, punctuation and stylistic errors).
- Making an artwork.
- Cover design.
- Print circulation in typography is by arrangement.

These types of work can be carried out individually or in a complex.

«Premium» package includes:

- editing and proofreading of the text;
- production of an artwork;
- cover design;
- printing coloured flexicover;
- printing copies in printing office;
- ISBN assignment;
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography or leading libraries of Czech Republic;
- sending books to the author by the post.

Circulation includes copies, which are obligatory delivered to the leading libraries of the Czech Republic (5 items) or to Russian Central Institute of Bibliography (16 items)..

Other options will be considered on an individual basis. For questions and requests you can contact us by e-mail sociosphere@yandex.ru.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Philosophical Society of Uzbekistan
Faculty of Business Administration, University of Economics in Prague
Academia Rerum Civilium – Higher School of Political and Social Sciences

MODERN PHILOSOPHIC PARADIGMS: INTERRELATION OF TRADITIONS AND INNOVATIVE APPROACHES

Materials of the II international scientific conference
on March 3–4, 2015

Articles are published in author's edition.
The original layout – I. G. Balashova

Signed in print 12.03.2015. 60x84/16 format.
Writing white paper. Publisher's sheets 12.
100 copies.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.:
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky, Česká republika.
Tel. +420608343967,
web site: <http://sociosfera.com>,
e-mail: sociosfera@seznam.cz